ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Евразийские исследования. История. Политология.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

"Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations"
Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

1
2025

VESTNIK RGGU. Seriya “Evraziiskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya”

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series

Academic Journal
There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. Political Science. History. International Relations” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commision list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5.4. International relations (Political science)
5.6.2. World history (Historical science)
5.6.7. History of international relations and foreign policy (Historical science)

Objectives and scope

RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet states, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047
Tel: 495-250-62-11
e-mail: rggu@rggu.ru

© RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series, 2024

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. Политология. История. Международные отношения» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.5.4. Международные отношения (политические науки)
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область

Вестник РГГУ. «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 495-250-62-11
Электронный адрес: rggu@rggu.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения», 2024

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief
E.I. Pivovar, member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board
A.S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
A.E. Titkov, Cand. of Sci. (History), professor, Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
B.G. Ayagan, Dr. of Sci. (History), Institute of History of the State Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
Yu.G. Akimov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation
M. Bassan, PhD., professor, University of Sodertorn, Stockholm, Sweden
A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
A.V. Fenenko, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
A. Filler, PhD., professor, University of Paris VIII, Paris, France
A.V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
J.M. Jafarov, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan
N.I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
V.L. Kheifets, Dr. of Sci (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation
E.A. Kosovan, Cand. of. Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
K.P. Kurylev, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
M. Laruel, PhD., professor, Georgetown University, Washington, USA
K.E. Meshcheryakov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

M.Yu. Mukhin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

B.B. Pak, Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (IOS RAS), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.-P. Ray, PhD., professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France

A.T. Sabirov, Cand. of Sci. (History), associate professor, International Institute for Central Asia, Tashkent, Uzbekistan

O.V. Solopova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Vlasov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E.Ya. Vittenberg, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

ISSN 2686-7648

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.И. Пивовар, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

А.С. Левченков, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

А.Э. Титков, кандидат исторических наук, профессор, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

Ю.Г. Акимов, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан

М. Бассан, PhD., профессор, Университет Сёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Е.Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.В. Власов, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А.В. Гущин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Д.М. Джафаров, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия

К.П. Курылев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

М. Ларюэль, PhD., профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США

К.Е. Мещеряков, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

М.Ю. Мухин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

О.В. Павленко, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Б.Б. Пак, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия

А.Т. Сабиров, кандидат исторических наук, доцент, Международный институт Центральной Азии, г. Ташкент, Узбекистан

О.В. Солопова, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

М.-П. Рей, PhD., профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция

Н.И. Харитонова, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.В. Фененко, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А. Филлер, PhD., профессор, Университет Париж VIII, г. Париж, Франция

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Ответственный за выпуск

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

ISSN 2686-7648

Contents

Economic processes in the post-Soviet area

E.Ya. Vittenberg
Innovation cooperation in the post-Soviet space 10

Russia and Central Asia

S.J. Atdaev
Nur-Berdy Khan – ruler of Ahal and Merv. Part 2 40

Migrations and diasporas

A.A. Zabiyako, Liu Shi
Formation of ideas about "emigration" and "emigrants"
in the Russian ethnic picture of the world
(16th – the second half of the 20th century) 61

Memorializing the Great Patriotic War

E.A. Kosovan
The Great Patriotic War in Soviet Lithuanian stained-glass art
(on the example of stained-glass artworks by Kazys Morkūnas) 82

International relations. Russia and the European Union

E.Yu. Treshchenkov
Post-Soviet region in sovereignty discourses
of Russia and European Union 110

Issues of energy interaction

S.A. Imanova
Russia and China. Energy cooperation at the present stage 135

Содержание

Экономические процессы на постсоветском пространстве

Е.Я. Виттенберг
Инновационное сотрудничество на постсоветском пространстве 10

Россия и Средняя Азия

С.Дж. Атдаев
Нур-Берды-хан – правитель *Ахала* и *Мерва*. Часть 2 40

Миграции и диаспоры

А.А. Забияко, Лю Ши
Формирование представлений об эмиграции и эмигрантах
в русской этнической картине мира
(XVI – вторая половина XX в.) 61

Мемориализация Великой Отечественной войны

Е.А. Косован
Великая Отечественная война в литовском
советском витражном искусстве
(на примере работ Казиса Моркунаса) 82

Международные отношения: Россия и Евросоюз

Е.Ю. Трещенков
Постсоветское пространство в дискурсах
суверенитета России и Европейского союза 110

Вопросы энергетического взаимодействия

С.А. Иманова
Россия и Китай: энергетическое сотрудничество
на современном этапе 135

ISSN 2686-7648

УДК 338.121
DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-10-39

Инновационное сотрудничество на постсоветском пространстве

Евгений Я. Виттенберг

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, intelban@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам инновационного сотрудничества стран СНГ. В ней проанализированы объективные и субъективные исторические, географические, международные, экономические, политические и социокультурные предпосылки для сотрудничества стран Содружества в сфере инноваций. Значительное внимание в статье уделено изучению двух основополагающих документов на эту тему, принятых правительствами стран СНГ, – «Программы инновационного сотрудничества до 2020 года» и «Программы инновационного сотрудничества до 2030 года», – приводятся примеры реализации этих документов на практике. В статье также рассматриваются основные направления инновационного сотрудничества в цифровизации всех сфер общественной жизни, роботизации, создании искусственного интеллекта, отмечаются достижения в сфере строительства инновационной инфраструктуры и в формировании единого информационного и инновационного пространства. Значительное внимание в статье уделено анализу еще имеющихся проблем инновационного сотрудничества в СНГ, заключающихся в существующих экономических барьерах между странами, в нехватке венчурных фондов, в санкционном давлении Запада на ряд стран и коррупции. В заключение статьи вносятся предложения по активизации инновационного сотрудничества в СНГ путем продолжения синхронизации законодательств, регламентирующих и стимулирующих инновационную деятельность, создания совместных институтов инновационной инфраструктуры и инновационных стартапов.

Ключевые слова: инновационное сотрудничество, единое инновационное пространство, информационное пространство, инновационная инфраструктура, проблемы сотрудничества, активизация сотрудничества

© Виттенберг Е.Я., 2025

Для цитирования: Виттенберг Е.Я. Инновационное сотрудничество на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 1. С. 10–39. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-10-39

Innovation cooperation in the post-Soviet space

Evgenii Ya. Vittenberg

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, intelban@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of innovation cooperation of the CIS countries. It analyzes objective and subjective historical, geographical, international, economic, political and socio-cultural prerequisites for cooperation of the Commonwealth countries in the field of innovation. Considerable attention is paid to the study of two fundamental documents on that subject adopted by the governments of the CIS countries – "Program of Innovation Cooperation until 2020" and "Program of Innovation Cooperation until 2030", and examples of implementation of those documents in practice are given. The article also considers the main directions of innovation cooperation in digitalization of all spheres of social life: robotization, creation of artificial intelligence, achievements in the construction of innovation infrastructure and in the formation of a common information and innovation space. Notable attention in the article is paid to the analysis of still existing challenges of innovation cooperation in the CIS, consisting in the existing economic barriers between the countries, in the lack of venture funds, in the sanctions pressure of the West on a number of countries and corruption. The article concludes with proposals for enhancing innovation cooperation in the CIS by continuing the synchronization of legislation regulating and stimulating innovation activities, creating joint innovation infrastructure institutions and innovative start-ups.

Keywords: innovation cooperation, common innovation space, information space, innovation infrastructure, issues of cooperation, intensification of cooperation

For citation: Vittenberg, E.Ya. (2025), "Innovation cooperation in the post-Soviet space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series,* no. 1, pp. 10-39, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-10-39

С переходом к экономике знаний и информационному обществу как развитые, так и развивающиеся страны в настоящее время сталкиваются с необходимостью сотрудничества в инновационной сфере и участия в региональной и мировой инновационной системе. Для успешного инновационного развития

ISSN 2686-7648

той или иной страны необходимо также активное конструктивное сотрудничество и несение солидарной социальной ответственности государства, бизнеса, общества и науки за результаты инновационного развития.

Подобная объективная потребность в инновационном развитии и инновационной кооперации все более настойчиво проявляется и в сотрудничестве постсоветских стран, а активизация их инновационного взаимодействия стала актуальной повесткой. В связи с этим активизировалась и исследовательская работа ученых стран Содружества, направленная на изучение процессов генезиса и развития инновационного сотрудничества постсоветских стран [Алимов, Курбанова 2012; Бойко 2011; Курбанова 2010; Макаров, Снаплян 2012; Сарсембеков 2013; Пивовар 2023] и др.

Актуализация инновационной повестки связана также с тем, что страны СНГ в ряде сфер пока еще отстают в инновационном развитии от передовых государств мира и, к сожалению, в последние годы у некоторых стран это отставание не сокращается, а нарастает, о чем свидетельствуют глобальные индексы инновационного развития[1]. Так, если Азербайджан в 2024 г., по сравнению с 2013 г., улучшил свои позиции и поднялся в этом индексе со 105-го на 95-е место из 132; Россия поднялась с 62-го на 59-е место, Узбекистан поднялся с 86-го на 83-е место, то Армения опустилась за этот период с 59-го на 63-е место, а Белоруссия – с 77-го на 85-е место. Наконец, Казахстан с 51-й позиции опустился на 78-е место, Молдова – с 45-го на 67-е место, а Таджикистан – со 101-го на 107-е место[2].

---

[1] Международная бизнес-школа INSEAD, Корнельский университет (Cornell University) и Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization) ежегодно публикуют аналитический доклад «Глобальный индекс инноваций» (The Global Innovation Index), в котором все страны мира оцениваются с точки зрения их развития, инновационности и технологичности. Глобальный индекс инноваций составлен из 80 переменных, которые характеризуют инновационное развитие стран мира. Индекс рассчитывается как взвешенная сумма оценок двух групп показателей: располагаемые ресурсы и условия для проведения инноваций (Innovation Input) и достигнутые практические результаты осуществления инноваций (Innovation Output).

[2] Глобальный инновационный индекс – 2013: США возвращаются в пятерку лидеров по уровню развития инноваций, Швейцария сохраняет первое место, динамика на местах выступает в качестве ключевого фактора преодоления глобального разрыва в сфере инноваций //

Как видно из приведенных данных, тренды инновационного развития стран СНГ в последнее десятилетие были разнонаправленными. Кроме того, они отличались высоким уровнем волатильности, и буквально на протяжении двух-трех лет инновационные показатели развития одной страны могли существенно меняться как в ту, так и в другую сторону.

Ухудшение позиций той или иной страны в этом рейтинге далеко не всегда означало, что она не развивается инновационно, но это может свидетельствовать и о том, что это развитие происходит медленнее, чем в других странах.

Кроме того, ускоренное инновационное развитие и импортозамещение, прежде всего в сфере высоких технологий, стало насущной необходимостью для России и Белоруссии, подвергшихся беспрецедентным санкциям со стороны стран Запада.

В истории инновационного сотрудничества стран СНГ было два основных этапа. Первый этап, как уже неоднократно отмечалось в исторической науке, хронологически совпадающий с 1990-ми гг., был деструктивным с ряда точек зрения, в том числе и с точки зрения разрыва инновационных связей бывших советских республик. А эти связи были достаточно прочными в таких важнейших сферах, как авиастроение, машиностроение, создание оборудования для освоения космоса, ВПК, медицина, образование и т. д.

Однако в ходе распада СССР, политического и экономического размежевания бывших советских республик, а также из-за системной трансформации и перехода к рыночным отношениям существовавшие инновационные связи были в значительной мере недальновидно разрушены. Кроме того, среди правящих кругов и зарождавшегося бизнеса были широко распространены иллюзии, согласно которым передовые страны оперативно помогут молодым постсоветским государствам преодолеть инновационную отсталость, бескорыстно поделятся с ними современными технологиями, начнут активно осуществлять инвестиции в технологичные стартапы на их территории.

Многие из этих надежд не оправдались: инновационными достижениями бесплатно делиться никто не хотел, а покупать

Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2013/article_0016.html (дата обращения 1 декабря 2024); Глобальный инновационный индекс 2024 года, 17-е издание // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4756&plang=RU (дата обращения 26 ноября 2024).

ISSN 2686-7648

их оказалось слишком дорого, инвестировать в инновационное развитие постсоветских стран западный бизнес также не спешил в силу их социально-политической и экономической турбулентности, неразвитости инновационной инфраструктуры, молодости национальных бизнесов, занятых проблемами приватизации и борьбой с криминалом.

В итоге в конце 1990-х и в 2000-е гг. у правящих элит и более или менее сформировавшегося бизнеса молодых государств появились и стали крепнуть идеи о необходимости возобновления инновационного сотрудничества на постсоветском пространстве, что ознаменовало переход ко второму этапу восстановления и развития инновационных связей стран СНГ.

Кроме всего прочего, эти идеи опирались на совокупность и многообразие объективных и субъективных предпосылок для восстановления и развития инновационного сотрудничества стран Содружества.

Основные объективные и субъективные предпосылки для инновационного сотрудничества включают в себя исторический фактор, а именно более или менее длительное пребывание в едином социально-экономическом, научном, образовательном и информационном пространстве одного государства, создающее предпосылки для восстановления инновационного сотрудничества.

Первостепенное значение имеет также фактор, заключающийся в длительном нахождении в едином инновационном пространстве, в участии в межреспубликанском разделении труда в сфере инноваций.

Важную роль в создании условий для инновационного сотрудничества играет ресурсный фактор: наличие всей «таблицы Менделеева» полезных ископаемых в странах СНГ, обеспечивающее их сырьевой суверенитет. Присутствие всех необходимых для инновационного развития ресурсов является преимуществом стран СНГ перед другими экономическими объединениями, в частности перед ЕС, обладающим гораздо более скромными ресурсными возможностями[3].

Наличие устоявшихся транспортных коммуникаций между странами СНГ также способствует восстановлению и развитию взаимовыгодного инновационного сотрудничества.

---

[3] Отмечая большую роль наличия огромных и разнообразных ресурсов для инновационного развития, автор отдает себе отчет в том, что изобилие природных богатств может в определенной мере сдерживать инновационное развитие, так как политические и экономические элиты страны СНГ могут и так относительно неплохо жить за счет сырьевых ресурсов.

Нельзя сбрасывать со счетов и такие факторы, как технологическая и производственная взаимодополняемость, относительная социокультурная близость и совместимость народов (русский язык как средство делового общения, знание менталитета друг друга, достоинств и недостатков деловых качеств, наличие основных религий, находящихся в дружественном взаимодействии, и т. д.).

К инновационному сотрудничеству страны СНГ подталкивает и общность задач, стоящих перед ними: решение проблем догоняющего инновационного развития в ряде областей, накапливание человеческого капитала в виде знаний и разнонаправленных компетенций, а также прививка вкуса к инновациям чиновничеству и бизнесу, внедрение инноваций во все сферы общественной жизни, коммерционализация инновационных достижений, сокращение бедности и социального неравенства за счет ускоренного инновационного развития, формирование и рост в новом среднем классе страты носителей инновационных идей, способных реализовать их на практике, подготовка инновационных кадров и предотвращение их локации за пределами Содружества, либерализация инновационного рынка.

Образовательный и научный фактор – сохраняющиеся элементы научных школ, институтов и позитивных черт советского образования и науки – также создает определенные предпосылки для инновационного сотрудничества.

При этом уже в 1990-е гг. были отдельные примеры успешного сотрудничества постсоветских стран в сфере инноваций. Так, в 1996 г. был осуществлен крупный инновационный информационно-аналитический проект «Банки СНГ и Балтии», в котором приняли участие все бывшие советские республики без исключения. Причем интересно, что участие в разработке концепции проекта, методики исследования принимали участие не только коммерческие банки, но и государственные органы в лице центральных банков ряда стран. По итогам этого проекта на русском и английском языках был издан огромный информационно-аналитический фолиант объемом около 1100 страниц[4].

Однако осуществление подобных проектов носило эпизодический характер. Отсутствие правовой базы, программных документов в этой сфере мешало приобретению инновационным сотрудничеством юридически обоснованного и системного характера.

[4] Банки СНГ и Балтии. Отраслевое справочное издание. М.: Интелбридж, 1996. 1088 с.

ISSN 2686-7648

В связи с этим в 2000-е гг. начался процесс подготовки правовой базы для обеспечения цивилизованного сотрудничества постсоветских стран, для перехода от эпизодического взаимодействия в области инноваций к системному, основывающемуся на правовых документах.

Так, например, в плане юридического обеспечения инновационного сотрудничества ряда постсоветских стран было принято несколько документов по защите интеллектуальной собственности, действие которых распространялось и на сферу инновационных открытий. Среди них необходимо назвать, прежде всего, Соглашение о выпуске совместного регионального патентно-информационного продукта на оптических дисках CD-ROM (Москва, 22 мая 2001 г.), Концепцию формирования национальных баз данных и организации межгосударственного обмена информацией по предупреждению и пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности (Душанбе, 25 мая 2006 г.), Соглашение о сотрудничестве в области правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности (Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 г.), Концепцию создания банка патентов и инноваций СНГ (Минск, 31 мая 2013 г.) и др.

В конце 2000-х гг. началась подготовка долговременных программных документов по развитию инновационного сотрудничества стран СНГ. В частности, с 2008 г. была развернута работа над «Программой инновационного сотрудничества до 2020 года».

Одновременно были созданы институты, призванные содействовать инновационному сотрудничеству. Так, в 2009 г. был образован Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах. Тогда же были утверждены Основные направления долгосрочного сотрудничества государств–участников СНГ в инновационной сфере.

Далее усилия правительств и бизнеса стран СНГ были сосредоточены на реализации положений «Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств–участников СНГ на период до 2020 года». Авторы Программы ставили перед собой амбициозную цель разработать необходимую для стран СНГ современную и долгосрочную повестку и создать новую парадигму для инновационного развития и сотрудничества.

Основными целями Программы были провозглашены создание условий для повышения глобальной конкурентоспособ-

ности экономики государств–участников СНГ, трансформация ее в социально ориентированную инновационную экономику, реализация приоритетов экономического развития в инновационной сфере на основе эффективного взаимодействия национальных инновационных систем в интегрируемом инновационном пространстве, утверждение международного авторитета Содружества как одного из мировых центров технологического и инновационного лидерства[5].

В Программе была определена ее главная цель: создание единого межгосударственного инновационного пространства, объединяющего возможности национальных инновационных систем.

Среди других задач, которые необходимо было решить при достижении программных целей, были названы:

– развитие межгосударственной кооперации в инновационной сфере;
– мобилизация и развитие научно-технологического потенциала;
– формирование системы кадрового обеспечения межгосударственного инновационного сотрудничества;
– совместное эффективное использование и развитие инновационной инфраструктуры;
– развитие системы межгосударственного регулирования инновационной деятельности[6].

В ходе реализации Программы правительства стран СНГ постоянно осуществляли мониторинг ее осуществления. Так, например, 30 мая 2014.г. в Минске состоялось заседание Совета глав правительств СНГ, участники которого уделили особое внимание ходу выполнения Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств–участников СНГ на период до 2020 г. и Комплекса мероприятий на 2012–2014 гг. по ее реализации.

На заседании было с удовлетворением отмечено, что проведена работа по отбору совместных инновационных проектов, тематика которых затрагивает практически все области экономики государств СНГ, включая энергоэффективность, медицину, информационные технологии. По итогам заседания глава

[5] Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств–участников СНГ на период до 2020 года // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3119 (дата обращения 24 ноября 2024).

[6] Там же.

ISSN 2686-7648

правительства Белоруссии М. Мясникович сообщил, что правительства стран СНГ профинансируют в 2014 г. 11 пилотных инновационных проектов на сумму 190 млн долл. Планировалось также подписание соглашений, регламентирующих сотрудничество в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией и информационное взаимодействие государств СНГ в области обеспечения транспортной безопасности[7].

За время выполнения Программы была разработана современная нормативно-правовая база для сотрудничества государств СНГ в инновационной сфере, сформирован действующий механизм осуществления на практике межгосударственных инновационных проектов, предложены технологии активизации процессов формирования современной инновационной инфраструктуры и основных ее институтов.

В ходе реализации Программы было также принято несколько важных решений и начато осуществление ряда серьезных совместных инновационных проектов. Так, 28 сентября 2018 г. в Душанбе в ходе заседания Совета глав государств Содружества Независимых Государств была подписана Конвенция Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях.

Реализация Конвенции позволяет объединить интеллектуальные, научные и производственные ресурсы стран СНГ в области проведения фундаментальных и прикладных космических исследований, создания и совместного использования национальных систем дистанционного зондирования Земли из космоса, космических систем связи и телерадиовещания, развития и применения спутниковых навигационных технологий ГЛОНАСС и других спутниковых навигационных систем, а также использования результатов космической деятельности в различных отраслях экономики[8].

---

[7] Итоги заседания Совета глав правительств СНГ и перечень принятых документов (г. Минск, 30 мая 2014 года) // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: https://cis.minsk.by/news/3198/itogi-zasedania-soveta-glav-pravitelstv-sng-i-perecen-prinatyh-dokumentov-gminsk-30-maa-2014-goda (дата обращения 24 ноября 2024).

[8] В Душанбе подписана конвенция СНГ о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях // Содружество авиационных экспертов Aviation Explorer. 28 сентября 2018. URL: https://www.aex.ru/news/2018/9/28/188683/ (дата обращения 16 декабря 2023).

Еще одним примером перспективного сотрудничества стран СНГ является подписанное главами правительств в мае 2017 г. в Казани Соглашение о совместном использовании экспериментального комплекса на базе казахстанского материаловедческого токамака (тороидальная камера с магнитными катушками – установка для магнитного удержания плазмы с целью достижения условий, необходимых для протекания управляемого термоядерного синтеза, введена в эксплуатацию в 2017 г.). Это Соглашение уже начало реализовываться Белоруссией, Казахстаном и Россией. На основе этого документа государства Содружества объединяют свои усилия в проведении исследований в области управляемого термоядерного синтеза, физики высокотемпературной плазмы, исследований и испытаний конструкционных материалов и узлов будущих энергетических термоядерных реакторов на базе токамака Национального ядерного центра Республики Казахстан[9].

Очередной важный документ в сфере научного сотрудничества был подписан главами правительств 1 июня 2018 г. Это Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств–участников СНГ. Оно направлено на повышение уровня охраны, защиты, коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности и их использования[10].

Большую роль в создании единого инновационного пространства стран СНГ играет реализация решения Экономического совета Содружества Независимых Государств от 21 июня 2019 г., принятого в Минске, «О формировании межгосударственной сети центров коллективного пользования в сфере инновационного сотрудничества государств–участников Межго-

[9] Соглашение о совместном использовании экспериментального комплекса на базе казахстанского материаловедческого токамака от 26 мая 2017 г. // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201802180001/ (дата обращения 17 декабря 2023).

[10] В Душанбе подписано Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств–участников СНГ // Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. 1 июня 2018. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/01-06-2018-v-dushanbe-podpisano-soglashenie-o-formirovanii-i-razvitii-rynka-intellektualnoy-sobstvennosti-gosudarstv-uchastnikov-sng (дата обращения 12 декабря 2023).

ISSN 2686-7648

сударственной программы инновационного сотрудничества государств–участников СНГ»[11].

Необходимо отметить, что, благодаря усилиям властей и бизнеса, страны СНГ активно сотрудничают в реализации инновационных проектов на практике. Так, например, белорусские государственные и частные фирмы непосредственно участвовали в 9 из 10 межгосударственных инновационных проектов. Среди наиболее значимых – разработка и внедрение комплексной информационной системы аэрокосмического прогнозного мониторинга чрезвычайных ситуаций природного характера. Применение на практике системы даст возможность снизить на 10–20% ущерб от таких ЧС и затраты на ликвидацию их последствий за счет принятия своевременных мер. Также специалисты СНГ совместно разработали высокочувствительную тест-систему для выявления гепатита Е у человека, диких и домашних свиней, кроликов и оленей. На основании полученных данных была предложена система противоэпидемических мероприятий среди населения Беларуси[12].

Однако, к сожалению, не все положения этой Программы, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, были выполнены.

В ноябре 2020 г. была принята новая «Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств–участников СНГ до 2030 г.»[13], в которой уже были учтены проблемы и недостатки, проявившиеся при реализации Программы до 2020 г.

В новой Программе содержится научное обоснование необходимости решения вопросов инновационного взаимодействия

---

[11] Решение Экономического совета Содружества Независимых Государств от 21 июня 2019 г. «О Положении о формировании межгосударственной сети центров коллективного пользования в сфере инновационного сотрудничества государств–участников Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств–участников СНГ» (город Минск) // Правовой портал «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34038373/ (дата обращения 11 декабря 2023).

[12] Программа инновационного сотрудничества стран СНГ стала более гибкой и адаптивной // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. 24 декабря 2020. URL: https://e-cis.info/news/569/89942/ (дата обращения 10 декабря 2023).

[13] Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств–участников СНГ на период до 2030 года // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3827/ (дата обращения 10 декабря 2023).

на межгосударственном уровне путем разработки соответствующих программ, обозначены цели и основные задачи инновационного сотрудничества на современном этапе и в среднесрочной перспективе, определены магистральные направления и общегосударственные приоритеты в инновационной сфере взаимодействия стран СНГ, прописаны принципы построения и технологии реализации Программы, обозначены планируемые мероприятия и проекты Программы, указаны конкретные источники финансирования инновационных инициатив, проектов и мероприятий, предложена система индикаторов, фиксирующих степень и качество выполнения намеченных целей, а также дан прогноз ожидаемых результатов реализации Программы[14].

В структуре новой Программы содержатся также положения, которые призваны создать условия для функционирования транспарентной системы международного сотрудничества не только в сфере инноваций, но и в сфере науки, образования и подготовки инновационных кадров.

Таким образом, Программа заложила основы системы координации деятельности властей и бизнеса СНГ в сфере инновационного сотрудничества.

Важно отметить, что реализации этой Программы будет содействовать и то, что передовая часть бизнесменов постсоветских стран воспринимают инновационное развитие многовекторно: как цифровизацию не только экономики, но и всех сфер общественной жизни, как внедрение в повседневную жизнь искусственного интеллекта, как создание новых машин, оборудования и материалов, как усовершенствование уже существующих технологических разработок, как нахождение новых управленческих решений, стимулирующих инновационное развитие, как поиск технологий экономии всех видов ресурсов, как повышение экологической безопасности производств и т. д.

Организационные инновации были применены бизнесменами Армении, Казахстана, Узбекистана и Киргизии даже в решении такого сложного вопроса, как содействие России и Белоруссии в организации параллельного импорта, хотя здесь властям и бизнесу этих стран приходилось проходить между Сциллой и Харибдой, то есть между желанием помочь российским и белорусским коллегам в получении необходимых товаров и заработать на содействии им в налаживании параллель-

[14] Межгосударственная программа...

ISSN 2686-7648

ного импорта, но одновременно избежать вторичных санкций Запада. Это противоречие решается в настоящее время следующим образом: власти этих дружественных стран формально заявляют о ненарушении санкционного режима, а частный бизнес, относительно независимый от государства и не связанный тесно со странами Запада, содействует налаживанию параллельного импорта в Россию и Белоруссию.

В последние годы лидер инновационного развития – Российская Федерация пытается способствовать инновационной кооперации стран СНГ, однако приходится признать, что до сих пор прогресс в этой сфере все-таки является относительно скромным.

Тем не менее в инновационном сотрудничестве стран СНГ были достигнуты определенные результаты.

Так, у бизнеса постсоветских стран уже есть заметные достижения в разработке опережающих технологий, в цифровизации различных сфер общественной жизни, в роботизации отдельных производственных процессов, в использовании искусственного интеллекта, в создании институтов инфраструктуры инновационного развития для четвертичного сектора экономики, для экономики знаний, таких как зоны свободной торговли, территории опережающего развития, технополисы, технопарки, центры бизнес-коучинга, венчурные фонды, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, организации технологического менеджмента и инноваций и т. д.

В России, например, функционируют 48 особых экономических зон (ОЭЗ), 54 территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), 137 научных инновационных центров, 260 бизнес-инкубаторов, около 350 коучинговых центров, 23 венчурных фонда, 10 инновационных научно-технологических центров.

Серьезные усилия по инновационному развитию страны прилагают власти и бизнес Азербайджана. Во всех университетах страны созданы инновационные центры, где не только решаются инновационные проблемы, но и готовятся инновационные кадры. Подобные центры существуют и в частном секторе Азербайджана – это Центр инноваций и предпринимательства Барама и Парк высоких технологий (при Национальной академии наук). В общей сложности в стране в настоящее время работает 18 бизнес-инновационных центров. В 2024 г. планируется запустить специальные инновационные площадки в Ленкорани, Гяндже и Сумгаите, а за преде-

лами Баку создать центры местных талантов и предпринимательства[15].

Быстро развивается в инновационном плане Армения. Крупнейший инвестиционный фонд страны – FAST поставил цель к 2041 г. превратить Армению в страну, входящую в десятку инновационных стран мира и одну из топ-5 в сфере науки о данных и искусственного интеллекта[16]. У FAST четыре основных направления: биотехнологии, прогрессивные материалы, роботостроение и наука о данных, которая в большей степени основана на искусственном интеллекте. Из всех четырех направлений наука о данных играет ключевую роль[17].

В Белоруссии насчитывается 25 субъектов инновационной инфраструктуры, в число которых входят: 17 технопарков, 6 центров трансфера технологий, Белорусский инновационный фонд, Национальный центр интеллектуальной собственности[18].

В Казахстане создание и модернизация инновационной инфраструктуры началось с основания Центра инжиниринга и трансферта технологий в 2003 г., а также создания нескольких технопарков.

По данным Национального агентства по технологическому развитию, в Казахстане сейчас функционируют более 20 центров инноваций, в том числе восемь региональных и один национальный технопарк, пять отраслевых конструкторских бюро и два международных центра трансфера технологий[19].

Около 30 различных центров инновационного развития создано в Узбекистане, и их число ежегодно растет. Среди них не-

---

[15] Инновационный центр начнет работу в трех регионах Азербайджана в 2024 году // Информационное агентство Report. 1 декабря 2023. URL: https://report.az/ru/ikt/v-2024-godu-innovacionnyj-centr-nachnet-rabotu-v-treh-regionah-azerbajdzhana/ (дата обращения 10 декабря 2023).

[16] Армения на пути к превращению в инновационный центр // The Analyticon – Monthly Analytical Journal. URL: https://theanalyticon.com/ru/новости-армения-на-пути-к-превращению (дата обращения 10 декабря 2023).

[17] Там же.

[18] Инновационная инфраструктура // БелИСА – Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы. URL: http://belisa.org.by/ru/nis/innovac_infrastr/ (дата обращения 14 декабря 2023).

[19] Инновации // Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/activities/9?lang=kk (дата обращения 10 декабря 2023).

ISSN 2686-7648

обходимо прежде всего назвать Фонд поддержки науки и инноваций, Международный центр молекулярной аллергологии, ГУП «Яшнабадский инновационный технопарк», Национальное управление инноваций и трансфера технологий, Центр передовых технологий. Для активизации инновационного развития в Узбекистане создано специальное Министерство инновационного развития Республики Узбекистан. Целью правительства страны является повышение качества и наращивание человеческого капитала, а также вхождение республики к 2030 г. в топ-50 стран мира в Глобальном инновационном индексе[20].

В 2010-е и 2020-е гг. в странах СНГ появились и получили развитие инновационные кластеры, сотрудничающие между собой. Так, например, в Армении функционирует несколько подобных кластеров: инновационный, нефтехимический, обработки алмазов и изготовления ювелирных изделий, добычи и обработки металлов.

К числу формирующихся и набирающих «критическую массу» объединений отнесены потенциальные армянские инновационные кластеры: фармацевтический и онкологических услуг.

В Армении не только развиваются уже функционирующие, но и создаются новые кластеры, специализирующиеся на информационных технологиях и предоставляющие услуги на основе аутсорсинга. Большую поддержку инновационным кластерам оказывают государственные и бизнес-структуры, а также состоятельная армянская диаспора, проживающая во многих странах мира[21].

В настоящее время на постсоветском пространстве разворачиваются масштабные проекты, связанные с трансформацией многих отраслей экономик ряда стран. В частности, реализуется цифровая повестка ЕАЭС, закладывающая механизмы данной трансформации, успешно функционирует офис управления инициативами.

С целью перевода положений Программы в практическую плоскость в настоящее время осуществляется пять цифровых

---

[20] Инновации – путь современного Узбекистана // Инновационное развитие России. 4 октября 2021. URL: https://rusinno.ru/article/429777/ (дата обращения 19 декабря 2023).

[21] О сотрудничестве государств–участников СНГ в сфере науки, технологий и инноваций // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3690/81469/ (дата обращения 14 декабря 2023).

проектов: цифровое отслеживание движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов; транспортные коридоры; внедрение и взаимное признание электронных сопроводительных документов; дан старт реализации Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, а также унифицированной системы поиска «Работа без границ».

По заказу бизнеса осуществляются совместные разработки актуальных технологических проектов в таких центрах, как «Сколково». Так, например, в декабре 2022 г. компания «ЮРРОБОТ», резидент «Сколково», с которым успешно сотрудничают ученые и предприниматели стран СНГ, стала самым инвестиционно привлекательным бизнесом среди участников акселерационной программы StartHub. Moscow и выиграла грант от Фонда развития венчурного инвестирования города Москвы. Со своими разработками компания вышла на рынки стран СНГ. Облачная платформа «ЮРРОБОТ» дает организации, мировому судье и судебному приставу возможность автоматизации их деятельности по работе с дебиторской задолженностью с использованием машинного обучения и искусственного интеллекта[22].

Другая компания, «Сайберфизикс», является одним из ведущих разработчиков платформенных инновационных решений для нефтегазового сектора, металлургии, горно- и золотодобывающей отрасли. Ее разработки способствуют модернизации производственных процессов, в том числе путем осуществления мониторинга состояния производственного оборудования, моделирования и оценки экономической эффективности различных эксплуатационных сценариев, а также использования цифровых двойников (эталонных моделей), реализуемых в виде суррогатных или физико-математических моделей[23].

Еще одна компания, “Rapid Bio”, разрабатывает иммунохроматографические и электрохимические тесты для медицинской диагностики и скрининга, выявления COVID-19 и других инфекционных заболеваний. Одним из основных направлений бизнеса компании является разработка экспресс-тестов для

[22] Резидент «Сколково» стал самым инвестиционно привлекательным бизнесом в StartHub. Moscow // Сколково. 27 декабря 2022. URL: https://sk.ru/news/rezident-skolkovo-stal-samym-investicionno-privlekatelnym-biznesom-v-starthubmoscow/ (дата обращения 9 декабря 2023).

[23] О компании «Сайберфизикс» // Сколково. URL: https://navigator.sk.ru/orn/1123133 (дата обращения 9 декабря 2023).

ISSN 2686-7648

диагностики новых штаммов коронавируса (антитела к SARS-COV-2) и прокальцитонина (PCT). Экспресс-тест на антиген COVID-19 получил сертификацию в Евросоюзе (CE-mark). Продукция компании завоевала широкое международное признание, зарегистрирована и поставляется в 33 страны мира[24].

Компания «Образовательные технологии» является одним из лидеров в своем сегменте на международном рынке. Она стала автором инновационной платформы Smart School Pro для дошкольных организаций, школ, организаций социальной защиты. В ноябре 2024 г. проект вошел в TOP-25 среди 2700 стартапов из 28 стран[25].

Инновационное ядро платформы – аналитика, задачами которой являются разработка оптимальной траектории развития индивидуума, оценка эффективности обучения внутри организаций, повышение качества процессов распространения знаний при минимизации временных затрат педагогов и специалистов.

Большие перспективы для разработки актуальных технологических проблем бизнеса стран СНГ создает открытый в январе 2023 г. кластер «Ломоносов» в составе научной долины МГУ. Сбор заявок на размещение в «Ломоносове» был открыт в декабре 2020 г. на ИТ-платформе Московского инновационного кластера. О заинтересованности стать резидентами «Ломоносова» на конец 2023 г. заявили более 300 компаний, в том числе несколько из стран СНГ. Кластер создан для высокотехнологичных компаний. В нем располагаются лаборатории, центры сертификации и испытаний, цифровых аддитивных технологий и центры НИОКР для осуществления научно-технологической и внедренческой деятельности. В ходе своего развития, помимо «Ломоносова», комплекс включит в себя следующие кластеры: «Образовательный», «Междисциплинарный», «Инжиниринг», «Нанотех», «Биомед», «Геотех», «Инфотех» и «Космос». Для студентов, аспирантов, молодых ученых и предпринимателей в комплексе работают коворкинговые пространства и акселерационные программы, помогающие развивать когнитивные способности и инновационное мышление у участников с целью

---

[24] Компания “Rapid Bio” // Сколково. URL: https://navigator.sk.ru/orn/1123162 (дата обращения 9 декабря 2023).

[25] Проект Smart School Pro стал финалистом пятой волны международного акселератора SBER500 // Социальная сеть ВКонтакте. 8 ноября 2024. URL: https://vk.com/smartschool_pro (дата обращения 24 ноября 2024).

оказания им помощи в генерировании инновационных идей, в разработке и реализации инновационных проектов.

Серьезные перспективы для сотрудничества предпринимателей постсоветских стран в сфере высоких технологий сулит их участие и в работе Национального космического центра в Москве, строительство которого будет завершено в 2025 г.

Во многих случаях кооперация ученых и предпринимателей нескольких постсоветских стран в сфере высоких технологий дает синергетический эффект и помогает решать сложнейшие проблемы научно-технического развития.

Так, в последнее время активизировалось сотрудничество в сфере инноваций российских и азербайджанских предпринимателей, что стало одним из проявлений стратегического партнерства между странами. В настоящее время Россия и Азербайджан реализуют совместные проекты на 7,5 млрд долл., большинство этих проектов носит инновационный характер.

Сегодня уже имеется ряд конкретных примеров двухстороннего сотрудничества бизнесменов и ученых в осуществлении тех или иных инновационных проектов. Это, прежде всего, инновационное сотрудничество в сфере добычи нефти и газа с целью минимизации потерь и удешевления самого процесса добычи и транспортировки энергоносителей. В этом направлении осуществляется сотрудничество между Сумгаитским технологическим парком, заводом «Ростсельмаш» и «Трансмашхолдингом», между AzOkso и ServiceInvest в сферах нефтяного и сельскохозяйственного машиностроения, а также цифровых технологий[26].

Одним из ярких примеров инновационного сотрудничества предпринимателей двух стран является совместное предприятие «Хайат Фарм». Построенный производственный комплекс соответствует общепринятым в мире высоким стандартам. Годовая производственная мощность завода составляет 22,5 млн упаковок, или 500 млн штук таблеток и капсул. Линейка производимых лекарственных препаратов включает лекарственные средства для терапии социально значимых и высокозатратных нозологий (сахарный диабет, онко- и кардиологические заболевания). Объемы производства позволяют покрыть спрос не только внутри Азербайджана, но и освоить рынки близлежащих стран: с 2021 г. продукция завода направляется на экспорт

[26] В Баку состоялся Азербайджано-российский форум промышленного сотрудничества // Азертадж. 4 апреля 2019. URL: http://az.mirtv.ru/news/90261 (дата обращения 9 декабря 2023).

ISSN 2686-7648

в Иран, Турцию и Грузию. Важно отметить, что предприятие не только производит лекарства, но и занимается разработкой новых инновационных препаратов, а также совершенствованием технологий производства[27].

Приведем пример и еще одного совместного проекта российского и азербайджанского бизнеса в сфере высоких технологий (телекоммуникаций). Российская компания «Синтерра» (позднее вошедшая в «Мегафон») и ведущий оператор мобильной связи «Азертелеком» учредили совместное предприятие "C-Ring Telecom", которое занимается созданием элементов общей «кольцевой» информационной структуры прикаспийских государств, с последующим выходом на страны Персидского залива[28].

Успешно развивается взаимодействие российских предпринимателей и ученых в сфере инноваций и с коллегами из Армении. В 2021 г. в рамках российско-армянского научного сотрудничества по линии госпрограммы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» было поддержано два крупных проекта. Первый проект должен решить задачу разработки технологических приемов снижения температуры спекания высокоэнтропийных керамических материалов на основе оксидов переходных материалов. Этот проект совместно осуществляют Российский технологический университет (РТУ) «МИРЭА» и Институт химической физики им. А.Б. Налбандяна Национальной академии наук Армении (ИХФ НАН РА). Области применения и спектр полезных свойств новой керамики сейчас активно изучаются по всему миру. В перспективе высокоэнтропийная керамика может стать основой для новых направлений в материаловедении и технологиях, подобно тому как высокоэнтропийные металлические сплавы открыли неиз-

---

[27] Азербайджано-российское СП Hayat pharm начнет производство в декабре // Каспий. 23 октября 2018. URL: https://www.kaspiy.az/azerbaidzano-rossiiskoe-sp-hayat-pharm-nacnet-proizvodstvo-v-dekabre (дата обращения 10 декабря 2023); «Р-Фарм» инвестирует в первый этап строительства фармпроизводства в Азербайджане более $11 млн // Рамблер. 2 ноября 2016. URL: https://finance.rambler.ru/economics/35166208/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 10 декабря 2023).

[28] *Золотова Т.* Цейце Леттинга выведет «Синтерру» к Каспию // Новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ. 11 марта 2010. URL: https://www.comnews.ru/content/21010 (дата обращения 14 декабря 2023).

вестные ранее возможности применения металлов в промышленности и энергетике[29].

Дальнейшее развитие исследований, запланированное коллективами РТУ МИРЭА и ИХФ НАН РА, направлено на поиск способов управления магнитными и электрическими свойствами высокоэнтропийной керамики, которые позволят открыть новые области эффективного применения инновационных материалов в электронике.

Второй совместный инновационный проект осуществляют совместно Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) и Ереванский государственный университет. Конечной целью этого проекта является разработка систем шестого поколения мобильной связи. Элемент, над которым ведется работа в проекте, – фотодетектор на основе графена – может стать перспективным для систем связи 6G. Он основан на графене, за открытие которого в 2010 г. ученые Андрей Гейм и Константин Новоселов получили Нобелевскую премию.

Кроме того, под эгидой Министерства высокотехнологической промышленности Республики Армения развивается взаимодействие бизнесменов наших стран по таким актуальным направлениям, как развитие производства беспилотных летательных аппаратов с применением композитных материалов, выпускаемых компанией «UMATEX», входящей в ГК «Росатом»[30].

Также Россия и Армения плодотворно сотрудничают в сфере высшего образования и подготовке кадров, способных осуществлять инновационные проекты. В 2022/23 учебном году было выделено 250 бюджетных мест в российских университетах для армянских студентов, а всего в российских вузах учится около 3 тыс. молодых людей из Армении.

Эксперты с оптимизмом смотрят на перспективы инновационного сотрудничества бизнесменов наших стран в среднесрочной перспективе. Недавно 20 крупных предприятий России и Армении уже представили свои разработки и предложения по наращиванию сотрудничества в области радиоэлектроники, интернета вещей, телекоммуникационного оборудования, вычислительной техники, беспилотного транспорта, технологий

[29] Россия и Армения работают над созданием новых материалов и беспроводной связи шестого поколения // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 10 июня 2022. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/52532/ (дата обращения 10 декабря 2023).

[30] Там же.

ISSN 2686-7648

телемедицины, систем идентификации личности, электронной торговли и т. д.

Серьезный импульс инновационному развитию Армении, прежде всего в сфере информационных технологий, придал переезд в эту страну в 2022–2023 гг. российских фирм, последовавший после начала СВО. В настоящее время в Армении работает около 4,5 тыс. российских компаний[31].

Армянский бизнес и наука серьезно вовлечены в различные направления инновационного сотрудничества СНГ и ЕАЭС. В Армении с большим успехом действует Школа молодого инноватора Российско-Армянского центра инновационного сотрудничества (РАЦИС).

Еще одним позитивным примером инновационного взаимодействия в рамках СНГ является сотрудничество Белоруссии и России. Белоруссия, сохранившая в значительной мере научно-технический потенциал СССР, является одним из лидеров инноваций на постсоветском пространстве. Россия и Белоруссия смогли преодолеть различного рода барьеры на первоначальном этапе сотрудничества. В результате возникла новая парадигма, и сейчас бизнесмены и ученые двух стран демонстрируют близкие к эталонным отношения и тренды для евразийского экономического сотрудничества.

За последние 20 лет в рамках Союзного государства было реализовано 57 программ по разработке новых технологий и созданию инновационной продукции. Среди наиболее крупных инновационных партнерских проектов можно назвать строительство Белорусской атомной электростанции, завода по производству технического углерода «Омск Карбон Могилев», а также завода по переработке масличных культур [Теребова, Иванов 2023].

В настоящее время реализуется еще 20 совместных проектов в самых востребованных областях. Речь идет в первую очередь о машиностроении и электронике.

Среди наиболее значимых проектов была программа «Исследования и разработки высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного

---

[31] Рабочий визит премьер-министра Никола Пашиняна в Российскую Федерацию // Премьер-министр Республики Армения. 7 июня 2023. URL: https://www.primeminister.am/ru/foreign-visits/item/2023/06/07/Nikol-Pashinyan-visiting-Sochi/ (дата обращения 14 декабря 2023).

сырья Союзного государства» («СКИФ-НЕДРА»). В рамках программы осуществлялась модернизация информационно-вычислительных технологий, включающих прикладное программное обеспечение и высокопроизводительные программно-аппаратные платформы, взаимооптимизированные для наиболее эффективного решения актуальных и перспективных вычислительных задач обработки геолого-геофизических данных при поиске, разведке и разработке месторождений углеводородного сырья.

В настоящее время также реализуется программа «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства («ДНК-идентификация»)». Проект нацелен на создание банка генетических данных населения Российской Федерации и Республики Беларусь для выявления географических и национальных особенностей людей при приеме лекарственных препаратов[32].

К активизации инновационного сотрудничества России и Белоруссии подталкивают и западные санкции, одна из целей которых ввергнуть наши страны в состояние технологической отсталости. В этих условиях сотрудничество ученых и предпринимателей наших стран направлено в первую очередь на достижение частичного инновационного суверенитета в тех областях, где он необходим, но пока отсутствует.

Еще одним важным партнером России в деле сотрудничества бизнеса постсоветских стран в сфере инноваций является Казахстан, обладающий значимым научно-техническим потенциалом. В первую очередь это касается сотрудничества в космической сфере. Для этого есть все условия, главным из которых является совместное использование космодрома «Байконур».

В настоящее время ведется планомерная совместная работа по созданию современного ракетно-космического комплекса «Байтерек», ввод которого в эксплуатацию запланирован на 2025–2027 гг., а казахстанские космонавты-испытатели включены в составы экипажей Международной космической станции.

[32] Поддержать инновации – обеспечить прорыв // «Союзное вече». Сайт газеты Парламентского собрания Союза Беларуси и России. 14 декабря 2011. URL: https://www.souzveche.ru/articles/our-union/11488/ (дата обращения 16 декабря 2023).

ISSN 2686-7648

Согласно межправительственному соглашению, ведется совместная работа по проекту Глобальной системы спутниковой навигации (ГЛОНАСС) и в области исследования космического пространства в мирных целях.

Особое значение приобретает сотрудничество по другим направлениям инновационной повестки, включая нано- и биотехнологии, создание искусственного интеллекта, а также внедрение цифрового вещания.

Среди значимых примеров российско-казахстанской технологической кооперации можно, в частности, также отметить:

– проект создания центра техобслуживания и промышленной сборки вертолетов, где российскую сторону представляет ОАО «Вертолеты России», а казахстанскую – «Казахстан Инжиниринг»;
– вхождение российского «Трансмашхолдинга» в уставный капитал стартовавшего локомотивосборочного завода в Астане;
– проект по производству современных вагонов на базе Алматинского вагоноремонтного завода[33].

Можно привести отдельные позитивные примеры инновационного сотрудничества российских бизнесменов с коллегами из Киргизии, Узбекистана и других стран.

Однако при анализе сотрудничества стран СНГ в сфере инноваций было бы антинаучно не видеть серьезных трудностей и преград на его пути. Среди них необходимо назвать прежде всего следующие:

1. Нахождение стран СНГ в разных геополитических и геоэкономических условиях, прямо или косвенно влияющих на содержание, темпы и глубину их инновационного сотрудничества.

2. Возникновение время от времени острых конфликтов и охлаждение межгосударственных отношений между странами сокращает, а иногда и прекращает инновационное сотрудничество. Так, конфликты между Россией и Украиной, между Азербайджаном и Арменией практически полностью остановили все виды сотрудничества между этими странами, включая инновационное. В свою очередь, серьезное охлаждение отношений между Россией и Молдавией нанесло заметный ущерб инновационному сотрудничеству этих стран в таких областях, как виноделие и переработка сельскохозяйственной продукции.

---

[33] Россия и Казахстан: сферы сотрудничества. Справка // РИА Новости. 21 мая 2009. URL: https://ria.ru/20090521/171872529.html (дата обращения 16 декабря 2023).

3. Разные масштабы экономик и разные уровни инновационного развития, что объективно затрудняет корреляцию инновационных интересов.

4. Сырьевой характер экономик ряда стран, не требующий активного инновационного развития, и как следствие низкий уровень заинтересованности части чиновников и бизнесменов в инновационных разработках.

5. Серьезным фактором, препятствующим эффективной реализации Программы инновационного развития СНГ, является слабый механизм взаимодействия стран в ее рамках и недостаточная развитость инновационной инфраструктуры, в частности малочисленность венчурных фондов, страхующих инновационные риски.

6. Волатильность рынка инновационной продукции, наличие факторов, сдерживающих его формирование.

7. Отсутствие стабильности в инновационном сотрудничестве и в исполнении принятых решений. Некоторые инновационные проекты остаются на бумаге, другие – реализуются не полностью, третьи – в силу объективных и субъективных причин прекращают работу, не исчерпав своего инновационного потенциала.

8. Недостаточная роль России – крупнейшей на постсоветском пространстве инновационной державы, как локомотива инновационного развития постсоветских стран.

9. Избыточная доля государственного бизнеса в экономике ряда стран сдерживает их инновационное развитие. Как свидетельствует мировая практика, государственный бизнес, нередко опирающийся на бюджетную поддержку владельца, менее заинтересован во внедрении инноваций. Кроме того, те или иные крупнейшие государственные компании могут быть монополистами в своей сфере, а отсутствие конкуренции, как известно, не способствует переходу предприятий на инновационные рельсы.

Не содействует инновационному развитию и избыточная регулятивная и контролирующая роль государства по отношению к инновационному бизнесу. Нередко она создает дополнительные бюрократические препятствия на пути инновационного сотрудничества стран Содружества.

В ряде стран СНГ инновационному сотрудничеству мешают дефекты власти и демократических институтов. Нередки случаи, когда политические амбиции элит и даже отдельных лидеров препятствуют инновационному сотрудничеству и осуществлению совместных инновационных проектов.

ISSN 2686-7648

10. Некоторое падение интереса к высшему образованию в ряде стран, в частности в России, ограничивает возможности подготовки специалистов для инновационного развития.

11. Несовершенство единого пространства инновационного диалога.

12. Слабая конкуренция инновационных научных школ и бизнесов в СНГ.

13. Недостаточный уровень развития информационного пространства, вследствие чего, в условиях осуществления странами многовекторной инновационной политики, бизнес иногда покупает инновационные разработки в Европе или в Китае, в то время как они есть в странах СНГ не худшего качества и дешевле.

14. Введение западных санкций против инновационных секторов экономики России и Белоруссии и угрозы вторичных санкций усложнили осуществление инновационных проектов и актуализировали решение задачи достижения частичного инновационного суверенитета.

15. Утечка мозгов из постсоветских стран. С сожалением приходится констатировать, что в результате эмиграции произошли значительные потери стран СНГ в человеческом капитале. Наши страны нередко покидают образованные люди – ученые и специалисты, а также предприниматели, по-хорошему амбициозные и способные принять участие в инновационном развитии стран Содружества.

16. Явные дефекты образования в ряде стран СНГ, отрыв его от потребностей инновационного развития.

17. Весьма существенной преградой на пути инновационного сотрудничества стран СНГ является недостаточное финансирование. Вопрос финансирования межгоспроектов наиболее проблемный, и до сих пор финансирование для инновационных проектов систематически выделяют только Беларусь, Россия и Кыргызстан. Это связано не только с ограниченностью средств у бизнеса и государства, но и с неверным выстраиванием ими приоритетов финансирования.

18. Стремление ряда членов СНГ к многовекторному инновационному сотрудничеству играет как позитивную, так и негативную роль. С одной стороны, вовлечение в инновационные процессы третьих стран, не входящих в СНГ, способствует расширению инновационного кругозора, обмену инновационными идеями и т. д. Но, с другой стороны, это приводит к распылению относительно скромных инновационных ресурсов.

19. К сожалению, не снято с повестки дня и устранение таких общеизвестных препятствий на пути осуществления инно-

вационных проектов, как коррупция, бюрократизм, некомпетентность.

20. Среди факторов субъективного порядка необходимо также отметить и состояние когнитивного диссонанса у части предпринимателей СНГ, когда, с одной стороны, у них есть понимание необходимости и неизбежности инновационного развития, а с другой – присутствует нежелание рисковать и инвестировать средства в не гарантирующие прибыль неинновационные проекты.

Исходя из сказанного выше, автор позволит себе внести несколько предложений по улучшению ситуации в инновационном сотрудничестве стран СНГ.

1. Прежде всего следует воспринимать концепцию «инновационного развития» не как чисто экономическую, что наблюдается у части представителей власти и бизнеса в СНГ, а как применимую на практике для совершенствования и модернизации всех сфер общественной жизни любой страны. Внедрение инноваций в социально-политическую жизнь, в сферы защиты природы, культуры, образования и науки может дать синергетический эффект и создать новую парадигму, которая в перспективе может позволить странам Содружества перейти от догоняющего к опережающему развитию.

2. Необходимо добавить к концепции «мягкой силы» концепцию «силы примера». Если бы Россия повсеместно демонстрировала в ведущих отраслях экономики позитивные результаты и показывала бы с помощью инноваций примеры решения социально-экономических проблем, то власти и бизнес постсоветских стран проявляли бы значительно больший интерес и стремились сами к инновационному сотрудничеству с российскими коллегами.

3. Необходимо активизировать курс на проведение согласованной инновационной политики, предполагающей, в частности, дальнейшую унификацию законодательств, регламентирующих и стимулирующих инновационную деятельность, а также более детальную координацию национальных инновационных программ. Это позволит ускорить процесс создания единого межгосударственного инновационного пространства, что откроет перспективу обеспечения каждому государству СНГ равных возможностей в совместном использовании технологических и инновационных потенциалов и достижений стран Содружества, свободный доступ на рынки инновационной продукции друг друга, а также поможет создать в рамках

ISSN 2686-7648

данного объединения общий рынок высокотехнологичных и конкурентоспособных товаров и услуг.

4. Для активизации функционирования рынка инновационной продукции стран СНГ необходима реализация прямых и косвенных методов стимулирования создания и коммерциализации инновационной продукции; организация координации деятельности инновационного бизнеса на макро- и микроуровнях.

5. Бизнесу постсоветских стран следует интенсифицировать переход от сотрудничества в традиционных сферах (торговля, инвестиции) к сотрудничеству в сфере высоких технологий и производстве товаров с высокой добавленной стоимостью.

6. Необходима еще более активная переориентация взаимных инвестиций постсоветских стран на финансирование высокотехнологичных стартапов, что продолжило бы осуществление процессов выравнивания уровней инновационного развития СНГ и «подтягивания» стран с менее развитой инновационной сферой по этому показателю к более развитым. Это могло бы привести к созданию более или менее ровного инновационного пространства на территории СНГ и способствовало бы интенсификации обмена инновационными идеями и совместному решению инновационных задач.

7. Как представляется, необходимо придание инновационному сотрудничеству большей стабильности, превратив его в главное направление экономического и научно-технического сотрудничества в СНГ.

8. Безусловно, следует интенсифицировать подготовку кадров, способных решать инновационные задачи для стран СНГ и интегрированных в научные и технологические школы России. Как Англия в XIX в. была мастерской мира, так и Россия должна стать инновационной школой для бизнеса СНГ. Советский лозунг «кадры решают все» в настоящее время вновь приобрел актуальное звучание.

9. Стимулирование заинтересованности молодых бизнесменов СНГ в основании высокотехнологичных стартапов в Сколково, Национальном космическом центре и др.

10. Привлечение в институты развития специалистов и бизнесменов из стран СНГ путем создания для них максимально благоприятных условий с тем, чтобы замедлить процессы утечки «инновационных мозгов» за границы Содружества. Одновременно создание оптимальных условий для жизни и творчества ученых, менеджеров и инновационных стартаперов может

привлечь инновационных специалистов из развитых и развивающихся стран в СНГ.

11. Следует активизировать, повысить качество и оперативность информационного обеспечения инновационной деятельности.

12. Необходимо обратить особое внимание на систему образования и воспитания всех уровней, усилив в ней инновационный аспект. Уже со школьной скамьи следует формировать у детей инновационное мышление, развивать когнитивные способности, учить школьников и студентов всех уровней учебных заведений самостоятельному критическому мышлению, смелости в выдвижении новых идей, стимулировать их к поиску неординарных решений стоящих задач, то есть заниматься подготовкой инновационных кадров. Для этого надо поднимать престиж высшего образования, преподавателей вузов, несущих инновационные знания, формирующих инновационную личность и инновационную повестку, ибо только университеты и научные центры способны готовить современные инновационные кадры и решать инновационные задачи. Необходимо развернуть наметившийся тренд ориентации школьников на продолжение образования в колледжах в сторону университетов.

13. Межгосударственный совет по инновациям должен отвечать за координацию деятельности всех межгосударственных отраслевых советов по инновационной тематике стран СНГ, а не быть очередным бюрократическим институтом.

14. Добиваясь инновационного суверенитета в условиях санкций по отдельным направлениям развития, необходимо не впадать в крайность инновационного изоляционизма, а пытаться налаживать и поддерживать сотрудничество в сфере инноваций не только со странами СНГ, но с другими государствами.

Аналогичным образом, стремясь к импортозамещению, в том числе в сфере инноваций, не стоит заниматься дорогостоящим «производством с нуля» и пытаться выпускать самим «все и вся», а пользоваться возможностями мирового рынка и приобретать на нем необходимое нередко дешевле и более высокого качества.

15. Формируя и развивая инновационное пространство в СНГ, необходимо тщательно следить за инновационными проектами в современном мире с тем, чтобы, образно говоря, не «изобретать велосипед» и не тратить средства и силы на то, что уже разработано и успешно функционирует.

Такая инновационная стратегия и тактика позволят странам СНГ пережить сложные времена и после возврата мира на

ISSN 2686-7648

путь глобализации более или менее безболезненно влиться в мировое инновационное пространство.

В итоге автор статьи оценивает перспективы инновационного развития и инновационного сотрудничества стран СНГ с умеренным оптимизмом. Он отдает себе отчет в том, что темпы инновационного развития стран Содружества и уровень сотрудничества между ними в сфере инноваций будут зависеть от множества объективных и субъективных факторов. Пока, например, не до конца ясно, какова будет диалектика взаимодействия доминирующего в долгосрочной перспективе тренда глобализации с явно идущими в настоящее время процессами регионализации и как они отразятся на темпах и качестве инновационного сотрудничества в мире, в том числе в СНГ. Или сегодня неизвестно, как повлияет изменение климата на задачи и процессы инновационного развития.

В любом случае у властей, бизнеса и населения стран Содружества быстро распространяется и укореняется осознание того, что иного пути, кроме как переход на рельсы инновационного развития и сотрудничества в сфере инноваций, нет. В противном случае страна, не осознавшая безальтернативность инновационного пути, рискует скатиться в архаику.

Литература

Алимов, Курбанова 2012 – *Алимов Р.А., Курбанова Д.М.* Институциональные особенности формирования инновационной экономики // Экономика и финансы. 2012. № 8. С. 2–6.

Бойко 2011 – *Бойко А.Н.* Межгосударственное инновационное пространство – фундамент сотрудничества государств–участников СНГ // Инновации. 2011. № 10 (156). С. 53–64.

Курбанова 2010 – *Курбанова Д.М.* Проблемы формирования инновационных кластеров в Республике Узбекистан // Экономика и финансы. 2010. № 6. С. 66–69.

Макаров, Снаплян 2012 – *Макаров Ю.Н., Снаплян О.О.* Основные направления долгосрочного сотрудничества государств–участников СНГ в инновационной сфере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 26 (167). С. 2–10.

Пивовар 2023 – *Пивовар Е.И.* Евразия в контексте глобальной цифровой цивилизации XXI века: новые приоритеты и потенциал интеграции // Евразийский ежегодник 2023 (1). М.: РАН, 2023. С. 143–154.

Сарсембеков 2013 – *Сарсембеков Н.Т.* Единое инновационное пространство СНГ как фактор усиления экономической интеграции // Вестник Удмурдского университета. Серия Экономика и право. 2013. № 2. С. 88–93.

Теребова, Иванов 2023 – *Теребова С.В., Иванов С.Л.* Развитие регионального сотрудничества предприятий России и Белоруссии в инновационной сфере // Экономика высокотехнологичных производств. 2023. Т. 4. № 2. С. 77–90.

References

Alimov, R.A. and Kurbanova, D.M. (2012), "Institutional specifics of the innovative economy formation", *Ekonomika i finansy*, no. 8, pp. 2–6.

Boiko, A.N. (2011), "Interstate innovative space – the base Cooperation of the states – Participants of the CIS", *Innovations*, no. 10 (156), pp. 53–64.

Kurbanova, D.M. (2010), "Challenges in forming the innovation clusters in the Republic of Uzbekistan", *Ekonomika i finansy*, no. 6, pp. 66–69.

Makarov, Yu.N. and Snaplyan, O.O. (2012), "Main directions for long-term cooperation of the CIS member states in the innovation sphere", *National interests: priorities and security*, vol. 8, no. 26 (167), pp. 2–10.

Pivovar, E.I. (2023), "Eurasia in the context of global digital civilization of the 21st century: new priorities and potential for integration", *Eurasian Yearbook 2023 (1)*, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 143–154.

Sarsembekov, N.T. (2013), "United innovation space of CIS as a factor of strengthening of economic integration", *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, no. 2, pp. 88–93.

Terebova, S.V. and Ivanov, S.L. (2023), "Developing regional innovative cooperation between Russian and Belarusian companies", *High-tech enterprises economy*, vol. 4, no. 2, pp. 77–90.

Информация об авторе

Евгений Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; intelban@mail.ru

Information about the author

Evgenii Ya. Vittenberg, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; intelban@mail.ru

ISSN 2686-7648

УДК 94(575.4)
DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-40-60

Нур-Берды-хан – правитель Ахала и Мерва
Часть 2

Сердар Дж. Атдаев
Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана
Ашхабад, Туркменистан, serdar63atdayev@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена жизненному пути Нур-Берды-хана – одного из ключевых героев туркменской истории. Будучи главным ханом Ахала, он играл значимую роль и в жизни Мерва, где проживал на протяжении многих лет. В войнах с Ираном и Хивинским ханством Нур-Берды-хан проявил себя как выдающийся военачальник и руководитель, а столкновения с российской армией в ходе Первой Ахалтекинской экспедиции выявили в нем таланты стратега и дипломата. Понимая, что практикуемая туркменами тактика быстрых налетов и регулярных набегов не дает необходимого результата в отношениях с Российской империей, Нур-Берды-хан стал адептом наиболее продуктивной в данном случае дипломатической линии поведения как с представителями имперских властей, так и с соседними государствами. Фигура хана является предметом многочисленных рассказов и легенд, запечатлена в преданиях и художественных произведениях. Однако в научной литературе биография Нур-Берды-хана практически не освещается, за исключением нескольких небольших брошюр. Автором предпринята попытка восполнить данный пробел. Анализ многочисленных источников и обзор историографии XIX в. дали возможность реконструировать историческую обстановку в туркменском обществе во второй половине позапрошлого столетия и помогли лучше понять политическую ситуацию в Центральноазиатском регионе в целом.

Ключевые слова: Нур-Берды-хан, Ахал, Мерв, Ахалтекинская экспедиция, Российская империя, Гёк-депе, текинцы

Для цитирования: Атдаев С.Дж. Нур-Берды-хан – правитель Ахала и Мерва. Часть 2 // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 1. С. 40–60. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-40-60

© Атдаев С.Дж., 2025

Nur-Berdy Khan – ruler of Ahal and Merv. Part 2

Serdar J. Atdaev

Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan, serdar63atdayev@gmail.com

Abstract. The work deals with the life path of Nur-Berdy Khan, one of the key heroes of Turkmen history. Being the chief khan of Ahal, he played a significant role in the life of Merv, where he lived for many years. In the wars with Iran and the Khanate of Khiva, Nur-Berdy Khan showed himself as an outstanding commander and leader, and the clashes with the Russian army during the First Akhal-teke expedition revealed his talents as a strategist and diplomat. Realizing that the tactics of quick onslaughts and regular raids practiced by the Turkmens did not give the necessary result in relations with the Russian Empire, Nur-Berdy Khan became an adept of the most productive in such a case diplomatic line of conduct both with representatives of the imperial authorities and neighboring states. The figure of Khan is the subject of numerous stories and legends, depicted in tradition and works of fiction. However, the scientific literature practically does not cover the biography of Nur-Berdy Khan, except for several small brochures. The author has made an attempt to fill the gap. The numerous sources analysis and review of historiography of the 19th century made it possible to reconstruct the historical situation in the Turkmen society in the second half of the century before the last century and helped to better understand the political situation in the Central Asian region as a whole.

Keywords: Nur-Berdy Khan, Ahal, Merv, Ahal-Teke expedition, Russian empire, Gyok-depe, Tekins

For citation: Atdaev, S.J. (2025), "Nur-Berdy Khan – ruler of Ahal and Merv. Part 2", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 1, pp. 40-60. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-40-60

Накануне Первой Ахалтекинской экспедиции

29 октября 1869 г. российские войска высадились на побережье Каспийского моря и организовали Михайловский пост. В ответ на это туркмены 20 октября 1870 г. совершили нападение на передовые части Красноводского отряда. Русские войска, в свою очередь, 30 ноября – 20 декабря осуществили первый поход на Кизил-Арват[1].

[1] *Шеманский А.Д.* Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. // История русской армии. СПб.: Полигон, 2003. Т. 3. С. 256.

ISSN 2686-7648

С 1870 по 1873 г. русское командование провело целый ряд демонстративных рейдов в глубь Ахала. В мае 1877 г. генерал Н.П. Ломакин захватил Кизил-Арват, но затем был вынужден отступить к Красноводску. В 1878 г. был осуществлен рекогносцировочный поход вдоль долины реки Атрек[2].

В этой сложной ситуации жители Ахала обратились за помощью к правителю Мерва Говшут-хану. Согласно информации российской агентуры в Тегеране, Говшут-хан собрал для помощи соплеменникам в Ахале до 30 тыс. мервских ополченцев. Вскоре подтвердились слухи, о том, что он собирается отправить в Ахал значительное подкрепление с артиллерией[3].

Нур-Берды-хан, желая отомстить русскому командованию за поражение, нанесенное его людям 12 мая 1877 г. у Кизил-Арвата, собрал новые силы. Согласно рапорту Н.П. Ломакина, в мае 1877 г. хан находился в Ахале, но затем он вернулся в Мерв[4]. В 1877 г. Нур-Берды-хан вновь появился в Ахале и в конце года снова покинул его, направившись в Мерв. О том, что в 1878 г. хан вернулся в Ахал, сообщает турецкий путешественник Мехмет Эмин Эфенди [Türkmen, Saglam 2019, p. 250, 256, 258].

Когда весной 1879 г. в Чекишляр прибыл временно командующий войсками Закаспийского военного отдела генерал-адъютант И.Д. Лазарев, Нур-Берды-хан все еще находился в Мерве[5]. Из рапорта начальника Амударьинского отдела полковника А.А. Гротенгельма от 17 октября 1879 г. следует, что из Мерва текинцы рода Гара (колено Бег) отправили 2 тыс. всадников на подмогу Ахалу. Мервские туркмены группировались около Нур-Берды-хана, популярность которого росла с каждым днем[6]. В 1879 г. хан окончательно покинул Мерв и перебрался в Ахал[7].

---

[2] *Шеманский А.Д.* Указ. соч. С. 256–258.

[3] Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960. С. 318–321, 325, 374.

[4] Там же. С. 319, 346.

[5] Покорение Ахал-Теке: (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис: Б.и., 1884. С. 1.

[6] Присоединение Туркмении... С. 462.

[7] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг.: В 4 т. СПб.: Тип. В. Балашева, 1883–1884. Т. 2. С. 200.

Действия Закаспийского военного отдела относительно экономической блокады туркмен

При продвижении российских войск в глубь Ахала первым делом захватывались зерновые склады и запасы или же просто уничтожались посевы. Однако на этот раз туркмены успели вывезти весь зерновой запас в Гёк-тепе, где складировали его в песках в специальных ямах[8], а также по дороге к Асхабаду[9].

Проблемы со снабжением испытывали как туркмены, так и русские. Например, генерал Лазарев планировал заготовку довольствия в Иранском Боджнурде, куда в августе 1879 г. был командирован Яхья-бек-Таиров. Однако данная экспедиция была организована плохо, и в конце 1879 г. генерал А.А. Тергукасов отдал приказ о продаже всего заготовленного довольствия[10]. В дальнейшем для устройства продовольственной базы в Персию был направлен полковник Н.И. Гродеков[11].

У туркмен возникли трудности с закупкой зерна в Иране, так как правительство этой страны (не без участия Н.И. Гродекова и его посланника Зиновьева) наложило строжайший запрет на вывоз риса и других зерновых в туркменские районы[12]. Подобный запрет на вывоз зерна в туркменские земли действовал и в Бухаре[13].

Дипломатическая переписка туркмен с российским военным командованием

С усилением военного присутствия России в Ахале, и особенно после рекогносцировочных работ по Узбою, туркменские ханы попытались отсрочить продвижение русских солдат в оазис. Начались дипломатические игры. К генералу Ломакину на стоянку у колодца Джамал был направлен Мухаммет-

---

[8] *Шеманский А.Д.* Указ. соч. С. 282.

[9] Покорение Ахал-Теке... С. 6.

[10] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 132.

[11] Там же. С. 132–138.

[12] The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". Vol. I. New York: G.P. Putnam's Sons, 1883. P. 177; *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 139.

[13] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 148.

ISSN 2686-7648

Али-казы с письмом старейшин четырех колен текинцев Ахала. В письме говорилось, что текинцы признавали власть Хивы, а так как нынешний хивинский хан стал покорным слугой Белого Царя, то и текинцы желают остаться в прежних подвластных отношениях к хивинскому хану. Одновременно с этим в конце 1875 г. текинцы отправили своих представителей и правителю Хивы. Начальник Амударьинского отдела полковник Н.А. Иванов[14] посоветовал хану послать в Ахал доверенного человека.

Н.П. Ломакин был против подобного решения, полагая, что лучше делать ставку непосредственно на Нур-Берды-хана. Однако хивинский хан, поддержав предложение Иванова, направил к текинцам своего ставленника Муса-мутавали. Однако этот шаг только усугубил положение в регионе, и вскоре Муса-мутавали вернулся в Хиву, а генерал Ломакин объявил текинцам, что всякие связи с Закаспийским военным отделом следует предпринимать непосредственно через Нур-Берды-хана, текинским же караванам предписывалось иметь письма, заверенные личной подписью последнего[15].

14 января 1876 г. начальник Кавказского горского управления В.А. Франкини не одобрил проект передачи управления текинцами Ахала Хиве, не имеющий, по его мнению, шансов на реализацию, и предложил кандидатуру Нур-Берды-хана на «пост» правителя Ахала [Халфин 1965, с. 336]. В своем рапорте от 23 декабря 1876 г. Н.П. Ломакин отметил, что продолжает переписку с Нур-Берды-ханом, желая склонить его на свою сторону[16].

Нур-Берды-хан, ведя переговоры с руководством Закаспийского военного отдела, был готов признать власть России, но с условием, чтобы русские войска не вступали в Ахал. Однако после того, как в мае 1877 г. российский отряд занял Кизил-Арват, ситуация резко изменилась. Туркмены стали готовиться к сопротивлению. Говшут-хан из Мерва обещал помощь в 30 тыс. человек[17]. Одновременно туркменские ханы вынужденно начали искать поддержку у Ирана.

---

[14] Иванов Николай Александрович (26 января 1842 – 18 мая 1904) – начальник Амударьинского отдела с 1873 по 1877 г.

[15] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 120–123.

[16] Присоединение Туркмении... С. 281.

[17] Там же. С. 325.

Связи туркмен с Ираном

В этой сложной обстановке наступило время дипломатии. Правитель кучанских курдов Абдул-Хасан-хан в 1876 г. направил письма текинским старшинам с предложением принять участие в общем собрании. На встрече в Новрузе (Повризе) был поднят вопрос о переходе в подданство Персии, но текинцы этот вариант отвергли. Нур-Берды-хан со своей стороны обещал кучанцам спокойствие на границе при условии выделения ему денег для найма 1400 человек ферраджей, кетхуд и караульных для патрульной службы на границе. Абдул-Хасан-хан, в свою очередь, предложил отправить 40 туркменских старшин в Тегеран на прием к шаху[18].

В рапорте начальника Закаспийского военного отдела от 10 сентября 1876 г. говорилось, что персидское правительство обязалось ежегодно платить текинцам по 6 тыс. руб. на содержание стражников-ферраджей. Оплата за первый год была внесена сразу. Текинцы обещали не грабить курдов и персиян и согласились признать шахскую власть[19]. В следующем рапорте от 10 февраля 1877 г. говорилось, что ездившие из Ахал-Теке

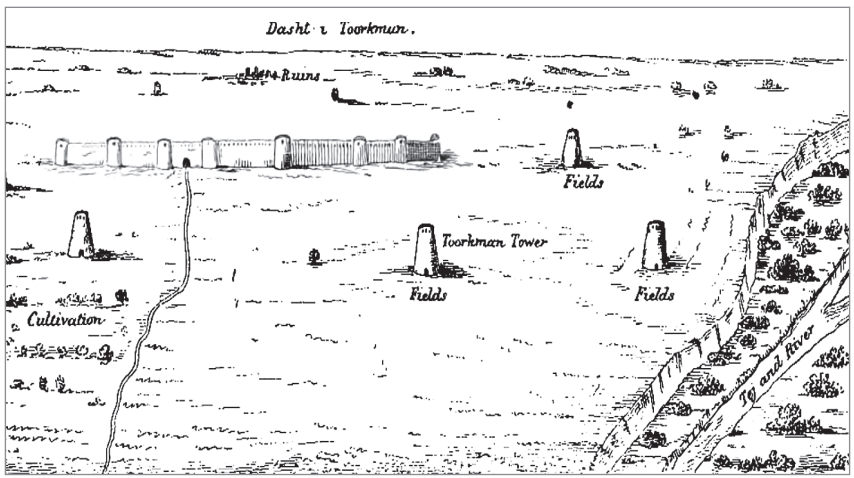

Рис. 1. Туркменская крепость Серахс

[18] Присоединение Туркмении... С. 274–276.
[19] Там же. С. 253.

ISSN 2686-7648

в Тегеран с Абдул-Хасан-ханом Курдским 40 текинских кетхуд возвратились в Кучан с двумя доверенными лицами от шаха. Вскоре в Ахале было созвано новое собрание, на котором избрали четырех аксакалов для отправки в Иран по вопросу «подданства Ахала-Теке иранскому шаху»[20].

Ища союзников, Нур-Берды-хан обращался к правителю Боджнурда Яр-Магомед-хану и переписывался с британским агентом в Мешхеде Аббас-ханом[21]. Из сообщения Чарлза Булджера мы узнаем, что в январе 1878 г. текинцы Мерва также пошли на примирение с персидским шахом, признав верховенство Ирана и пообещав не совершать набегов на иранскую территорию. В знак своего полного подчинения шаху текинцы готовы были отдать 100 заложников и направить на службу шаху тысячу конных текинцев. Агенту шаха было позволено поселиться в Мерве. Кроме того, текинцы признали власть Персии над Серахсом, получив в ответ право на поселение более тысячи своих семейств близ Серахса и вдоль течения реки Теджен. Шах со своей стороны обещал текинцам благосклонность и защиту. Однако Булджер отмечает, что такие договоры носили условный характер и могли быть нарушены в любой момент[22].

Поддержка туркмен Хивой

Воинственный настрой туркменских ханов и старшин в отношении русских также всячески поддерживала Хива. В российских донесениях часто говорилось, что «эмиссары Мерва и Ахала постоянно ездят в Хиву и возвращаются обратно, богато одаренные ханом»[23]. Следует добавить сообщение В. Маркозова о том, что текинский глава Нур-Берды-хан «получил от хана хивинского 5000 туманов, обязавшись за это напасть на русских»[24]. Из донесения российского посланника в Иране от 24 сентября 1871 г. следует, что хивинский хан даже обещал

---

[20] Присоединение Туркмении... С. 288.

[21] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 164–165.

[22] England and Russia in Central Asia. London. By Demetrius Charles Boulger, member of the Royal Asiatic Society. Vol. I. London: W.H. Allen & Co., 13 Waterloo Place, 1879. P. 230–232.

[23] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 100, 109.

[24] *Маркозов В.* Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. 2-е изд., доп. СПб.: В.А. Березовский; типография Э. Арнгольда, 1898. С. 70.

военную помощь в 3 тыс. всадников и несколько орудий[25]. В рапорте начальника астрабадской морской станции капитана К. Петриченко от 20 апреля 1872 г. сообщается, что хивинский хан уговаривал Нур-Берды-хана напасть на русских, но глава текинцев ответил, что готов помогать, если хивинский хан с своим войском нападет первым[26].

Контакты туркмен с английскими чиновниками

Вскоре на политической арене появился главный соперник России на Востоке – Англия. Английские эмиссары не раз посещали Мерв. В 1831 г. это сделал доктор Вольф, в 1832 г. – Александр Бернс, в 1840 г. – Эббот и Шекспир, в 1843 г. – Тейлор Томсон, а в 1844 г. во второй раз Мерв посетил Вольф[27]. В 1875 г. Ч. Макгрегор, получив необходимую информацию от ильхани Боджнурда Яр-Магомед-хана, составил список крепостей Ахала: Гяурс, Аннау, Асхабад, Гуртли, Гёкче, Кипчак, Херрек, Салык, Ясман, Ак-Дашаяк, Гара-Дашаяк, Ызгант, Баба-Арап, Горджоу, Келеджар, Багаджа, Янг-гала, Гумбетли, Ганджик, Гагшал, Ахал, Гёк-депе, Яраджа, Мехин, Нур-Берды-хан-гала, Ак-тепе, Караган, Дурун, Бахарден, Мурче, Сунче, Арчман, Бёрме, Бами, Кизил-Чешме, Янги, Зау, Кочь, Кизил-Арват[28].

В 1874–1876 гг. Уильям Томсон изучил пространство от Каспийского моря до Амударьи, обозначив на схеме расселение всех туркменских племен. Его брат Ронуальд Томсон в начале 1870 г. подготовил меморандум о туркменских племенах, дав в приложении полные сведения о дорогах и снабжении их водой. Братья создали разветвленную сеть агентов, с охватом территорий Северного Ирана, Туркмении, части Бухары и Хивы. В Мешхеде находился постоянный местный агент Аббас-хан, а в Астрабаде – Мухаммед-Таги-Ата. Эти купцы активно поддерживали связи с туркменскими племенами, регулярно сооб-

[25] Присоединение Туркмении... С. 62.

[26] Там же. С. 82.

[27] Russian Central Asia. Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv by Henry Landsdell D.D., Vol. I. London: Published by Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1885. P. 457.

[28] Narrative of a journey through the province of Khorasan and on the N.W. Frontier of Afghanistan in 1875 by Colonel C.M. MacGregor, C.S.I., C.I.E. Bengal staff corps: In 2 vols. Vol. II. London: W.H. Allen & Co, 1879. P. 99–100.

ISSN 2686-7648

щая в британское посольство обо всех событиях в этих районах [Васильев 2019, с. 293].

Английский агент в Мешхеде Аббас-хан установил через Тяч-Гёк-сердара[29] связь с текинцами Мерва. 25 июля 1879 г. Аббас-хан сообщал британскому чрезвычайному посланнику в Иране Р. Томсону, что к нему за советом приезжали четверо старейшин из Мерва. После переговоров трое из них вернулись назад, чтобы уговорить мервское население направить 20 тыс. кавалеристов и пеших в Гёк-депе. В ответном послании текинцы писали, что были готовы к сотрудничеству с англичанами. Еще раньше, 19 мая Аббас-хан получил письмо от Тяч-Гёк-сердара, в котором говорилось о готовности населения Серахса также помочь англичанам в осуществлении их планов [Хидоятов 1969, с. 359]. Английский консул в Астрабаде Черчилль поддерживал активную связь со своим представителем Молла-Клычем[30]. По данным Донована, Молла-Клыч являлся вторым сыном Гельды-хана[31] (по всей видимости, это был гёкленский хан из Гарры-гала Нур-Гельды-хан). Молла-Клыч в ноябре 1879 г. встречался с Нур-Берды-ханом и получил от него заверение в готовности текинцев отправить отряд в Красноводск [Хидоятов 1969, с. 388, 391–392]. В начале 1880 г. Нур-Берды-хан вместе со своим отрядом выступил по направлению к русскому лагерю, расположенному в местности Даш-Берды. По пути был захвачен караван с продуктами, который следовал к русскому лагерю в Чате. Известно также, что Нур-Берды-хан отправил некоего Исмаила Эфенди в Индию к вице-королю с посланием к английской королеве, в котором содержалась просьба взять туркмен под свою протекцию [Хидоятов 1969, с. 388, 391–392].

Первая Ахалтекинская экспедиция

После длительной болезни Нур-Берды-хан в конце сентября 1879 г. вернулся из Мерва в Ахал и здесь вновь был переизбран на ханство[32]. Теперь он стал главой одновременно текинцев Мерва и Ахала, с новой титулатурой «Ханларын ханы», то

[29] Тяч-Гёк-сердар происходил из текинского колена Сычмаз, рода Ак-Сопы.

[30] Правильно – Молла Гылч.

[31] The Merv Oasis... P. 208.

[32] Покорение Ахал-Теке... С. 3.

есть «Хан ханов». В том же месяце он направил письмо к английскому агенту в Мешхеде Аббас-хану. 11 октября 1879 г. Аббас-хан отправил посланца Нур-Берды-хана назад с дружеским письмом и с подарками [Хидоятов 1969, с. 390]. О единоначалии Нур-Берды-хана над текинцами Ахала и Мерва в российских документах говорится еще с января 1879 г.[33]

В связи с нарастающей угрозой жители Ахала обратились за помощью к текинцам Мерва. Ахальцы надеялись сосредоточить у Гёк-депе совместные силы в количестве до 80 тыс. воинов[34]. Мервцы оказывали ахалским братьям всевозможную помощь, несмотря на усилившиеся слухи о походе части российских войск из Бухары в сторону Мерва. В рапорте капитана А. Быкова говорится, что в июне 1879 г., будучи в Чарджоу, он слышал, что в Мерве находились посланцы из Ахала. Однако мервцы были заняты сбором материала относительно продвижения через Бухару 8-го и 9-го российских батальонов. Во время второго пребывания Быкова в Чарджоу, в июле месяце, слухи усилились. Сначала говорилось о том, что из Бухары едет русский офицер с сотней солдат, затем появилась информация, что в распоряжении этого офицера находятся 500 бухарцев. Мервцы выслали вперед 700 конных и пеших для захвата офицера. Они «резали баранов, устраивали праздник, радуясь, что придется драться»[35]. В рапорте начальника Амударьинского отдела полковника А.А. Гротенгельма от 17 октября 1879 г. говорилось, что в Мерве ожидали прихода русских и вследствие этого укреплялись все надежные пункты[36]. Следовало учесть наличие у Гротенгельма 2 тыс. солдат в Чарджоу[37].

Здесь надо указать на один примечательный факт. На протяжении Первой и Второй Ахалтекинских экспедиций, в течение примерно 10 месяцев (с августа 1879 по май 1880 г.) во главе командования российских войск сменилось 5 руководителей – И.Д. Лазарев (1820–1879), Н.П. Ломакин (1830–1902),

[33] Присоединение Туркмении... С. 374.

[34] *Бобровский П.О.* Ахал-текинская экспедиция (в Ахал-Текинский оазис) 1879 г. // История 13-го лейб-гвардейского Эриванского его Величества полка за 250 лет. СПб.: Тип. «В.С. Балашев и Ко», 1898. Ч. 5. С. 275.

[35] Присоединение Туркмении... С. 434.

[36] Там же. С. 462.

[37] England and Russia in Central Asia... P. 287, 294.

ISSN 2686-7648

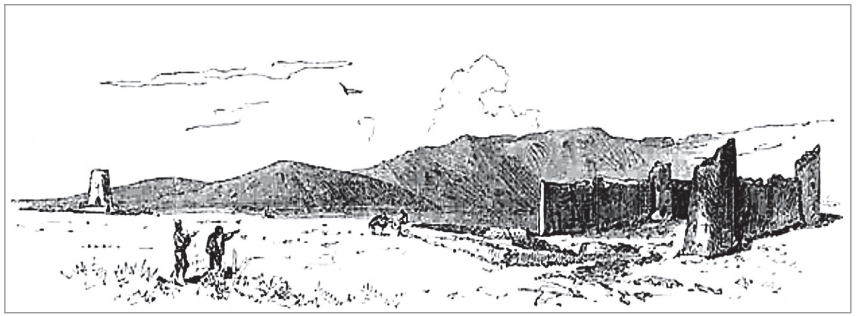

Рис. 2. Развалины Ходжам-гала
Рисунок Н.Н. Каразина

А.А. Тергукасов (1819–1881), генерал-майор А.М. Муравьев[38], М.Д. Скобелев (1843–1882). Свое назначение в Закаспийский военный отдел Скобелев получил в январе 1880 г. и после тщательной подготовки прибыл на восточный берег Каспия в начале мая. Именно под его руководством и была закончена Вторая Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг.

Возвращаясь к описанию событий 1879 г., следует отметить, что после неудачного штурма Гёк-депе под руководством генерала Ломакина 28 августа 1879 г. было принято решение об отступлении. С 30 августа до 3 сентября Н.П. Ломакин отступал безостановочно и 16-го числа достиг реки Атрек[39].

Из письма чрезвычайного посланника в Иране от 26 сентября 1879 г. следует, что войска Ломакина расположились в окрестностях села Гарры-гала. 14 октября Р. Томсон телеграфировал, что русские достигли крепости Чат и что по пути произошли столкновения с туркменами. В Чате был оставлен гарнизон, а Ломакин продолжил отступление в Чекишляр. В ноябре

[38] В.П. Мельницкий пишет: «Когда генерал Тергукасов, затягивая срок завоевания Ахала, видимо, добивался отозвания, то на место его был назначен временно Муравьев». В журнале «Всемирная иллюстрация» за 1880 г. мы находим лишь краткое сообщение о том, что «Временно заведующий войсками Закаспийского края генерал-майор Муравьев», выступив 3 февраля против отряда Дыкма-сердара, оттеснил текинцев вниз по ущелью. См.: В.П. Завоевание Ахал-Текинского оазиса // Завоевание Ахал-текинского оазиса. (Исторический очерк) // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 824; Известия из Средней Азии // Всемирная иллюстрация. 1880. Т. 23. № 580. С. 158.

[39] *Шеманский А.Д.* Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. ... С. 261.

Рис. 3. Крепость Чукурун-гала на пути между Ходжам-Калой и Бендесеном
Рисунок Ф. Гаанена

он вернулся в Чат с провиантом и припасами, а 28 ноября, по сообщению лорда А. Лофтуса, окончательно водворился в Чекишляре. Затем он отправился для отчетности в Тифлис[40].

Согласно сведениям немецкой прессы от 17 сентября, другая колонна русских войск двигалась от Красноводска на Кизил-Арват. Однако она прибыла к месту назначения уже после того, как отряды Ломакина отступили. Встретив небольшое сопротивление со стороны племен ходжа и ших, колонна в начале октября 1879 г. дошла до Кизил-Арвата и, продвинувшись еще на 20 км, достигла Кизил-Чешме[41].

По призыву Нур-Берды-хана текинцы осенью 1879 г. начали стягиваться к крепости Ходжам-гала. 29 октября Р. Томсон сообщил, что рядом с текинцами находились до 30 афганцев из племени джемшид. Генерал Ломакин обратился к текинцам с призывом признать российскую власть, но получил отказ от ахальцев, получивших подкрепление от «мервских собратьев и джемшидов»[42]. Текинцы со своей стороны отправили к Ломакину для переговоров двух старейшин с двумя сотнями всадников. Генерал приказал арестовать их, но затем отпустил, снабдив подарками и деньгами[43].

[40] England and Russia in Central Asia... P. 278.
[41] Ibid. P. 279–280.
[42] Ibid. P. 279.
[43] Ibid. P. 282.

ISSN 2686-7648

Английский агент в Астрабаде писал 16 октября, что текинцы Ахала и Мерва, а также джемшиды Афганистана пришли в Ходжам-гала, укрепляют ее и роют ров вокруг крепости. Здесь собралось уже около 25 тыс. туркменских конников, и их численность продолжала ежедневно расти. 2 тыс. из них были направлены в набег на Боджнурд[44].

Если говорить о джемшидах, то нужно отметить, что часть этого племени, переселившаяся в Хивинское ханство в 1840-х гг., в составе хивинских войск принимала участие в походах на Мерв и Серахс. Так было в 1853 г.[45] и в марте 1855 г., когда джемшидский военачальник Мир Ахмед-хан, получивший титул Хан-Ага от хивинского правителя Мухаммед-Эмин-хана, участвовал с 500 всадниками в серахском деле. В бою с текинцами он получил тяжелую рану и через три дня скончался[46]. Вскоре после этого племена джемшидов покинули Хиву и вернулись в Афганистан. Н.И. Гродеков во время своей поездки по Афганистану в 1878 г. писал о джемшидах, что «эта темная сила может принести нам пользу». Генерал отмечал, что джемшидов, а также племена хазаре, маури и теймуров можно использовать против теке Мерва; получив известие о том, что текинцы Мерва отправятся на помощь в Ахал, эти афганские племена не замедлят совершить набег на Мерв[47]. Однако, как мы видим, последующие события произошли с точностью до наоборот, и представители племени джемшид, не без участия англичан, теперь сражались на стороне туркмен.

В конце мая 1880 г. русские войска заняли Ходжам-гала, Бендесен и вышли к Бами[48]. 19 июня 1880 г. на Бендесенском перевале был убит казак 5-й сотни Полтавского полка М. Коломиец. Для осмотра трупа из Бами был выслан доктор Студитский с 12 казаками 6-й таманской сотни. Прибыв 21 июня к назначенному месту, они подверглись нападению со стороны текинцев. Согласно рассказу очевидца этого события, туркменами управлял человек в белой одежде. Сидя на белой лошади,

---

[44] England and Russia in Central Asia... P. 285.

[45] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 250.

[46] Там же. С. 263, 309.

[47] *Гродеков Н.И.* Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. V. С. 97.

[48] *Шеманский А.Д.* Указ. соч. С. 270.

Рис. 4. Оборона доктора Студитского на пути в Бендесен
Рисунок Н.Н. Каразина

этот незнакомец молча указывал своей белой шапкой направление действий[49]. Этот эпизод был отражен и в статье, помещенной в журнале «Всемирная иллюстрация». Там говорилось, что текинцами руководил человек «в европейском костюме»[50].

Вопрос о причастности английских служащих к туркменским делам был очень болезненным в контексте русско-английских отношений. Здесь уместно будет вспомнить разговоры о деятельности господина Бэтлера в Ахале. В 1876 г. он исследовал долину реки Атрек, а в 1877 г. получил от вице-короля Индии Р. Литтона задание организовать туркменские отряды для сопротивления действиям России в Ахале и Мерве. Этот факт стал известен в Петербурге, и царское правительство выступило с протестом. Бэтлер был немедленно отозван в Индию. Позже в журнале “Globe” он опубликовал описание своего участия в строительстве крепости Гёк-депе с применением новейших инженерных приемов европейской фортификационной науки,

[49] *Черняк А.* Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1889. Т. 190. С. 405.

[50] Известия из Средней Азии // Всемирная иллюстрация. 1880. Т. 24. № 601. С. 39.

ISSN 2686-7648

а также свое присутствие при укреплении еще двух объектов восточнее Гёк-депе. Откровения Бэтлера вызвали шумиху в английской прессе, и вскоре он был отправлен в отставку [Халфин 1965, с. 338–339]. Гродеков сильно сомневался в возможностях Бэтлера[51], хотя в среде русских военных не исключали возможность участия иностранцев в строительстве крепости Гёк-депе[52].

Премьер-министр Великобритании (с 1874 по 1880 г.) Б. Дизраэли, ссылаясь на мнение лорда Биконсфилда, в своем письме императрице Виктории писал: «Россию следует атаковать из Азии, для чего следует отправить войска в Персидский залив. Императрица должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от москвичей и гнать их в Каспий» [Mahajan 2002, p. 52]. В свою очередь, вице-король и генерал-губернатор Индии Р. Литтон потребовал от британского правительства заявить, что Англии следует отправить британских офицеров в Мерв, чтобы помочь туркменам в их борьбе с русскими[53].

Возвращаясь к деятельности Нур-Берды-хана, отметим, что в 1879 г. он выступил из Мерва, ханом которого он именуется в документах того времени[54]. Хан с отрядом в 6 тыс. джигитов и с 6 пушками двинулся по направлению к Ахалу[55]. К месту назначения отряд прибыл в сентябре. По мере движения войска к нему присоединялись местные джигиты, и в Арчмане отряд Нур-Берды-хана уже насчитывал 15 тыс. всадников и намеревался отрезать путь отступающему русскому отряду, заняв Бендесенский перевал[56].

О помощи Ахалу со стороны Мерва сообщал Берды-Мурад-хан в своей беседе с полковником К.М. Макгрегором[57]. Несколько тысяч мервцев, с двумя сыновьями Нур-Берды-хана прибыли в

---

[51] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 142.

[52] *Шеманский А.Д.* Указ. соч. С. 258.

[53] England and Russia in Central Asia... P. 53.

[54] Battles nineteenth century / Described by Archibald Forbes, G.A. Henty, major Arthur Grifeiths and other well-known writers with a chronological list of the more. Important battles of the century: Vol. I: with about 370 illustrations and 85 plans. London, Paris, Melbourne: Cassell and Company Ltd., 1896. P. 422.

[55] *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Русские в Ахал-Теке: 1879 г. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1881. С. 68, 106, 130.

[56] Там же. С. 158, 169.

[57] Central Asian portraits. The celebrities of the khanates and the neighbouring states by Demetrius Charles Boulger. London: W.H. Allen & Co., 13 Waterloo Place. Publishers to the India office, 1880. P. 250.

Гёк-депе, а главные силы с шестью орудиями остались в Асхабаде, где был устроен второй укрепленный пункт, который должен был дать отпор в случае занятия русскими Гёк-депе. Участие мервцев было очевидно, и «их подмога оказала существенную пользу защитникам Гёк-депе»[58]. По замечанию А. Ржевуского, эта помощь очень дорого «стоила мервскому хану Нур-Верды[59], лишившемуся своих двух сыновей убитыми»[60]. В числе убитых упоминается старший сын Нур-Берды-хана Берды-Мурад-хан и начальник конницы Гара-Батыр[61]. Во время осады крепости от взрыва гранаты погибли жена и двое детей Берды-Мурад-хана, а также его дядя Гурбан-хан – родной брат Нур-Берды-хана[62]. Относительно имени второго погибшего сына Нур-Берды-хана ничего не известно[63].

По возвращении в Ахал в сентябре 1979 г. Нур-Берды-хан созвал в Изганте совет, на котором решались вопросы, связанные с обороной Гёк-депе[64]. По распоряжению Нур-Берды-хана были возобновлены работы по усилению крепости. В Гёк-депе были поселены около тысячи богатых семей, которые предоставили необходимое количество рабочих для строительства укреплений Гёк-депе и взяли на себя все финансовые затраты. Был сформирован отряд из 1 тыс. ферраджей (по 200–300 из каждого колена), которые должны были следить за порядком и охраной границ оазиса. Во главе ферраджей колена Сычмаз стоял Овез-Дурды-хан, колена Багши – Хезрет-Кули-хан, колена Бег – Ораз-Мухаммет-хан, колена Векиль – Мурат-хан[65]. Содержание сторожевых постов было возложено на местных жителей, которые должны были платить специальную подать[66]. Чтобы сберечь лошадей, самых лучших особей отправили в Мерв[67].

---

[58] *Ржевуский А.* От Тифлиса до Денгиль-тепе (Из записок участника) // Военный сборник. 1885. № 3. С. 130.

[59] Так в источнике.

[60] *Ржевуский А.* Указ. соч. С. 156, 157.

[61] Экспедиция против туркмен ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1879. Т. 22. № 568. С. 426.

[62] *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Указ. соч. С. 130.

[63] Можно предположить, что вторым погибшим сыном Нур-Берды-хана был Дёвлет-хан. Хотя, согласно народным рассказам, он родился в 1855 и умер в 1876 г. Ныне его могила находится рядом с местом погребения Нур-Берды-хана и Махтум-Кули-хана в Ханкяризе.

[64] *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Указ. соч. С. 164.

[65] Покорение Ахал-Теке... С. 13–14.

[66] Присоединение Туркмении... С. 491.

[67] *Ржевуский А.* Указ. соч. С. 149.

ISSN 2686-7648

Нур-Берды-хан проявил лояльность к Дыкма-сердару, несмотря на то, что последний в течение месяца пробыл в плену у русских [Атдаев 2024, с. 68]. Уже позже, когда Дыкма-сердар вступил в переписку со Скобелевым о своей добровольной сдаче, он просил последнего вернуть ему бинокль, отнятый у него русскими «в Карасенгире»[68] в 1879 г., из чего следует, что сердар был пленен в крепости Кара-Сенгир.

На следующем совете в Гарагане Нур-Берды-хан, выслушав Сопы-хана и Дыкма-сердара, предложил им сформировать конную группу для постоянных атак. Позже, на протяжении июля – ноября 1880 г., эти отряды часто беспокоили российские войска, нападая на транспорт и разоряя телеграфные линии [Атдаев 2024, с. 71]. В апреле 1880 г. из Мерва, по призыву Нур-Берды-хана, выступили еще 4 тыс. мервских конных, к которым собирались примкнуть и сарыки[69].

Болезнь и смерть Нур-Берды-хана

По данным Г. Лэнсделла, Нур-Берды-хан умер зимой 1879 г.[70] Другие же исследователи, в большинстве своем, датируют смерть хана 1880 г. Например, по данным М. Алиханова и Ч. Марвина, Нур-Берды-хан ушел из жизни в начале 1880 г.[71]

А. Самойлович, проведя свое исследование, пришел к убеждению, что хан умер в марте 1880 г.[72] (правда, в архивах ученого мы находим уже другой месяц смерти хана – апрель 1880 г.[73]). По данным Н.Н. Сполатбога, Нур-Берды-хан, прибыв в Ахал, поселился в Изганте. Зимой он заболел и, будучи уже больным, в конце марта 1880 г. перебрался в Денгиль-депе и там умер[74]. По сообщению Н.И. Гродекова, Нур-Берды-хан умер 28 апре-

---

[68] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. С. 215.

[69] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В. Балашева, 1883–1884: В 4 т. Т. 1. С. 138, 165.

[70] Russian Central Asia... P. 481.

[71] *Алиханов-Аварский М.* Закаспийские воспоминания: 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 88; *Marvin Ch.* The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India. London: W.H. Allen & Co, 1883. P. 183.

[72] *Абду-с-Саттар Казы.* Книга рассказов о битвах текинцев: Туркменская историческая поэма XIX века. СПб.: Императорская Академия наук, 1914. Л. 0119.

[73] Российская Национальная Библиотека. Архив. Ф. 671. Д. 112. Л. 45.

[74] Покорение Ахал-Теке... С. 3.

ля 1880 г.[75] В отчете М.Д. Скобелева от 13 мая 1880 г. говорится, что Нур-Берды-хан «умер 14 дней тому назад», иначе говоря, 29 апреля 1880 г.[76] Известие о смерти Нур-Берды-хана было опубликовано 8 мая 1880 г. в газете “Daily News”, а позже, 17 мая, перепечатано в «Московских ведомостях» [Тихомиров 1960, с. 47].

А. Самойлович отмечал, что на момент смерти хану было 55 лет. Об этом же сообщал и Г. Мозер[77]. Умирая, Нур-Берды-хан завещал, чтобы его похоронили в родном селении и чтобы над его могилой не устраивали мавзолея. Могила его состояла из земляного бугорка, окруженного глинобитной стеной. Похоронен был хан на кладбище Сейит-Мурад-ишана близ селения Нур-Берды-хан кяриз[78].

Причина смерти

Н.И. Гродеков сообщает, что Нур-Берды-хан длительное время болел в Мерве, так как в 1879 г. «свихнул себе ногу». Он долго лечился и, поправившись в сентябре, прибыл в Ахал[79]. Н.Н. Сполатбог также сообщает, что у хана был вывих ноги[80].

Народная же память свидетельствует, что правитель Ахала и Мерва Нур-Берды-хан был отравлен ядом медленного действия, причем отравил его иностранный агент, который выхаживал хана под видом лекаря [Соегов 2017, с. 38]. По другой народной версии, отравителей было двое, и они появились в оазисе под видом паломников[81]. В сообщении В.П. Череванского говорится, что Нур-Берды-хан умер, заразившись язвой от своего любимого коня[82].

---

[75] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 9.

[76] Присоединение Туркмении... С. 475.

[77] A travers l’Asie Centrale: la Steppe Kirghize, le Turkestan Russe, Boukhara, Khiva, le Pays des Turcomans et la Perse Impressions de Voyage par Henri Moser. Paris: E. Plon, Nourrit, 1885. P. 319.

[78] *Абду-с-Саттар Казы.* Указ. соч. Л. 0118, 0119; Nurberdi han // Türkmen hanlary we serdarlary [Нурберды-хан // Туркменские ханы и сердары]. Aşgabat: Ylymly, 2020. S. 120.

[79] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 163.

[80] Покорение Ахал-Теке... С. 3.

[81] Nurberdi han [Нурберды-хан]... S. 118.

[82] *Череванский В.П.* Под боевым огнем. Историческая хроника: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1896. С. 44.

ISSN 2686-7648

Народная память

Деятельность Нур-Берды-хана нашла свое отражение в творчестве местных поэтов и певцов. Победа Нур-Берды-хана 1858 г. при Гарры-гала была воспета поэтом Хара-бегом из Бами[83]. Туркменский лирик Кятиби из Гарагана (Овез-Таган Артык-оглы, 1803–1881) в своем стихотворении «Нурберды-хан» призывал туркмен к объединению. После Первой Ахалтекинской экспедиции он написал стихотворение «Сбылось», где прославлял героизм туркменских джигитов. Во время осады Гёк-депе в 1881 г. поэт получил тяжелое ранение и вскоре умер. Его последнее стихотворение «За Родину сражались» было написано после Гёктепинского сражения, когда умирающий престарелый поэт попросил отнести его на поле битвы[84].

Заключение

Нур-Берды-хан, как глава двух оазисов, Ахала и Мерва, нес на своих плечах огромный груз долга и ответственности. В роли военного лидера ему приходилось вести бой с иранскими и хивинскими правителями, а в последние годы жизни он в роли военачальника, политика и дипломата противостоял России – сильному, опытному и вооруженному по последнему слову техники противнику. Нур-Берды-хан участвовал в переговорах с Ираном, Хивой и Англией, вел переписку с российскими военными должностными лицами, целью которой было сохранение родных земель и достижение достойного мира. Объединяя в этой борьбе другие племена, он содействовал сплочению туркменского народа. Немаловажно и то, что Нур-Берды-хан выступал в роли талантливого хозяйственника, реализовывал крупные экономические проекты, обеспечивая свой народ землей и водой. Работа, которую он вел долго и целеустремленно на столь разных поприщах – военном, дипломатическом, хозяйственном, – отняла у него много сил и здоровья. Оценивать ее, ее результаты и особенно методы можно по-разному. Однако следует подчеркнуть, что в коллективной памяти туркмен Нур-Берды-хан остается защитником и героем.

---

[83] *Абду-с-Саттар Казы*. Указ. соч. Л. 099-0101.

[84] Историко-культурное наследие Туркменистана: Энциклопедический словарь / Ред.-сост. О.А. Гундогдыев, Р.Г. Мурадов. Стамбул: UNDP, 2000. С. 189.

Литература

Атдаев 2024 – *Атдаев С. Дж.* Дыкма-сердар – трагический герой трагического времени // Вестник РГГУ. Евразийские исследования. 2024. № 1. С. 60–82.

Васильев 2019 – *Васильев С.Д.* Британское влияние на политику шахского правительства в отношении туркменских племен. Превращение Ирана в театр политического противостояния России и Великобритании // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сб. науч. трудов. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 290–300.

Соегов 2017 – *Соегов М.* Достойные противники: генерал М.Д. Скобелев и Овезмурат Дыкма-сердар // Вестник Калужского университета. 2017. № 4. С. 38–43.

Тихомиров 1960 – *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 238 с.

Халфин 1965 – *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.

Хидоятов 1969 – *Хидоятов Х.Г.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент: ФАН, 1969. 359 с.

Mahajan 2002 – *Mahajan Sh.* British Foreign Policy 1874–1914. London; New York: Routledge, 2002. 264 p.

Türkmen, Saglam 2019 – *Türkmen F., Saglam S.* Mehmet Emin Efendinin "İstanbul'dan Asyayı Vüstaya Seyahat" Adlı Kitabında Türkmenistan [Туркменистан в книге Мехмета Эмина Эфенди «Путешествие из Стамбула в Азию»] // Elginkan Vakfı 4. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Kurultayı Bildirileri. 24–26 Nisan. 2019 [Материалы 4-го Международного конгресса турецкого языка и литературы Фонда Элгинкан. 24–26 апреля 2019 г.]. Topkapi – Istanbul: Elginkan Vakfı, 2019. S. 243–259.

References

Atdaev, S.J. (2024), "Dykma-serdar is a tragic hero of a tragic time", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 1, pp. 60–82.

Khalfin, N.A. (1965), *Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.)* [Annexation of Central Asia to Russia (60–90s of the 19th century)], Nauka, Moscow, Russia.

Khidoyatov, Kh.G. (1969), *Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60–70-kh gg.)* [From the History of Anglo-Russian Relations in Central Asia in the late 19th century (60–70s)], FAN, Tashkent, Uzbekistan.

Mahajan, Sh. (2002), *British Foreign Policy 1874–1914*, Routledge, London, New York, UK, USA.

Soegov, M. (2017), "Worthy opponents: General M.D. Skobelev and Ovezmurat Dykma-serdar", *Bulletin of Kaluga University*, no. 4, pp. 38–43.

Tikhomirov, M.N. (1960), *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Annexation of Merv to Russia], Izdatel'stvo vostochnoi literatury, Moscow, Russia.

ISSN 2686-7648

Türkmen, F. and Saglam, S. (2019), "Mehmet Emin Efendinin 'İstanbul'dan Asyayı Vüstaya Seyahat' Adlı Kitabında Türkmenistan" [Turkmenistan in "Travel from Istanbul to Asia" by Mehmet Emin Efendi], in *Elginkan Vakfı 4. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Kurultayı Bildirileri, 24–26 Nisan, 2019* [Proceedings of the Elginkan Foundation 4th International Turkish Language and Literature Congress, 24–26 April, 2019], Elginkan Vakfı, Topkapi – Istanbul, Turkey, s. 243–259.

Vasil'ev, S.D. (2019), "British influence on the policy of the Shah's government with regard to Turkmen tribes. Turning Iran into a theater of political confrontation between Russia and Great Britain", in *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: 18–19 vv. Sbornik nauchnykh trudov. Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.* [Central Asia at the Crossroads of European and Asian Political Interests: 18th – 19th centuries. Collection of scientific papers. Alma-Ata, August 19–23, 2019], OntoPrint, Moscow, Russia, pp. 290–300.

Информация об авторе

Сердар Дж. Атдаев, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан; 744000, Туркменистан, Ашхабад, Туркменбаши шайолы, д. 18; serdar63atdayev@gmail.com

Information about the author

Serdar J. Atdayev, Cand. of Sci. (History), Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan; bld. 18, Turkmenbashi Shayoly, Ashgabat, Turkmenistan, 744000; serdar63atdayev@gmail.com

УДК 325.2(470)
DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-61-81

Формирование представлений об эмиграции и эмигрантах в русской этнической картине мира (XVI – вторая половина XX в.)

Анна А. Забияко

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия, a.a.sciencia@yandex.ru

Лю Ши

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия, 228349909@qq.com

Аннотация. Статья обращена к истории формирования в русской этнической картине мира представлений об эмиграции и эмигрантах. Анализируя материалы словарей, исторических документов, литературных и публицистических текстов, авторы приходят к выводам о том, что представление об эмиграции (из страны) возникает в русском сознании много раньше, чем в русскую лингвокультуру входят слова «эмигрант» и «эмиграция». Исторически пространственный смысл русских представлений об эмиграции имел второстепенное значение, в нем преобладали политические коннотации, синкретизированные с этническими (этнопсихологическими, этнорелигиозными) и этическими установками. В основе этих сложновыстроенных и исторически меняющихся значений лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины», «праведном/неправедном». Полярными значениями характеризовались эмиграция и эмигранты «в Россию» (из чужих отечеств) и «из России» (из своего отечества). Данный фрейм всемерно актуализировался после Октябрьской революции и определил формирование образов восприятия эмиграции в сознании метрополии и самовосприятия эмигрантов в рассеянии, художественную специфику этих категорий в русской литературе XVI – второй половины XX в. Пространственное значение понятия «эмиграция» лишь усиливает негативный политический смысл, а значение политической идентичности актуализирует этнические и национальные коннотации – вплоть до начала 1990-х гг.

ISSN 2686-7648

© Забияко А.А., Ши Л., 2025

Ключевые слова: эмиграция, эмигрант, этническая картина мира, универсалии этнического сознания, отчизна, чужбина, русское зарубежье

Для цитирования: Забияко А.А., Лю Ши. Формирование представлений об эмиграции и эмигрантах в русской этнической картине мира // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 1. С. 61–81. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-61-81

Formation of ideas about “emigration” and “emigrants” in the Russian ethnic picture of the world (16th – the second half of the 20th century)

Anna A. Zabiyako

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, a.a.sciencia@yandex.ru

Liu Shi

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, 228349909@qq.com

Abstract. The article addresses the history of the formation of ideas about “emigration” and “emigrants” in the Russian ethnic worldview. Turning to dictionaries, historical documents, literary and journalistic texts, the authors come to the conclusion that the idea of emigration (from the country) emerges much earlier than the words “emigrant” and “emigration” enter the Russian linguoculture. Historically, the spatial meaning in Russian perceptions of emigration was of secondary importance; it was dominated by political connotations syncretized with ethnic (ethno-psychological, ethno-religious) and ethical attitudes. So complexly constructed and historically changing meanings were based on perceptions of “own/foreign”, focused on the image of “fatherland/foreign land”, “righteous/unrighteous”. Emigration and emigrants “to Russia” (from a foreign homeland) and “from Russia” (from one’s own homeland) were characterized by polar meanings. That frame was fully realized after the October Revolution and determined the formation of the image for the perception of emigration in the consciousness of the metropolis and self-perception of emigrants in the dispersion, the artistic specifics of those categories in Russian literature of the 16th – the second half of the 20th century. The spatial meaning of the concept of “emigration” only strengthens the negative political meaning, and the meaning of political identity updates ethnic and national connotations – up to the early 1990s.

Keywords: emigration, emigrant, ethnic picture of the world, universals of ethnic consciousness, motherland, foreign land, Russian abroad

For citation: Zabiyako, A.A. and Liu Shi (2025), “Formation of ideas about ‘emigration’ and ‘emigrants’ in the Russian ethnic picture of the world”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series,* no. 1, pp. 61-81, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-61-81

Введение

Рождение любых понятий, уточнение и корректировка их содержания и объема, последующая рефлексия образов, определяемых понятиями, во многом связаны с развитием лингвокультурного и этнического сознания, а также с изменением исторических, этнокультурных, социокультурных и социополитических обстоятельств их рецепции. Одно из таких неоднозначных явлений, имеющих в разных этнических картинах мира своеобычную языковую, этическую и этнокультурную рецепцию, на наш взгляд, – явление эмиграции и сами эмигранты.

В разных исторических, географических и социально-политических обстоятельствах эмигранты по-разному воспринимаются принимающей стороной. Проблемы восприятия эмигрантов представителями принимающей культуры, и наоборот, восприятие эмигрантами представителей культуры-реципиента зависят от базовых установок, формирующих представления о «своем» и «чужом» и лежащие в этой плоскости антиномий этнического сознания представления об «отчизне» и «чужбине», «праведном» и «неправедном».

Отдельной проблемой представляется рецепция явления эмиграции и эмигрантов представителями страны исхода и самими эмигрантами. Еще недавно соотечественники, граждане одной страны – как воспринимают они по разные стороны границы сам факт того, что определенная часть населения оказалась за ее пределами? Как анализируют причины такого рода пространственных и ментальных трансформаций? Какие базовые установки влияют на процесс восприятия и самовосприятия эмиграции? Каким образом это связано с конкретной историко-политической ситуацией и этнокультурным, этносоциальным, этнорелигиозным окружением в принимающей стране и самосознанием самих эмигрантов, его проявленности вовне?

Представления об эмиграции и эмигрантах в сегодняшнем общественном и культурном сознании россиян являются пространством страстных дискуссий. Сама внутриполитическая и внешнеполитическая ситуация способствует полемическому переосмыслению сформировавшихся за годы советской власти, а затем, в годы перестройки, обретших полярные значения понятий.

В современном русском литературном языке понятие «эмиграция» (от лат. *emigrare* – переселяться, выселяться; франц. *émigration*, лат. *emigratio* – «выселение, выезд») трактуется как «вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по экономическим, политическим или ре-

ISSN 2686-7648

лигиозным причинам»; эмигрант – «человек, переселившийся из своего отечества в другую страну, находящийся в эмиграции (1 зн.)»[1]. Приставки «экс-», «э-» равны по смыслу «из-», «вы-»: «эмиграция» – «выселение»[2]. Соответственно, понятие «эмиграция» как таковое включает в себя три концептуальных значения – процессуальности в пространстве (выселение, переселение), бытийности (жизнь в эмиграции, бытие в качестве эмигранта), социальности (общность людей – эмигрантов) [Зеленин 2007]. Кроме того, словарь фиксирует весьма важное обозначение места, откуда осуществляется «выселение», – это «отечество». С данным концептом в русском этническом сознании прочно увязаны базовые представления о «своем/чужом», о «праведном/неправедном». Таким образом, в современном толковании в понятиях *эмиграция* и *эмигрант* соединены, в первую очередь, пространственные, онтологические, социальные смыслы, которые в своем семантическом континууме имеют нейтральный смысл – если бы не акцентирование понятия «отечество». Этические коннотации в семантике понятий «эмиграция» и «эмигрант», присущие русскому сознанию, заставляют обратиться к истории формирования самих представлений об указанных явлениях.

Постановка проблемы

Как социально-историческое явление эмиграция возникает в русском этническом сознании гораздо раньше, чем само понятие появляется в русском языке и закрепляется в лингвокультурной картине мира.

При анализе всех существующих периодизаций феномена российской эмиграции в нашем исследовании уместнее всего опираться на периодизацию, по крайней мере, в некой логической системе представляющей четыре этапа:

1) конец XV – середина XIX в.;
2) середина XIX – конец XIX в.;
3) конец XIX в. – 1914 г.;
4) 1917 – и далее [Ахиезер 1993].

Несмотря на то что миграционные процессы из восточнославянских земель были отмечены еще в Византийской империи

---

[1] *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. С. 1522.

[2] Эмиграция // Этимологический словарь современного русского языка / Под ред. М.Н. Свиридовой. М.: Аделант, 2014. С. 504.

[Брайчевский 1961], о фактах российской эмиграции и ее рефлексии можно говорить, только когда возникает и оформляется единое централизованное государство – Россия, то есть не ранее XVI в. [Сёмочкина 2008].

Какие базовые установки лежали в основе представлений о людях, отправившихся на чужбину и выбравших жизнь вне родных ландшафтов, родной культуры, родного языка? Как эти представления менялись на протяжении веков в разных социально-исторических формациях?

Результаты исследования и их обсуждение

История эмиграции из России начинает свой отсчет с бегства князя Андрея Курбского в XVI в.[3] Знаменитая переписка двух умнейших и образованнейших людей XVI в. стала не только настоящим памятником древнерусской литературы, «памятником живой политической пропаганды»[4], но и источником современной реконструкции этнопсихологических, этносоциальных и социально-политических оснований восприятия образа эмигранта русским этническим сознанием.

Курбский пытается оправдать *перед лицом общественного мнения* свое фактическое *предательство* – «отъезд» к польскому королю Сигизмунду II Августу –лютой жестокостью и ненавистью Ивана IV в отношении его подданных. В ответах Ивана Грозного звучит обвинение Курбскому в «крестопреступлении» – то есть измене клятве, которую тот давал на кресте, присягая Государю, а значит – *измене Отечеству*, самому православию и всему «*русскому роду*»[5].

Царь утверждает, что главной целью его жизни является благо русских подданных, заключающееся в единстве государства под самодержавной властью помазанника Божиего[6]. Соот-

---

[3] Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко: В 20 т. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001. С. 2.

[4] Там же.

[5] Развернутое обвинение Курбского в измене // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 298–301.

[6] Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII века / Подгот. Б.Н. Морозов // Археографический ежегодник за 1986 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1987. С. 46; Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Древнерусская литература. URL: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/pervoe-poslanie-groznogo-kurbskomu/pervoe-poslanie-groznogo-kurbskomu-original.htm?ysclid=luqmur652g239440074 (дата обращения 18 марта 2024).

ISSN 2686-7648

ветственно, боярин, предавший царя, – враг *Русской земли, враг православия, предавший предков, враг всех русских подданных*. Таким образом, в русском сознании в представлении об эмиграции *пространственная* концептуализация изначально была связана с *онтологической*; *политический* компонент был неотделим от *религиозного*, *этнического* и *этического*. И это задавало определенный фрейм в складывании будущего образа восприятия русского эмигранта в русской этнической картине мира.

После одиозной и, говоря современным языком, «резонансной» «эмиграции» А. Курбского к полякам его примеру последовало около 20 крупных военачальников. Во второй половине 1560-х гг. в Великое княжество Литовское уехал и первопечатник Иван Федоров – также спасаясь от опричнины[7]. Однако эти исторические факты не получили широкой огласки в русском обществе – о них, как и о последующих громких «выселениях», будет предпочтительнее всегда умалчивать. Официально выезд за границу без каких-либо на то государством данных оснований был запрещен:

> Согласно Соборному уложению (сборнику узаконений) 1649 г., на всех столбовых дорогах в западном приграничье действовали заставы. Они проверяли, есть ли у выезжающих челобитные на выезд. Получить их можно было только у самого царя. Восточные рубежи охранять так тщательно не было нужды: бегство туда фактически означало либо смерть в глуши, либо попадание в руки степняков[8].

Сама история слов «эмигрант» и «эмиграция», закрепленная в словарях разной направленности, отражает этапы формирования исторически меняющихся значений понятия. Слово «эмигрант» (немецкого происхождения[9]) как «*человек, переселившийся в другую страну по причинам политического, эконо-*

---

[7] Федоров Иван // Большая советская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4707578 (дата обращения 14 апреля 2024).

[8] *Вдовенко А.* Казаки, калмыки, евреи, старообрядцы, революционеры и другие: кто и почему эмигрировал из Российской империи до 1917 года // Нож. 17 июля 2023. URL: https://knife.media/imperial-emigration/?ysclid=lx9q7ogtt1703320149 (дата обращения 14 апреля 2024).

[9] *Епишкин Н.И.* Эмигрант // Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. URL: https://gallicismes.academic.ru/43451/%D1%8D%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82 (дата обращения 18 марта 2024).

мического или другого характера»[10], приходит в русский язык, скорее всего, в середине XVII в.

Усвоено же оно в широком применении на рубеже XVIII–XIX вв., после событий Французской революции 1789–1799 гг.[11] В результате сложных религиозных конфликтов (Германия, Франция) в Россию хлынул поток всех,

> ...кто оставил свое отечество и поселился в другом. Сим именем особенно называются те, кои оставили Францию во время революционного в оной правления, быв не довольны новою конституциею как первою Королевскою, так и Республиканскою, по уничтожении Королевского достоинства учрежденною[12].

По крайней мере, именно этот исторический период фиксируют отечественные исторические и литературные источники. «А помнишь ли ты этого пригожего эмигранта?», – вопрошает героиня комедии великого баснописца[13], имея в виду «пригожего» француза-эмигранта, оказавшегося в России после исторических потрясений в своем отечестве. С момента появления данного слова для определения явления ему, как видно, сопутствовала и религиозная составляющая – ведь речь шла о немецких и французских протестантах, изгнанных из своих отечеств за «исповедание своей веры»[14]:

> С самого начала своей революции Франция сдала России целую толпу эмигрантов, которых мы, по своей привычке, приняли с распростертыми объятиями...[15]

---

[10] Эмигрант // Термины по ОРЦ. Термины Геополитика. URL: https://topuch.com/termini-geopolitika/index.html (дата обращения 18 марта 2024).

[11] *Плавинская Н.Ю.* Великая французская революция (1789–1794) // Исторический лексикон. XVIII век. М.: Знание, 1996. С. 120–126.

[12] *Епишкин Н.И.* Эмигрант...

[13] *Крылов И.А.* Урок дочкам // Крылов И.А. Полное собр. соч.: В 3 т. / Ред. текста и примеч. Н.Л. Бродского. Т. II. [Драматургия]. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 357–600.

[14] *Болотов А.Т.* Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796: В 2 т. Т. 1 / Предисл., примеч. В.Н. Ганичева. Тула: Приокское книжное изд-во, 1988. С. 201.

[15] *Самарин Ю.Ф.* Иезуиты и их отношение к России // Православие и народность / Сост., предисл. и комм. Э.В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 160.

ISSN 2686-7648

> В начале 1689 г. София особым манифестом призвала в Россию французских эмигрантов, протестантских исповедников, изгнанных Людовиком XIV[16].
>
> У еврея – у этого первозданного изгнанника, у этого допотопного эмигранта – есть кивот, на котором почиет его вера[17].

Итак, на протяжении почти двух последующих столетий понятие «эмигрант» в русской лингвокультуре не связывалось с процессом оставления России русскими подданными, целиком ассоциируясь с эмигрантами в Россию извне (из Франции, Германии, с миграцией евреев и т. д.). Так как в русском языке и литературе понятия «эмиграция» и «эмигрант» обозначали в указанные периоды процесс (эмиграцию) и его участников (эмигрантов), оставляющих не свое, а чужое отечество, не свою – а чужую веру, то значения слов долгое время не имели отрицательных коннотаций, практически синонимизируясь с понятиями «прибывшие в страну», «иностранцы» – то есть, говоря современным языком, «мигранты». Эти эмигранты в восприятии русского культурного сознания имеют нейтральные и положительные образы, что в целом отражает складывающееся в обществе приятие и даже – приветствование эмиграции в Россию извне.

С середины, а особенно с конца XVIII в. начинается процесс массового движения за пределы отечества уже подданных Российского государства – это обусловлено динамикой Петровских реформ, стремлением пионеров российского Просвещения развить экономику, науку, военное дело в своем государстве. Русские эмигранты появляются во французской Ницце, а сыновья русских дворян начинают получать образование в Галле, Марбурге и Йене (Германия) [Ионцев и др. 2001]. При этом факты эмиграции в чужие отечества, безусловно, имеющие место быть, не приветствуются и не афишируются.

Политические обстоятельства усиливают процессы русской эмиграции после провала восстания декабристов в 1825 г., когда большое количество русских аристократов уезжает в Германию, Италию и Францию. Большинство из них покидает ро-

---

[16] *Добролюбов Н.А.* Первые годы царствования Петра Великого // Литрес. URL: https://www.litres.ru/book/nikolay-dobrolubov/pervye-gody-carstvovaniya-petra-velikogo-3116185/chitat-onlayn/ (дата обращения 18 марта 2024).

[17] *Герцен А.И.* Письмо к Ш. Риберолю, издателю журнала “L’Homme”. 7 февраля 1854 г. // От Николая до Николая. URL: https://nik2nik.ru/node/59 (дата обращения 18 марта 2024).

дину из-за политических преследований, образуя, таким образом, первую небольшую политическую эмиграцию из России, и Париж быстро становится для них местом сбора. Однако большинство из них сохраняют свое первоначальное подданство и не являются эмигрантами в строгом смысле этого слова[18].

Вообще, в XIX в. вне России предпочитают подолгу жить многие интеллектуалы [Тарле 1994]. Такие поездки были делом привычным. К середине того же века выросло количество подданных Российской империи, отправлявшихся за границу на длительное время: учеба, курорты (лечение на водах), развлечения, путешествия (зажиточные дворяне, купцы), творчество (художники, писатели). Со второй половины XIX в. появляется первая русская экономическая эмиграция, поскольку в России быстро развивается капиталистическая экономика, и группы русских инженеров и высококвалифицированных рабочих начинают переезжать из других русских губерний на Балтийское побережье для участия в строительстве[19]. По одним сведениям, «к концу XIX в. ежегодно российские границы пересекало от 30 до 50 тыс. человек», по другим – от 400 до 500 тыс. чел.[20] В конце XIX – начале XX в. выросло число уезжающих по религиозным и национальным мотивам (евреи, поляки, народы Кавказа) [Зеленин 2007].

В середине XIX в. словари фиксируют значение слова «эмигрант», все еще не включающее отрицательных коннотаций: «Эмигрант – лат. emigrans, от emigrare, выселяться. Выходец, переселенец»[21]. Представление об «эмигрантах» имеет нейтральный смысл, в нем актуально пространственное значение – «*люди, покидающие какое-либо место*»[22]:

> Город Пенза с каждым днем становился многолюднее. С половины сентября <1812> стали наезжать уже московские эмигранты, а в следующем месяце в великом множестве начали, – как говорил народ, – пригонять пленных[23].

---

[18] *Герцен А.И.* Указ. соч.

[19] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 568. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

[20] *Вдовенко А.* Указ. соч.

[21] *Михельсон А.Д.* 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. М.: Собственное издательство автора, 1866. С. 761.

[22] *Епишкин Н.И.* Указ. соч.

[23] *Вигель Ф.Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000 // ВикиЧтение. URL: https://biography.wikireading.ru/hy8jMiCHhm?ysclid=lroe23tko860992157 (дата обращения 18 марта 2024).

ISSN 2686-7648

Очевидно, в связи с внутриполитическими процессами в России, усилением революционных настроений политическая коннотация понятия усиливается и выходит на первый план к концу XIX в.[24] [Пирумова 2017]. Согласно словарю В.И. Даля, опубликованному в 1882 г.,

> ...эмигрант – выходец на чужбину, бол. *по политическим причинам*»; «эмиграция – выселение, высел, переселение, выход на чужбину, в *новое отечество*» (курсив наш. – *А. З., Л. Ш.*)[25].

Скорее всего, последний концепт, обозначающий «выход в новое отечество» и отражает начало подспудного формирования неприятия эмиграции этническим сознанием, пока еще на уровне языковых смыслов.

К началу XX в. синонимами толкования понятия становятся слова «ушелец», «выходец», «репатриант», «переселенец»: «Эмигрант (лат., от *emigrare* – выселяться) лицо, переселившееся в другую страну; выходец»[26].

Резкий подъем социал-демократического движения (1895 г.) в России приводит к эмиграции будущих революционеров – В.И. Ульянова-Ленина и его соратников[27]. Их эмиграция носила нелегальный характер, при этом все эти политические деятели сохраняли свое российское гражданство. Но несмотря на то что в XIX в. эмиграция из России постепенно принимает политический характер, и эта ее часть находится под запретом, само содержание понятия не получает пока отрицательных коннотаций – наоборот, в революционно-демократической среде, на-

---

[24] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.; *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. 1828–1876: В 4 т. Т. 4: В тюрьмах и ссылке. 1849–1861 / Под ред. и с примеч. Ю.М. Стеклова. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. 624 с.

[25] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Типография М.О. Вольфа, 1882. Т. 4. P–V. С. 685.

[26] Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи: С портретом и краткой биографией А.Н. Чудинова / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб.: В.И. Губинский, 1910. С. 974.

[27] *Жигунов Е.К., Черненко А.М.* Эмиграция революционная // Советская историческая энциклопеди: В 16 т. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 500–512.

бирающей политическую силу и народную поддержку, слово «эмигрант» обретает романтический оттенок.

Как известно, события Первой мировой войны практически свели на нет само явление эмиграции.

Рубежом, положившим начало складыванию стойкого негативного отношения к эмиграции и эмигрантам в самой метрополии, становятся события Октябрьской революции 1917 г. и последующей Гражданской войны. Русская послереволюционная эмиграция XX в. – совершенно уникальное и беспрецедентное по своим масштабам в мировой истории явление. Она разительно отличалась от эмиграции из Российской империи даже конца XIX в., поскольку была вызвана специфическими политическими обстоятельствами и характеризовалась массовостью. После Октябрьского переворота и Гражданской войны большое количество людей стали эмигрантами вынужденно, предпочитая эмиграцию физическому уничтожению.

В целом, в контексте российской истории, русские после Октябрьской революции и Гражданской войны выбирали эмиграцию по политическим соображениям. Изначально своей задачей русская эмиграция ставила сохранение этнической и национальной идентичности – об этом в своих программных речах на протяжении 1920-х гг. будут писать выразители эмигрантского сознания – Владимир Набоков, Иван Бунин, Зинаида Гиппиус и др.

Именно в этот период социально-политический смысл понятия «эмиграция» обретает негативную окраску: «белая эмиграция» – в сознании метрополии как «эмиграция богачей и антиреволюционеров» в первую очередь[28]. Политические цели русской эмиграции рассматриваются новой властью как преднамеренная попытка свержения советского режима, поэтому понятие «эмиграция» изначально перестает быть нейтральным термином, в восприятии новой власти связываясь с такими значениями, как «измена», «предательство», «отступничество».

15 декабря 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР был принят декрет[29], согласно которому с момента его издания эмигранты оказывались лицами без гражданства [Пронин 2002].

---

[28] Great Soviet Encyclopedia. A translation of the third edition. In 30 vols. Vol. 30. Exclibris – Yaya. New York: Macmillan Educational Company, 1978. P. 209.

[29] Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. 15 декабря 1921 г. //

ISSN 2686-7648

Если в самом начале 1920-х гг. советское правительство пытается выработать некий компромиссный подход по отношению к эмигрантам, резко дифференцируя «правое» и «левое» крыло эмиграции [Митрохин 2008], то уже в 1922 г. Ленин выскажется:

> Я думаю, что почти все они больше всего заслуживают депортации. Все они были *голыми контрреволюционерами, пособниками Антанты, группой слуг и шпионов Антанты, группой подстрекателей к отравлению молодых студентов*. Вот как это следует делать: арестовать всех этих военных шпионов и продолжать арестовывать их, систематически, и выслать из страны[30] (курсив наш. – *А. З., Л. Ш.*).

В 1923 г. в восприятии метрополией эмиграции обозначаются те устойчивые негативные смыслы, что будут только усиливаться по мере избавления правящей верхушкой от «либеральных» ленинских установок. В отношении эмиграции были высказаны концептуальные тезисы, определившие самые главные характеристики эмиграции: ее оставленность в прошлом Российской империи (а по постулатам советского сознания, всего, что было до 1917 г. – «позорное прошлое», а значит, «прошлого не существует»[31]), ее мертвенное начало, ее «небытие», то есть существование за пределами реальной жизни. Реальная, «живая» жизнь могла быть только в СССР.

В этом же 1923 г. выходит знаковая работа Л. Троцкого «Литература и революция», в концентрированном виде выразившая основной вектор в отношении «бывших людей»:

> В *трупном разложении эмиграции* довершился некий полированный *тип посвистывающего циника*. Все течения и направления вошли к нему в *кровь как дурная болезнь*, которая иммунизировала его от всякой дальнейшей *идейной заразы* (курсив наш – *А. З., Л. Ш.*)[32].

Распубликован в № 286 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 20 декабря 1921 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350804-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-o-lishenii-prav-grazhdanstva-nekotoryh-kategoriy-lits-nahodyaschihsya-za-granitsey-15-dekabrya-1921-goda (дата обращения 18 марта 2024).

[30] Рукописи В.И. Ленина // Избранные труды В.И. Ленина. Пекин: Народное изд-во, 1995. Т. 10. С. 224–225.

[31] Сокращенная запись на партийной конференции 1918 года // Там же. Т. 4. С. 654–655.

[32] *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Красная новь, 1923. С. 28.

Итак, «трупное разложение», «дурная болезнь», «идейная зараза» – основные концепты в оценке жизнеспособности эмиграции.

Соответственно, литература эмиграции – это «старая литература»:

> Литература после Октября хотела притвориться, что ничего особенного не произошло и что это вообще ее не касается. Но как-то вышло так, что Октябрь принялся хозяйничать в литературе, сортировать и тасовать ее, – и вовсе не только в административном, а еще в каком-то более глубоком смысле. *Значительнейшая часть старой литературы оказалась, и не случайно, за рубежом*, – и вот случилось так, что именно в литературном-то отношении эта часть и *вышла в тираж*. *Существует* ли Бунин? О Мережковском нельзя сказать, что его не стало, потому что его, по существу, *никогда и не было* Или Куприн? Или Бальмонт? Или сам Чириков? <...> Все это сплошь упражнения в книге жалоб на берлинской станции: очень долго не подают лошадей на Москву, и пассажиры выражаются[33] (курсив наш. – *А. З., Л. Ш.*).

То есть литература писателей, сложившихся как мастера слова до революции, «вышла в тираж», а самих писателей «никогда и не было».

> Маленький практический урок социологии на тему о том, что нельзя обмануть историю! Ну, хорошо, насилие: земли отняли, фабрики отняли, банковские вклады отобрали, сейфы вскрыли, – *а таланты, а идеи*? Ведь эти-то невесомые ценности были вывезены за границу в угрожающем для русской «культуры» и особенно ее достолюбезного псаломщика, М. Горького, размере. Почему же из всего этого ничего не произошло? *Почему это эмиграция не может назвать ни одного имени, ни одной книги, на которых стоило бы остановиться? Потому что нельзя обмануть историю и подлинную (не псаломщицкую) культуру.* Октябрь вошел в судьбы русского народа как решающее событие и всему придал свой смысл и свою оценку. *Прошлое сразу отошло, поблекло и обвисло, и художественно оживить его можно только ретроспекцией от того же Октября. Кто вне октябрьских перспектив, тот опустошен насквозь и безнадежно.* Оттого-то такими *свищами* ходят мудрецы и поэты, которые с этим «не согласны» или которых это «не касается». Им просто-напросто нечего сказать. По этой, а не по иной причине *эмигрантской литературы не существует*. А на нет и суда нет[34] (курсив наш. – *А. З., Л. Ш.*).

[33] *Троцкий Л.Д.* Указ. соч.
[34] Там же.

ISSN 2686-7648

Тот, кто не принял Октябрь, того попросту «нет», а если и есть – это «живые мертвецы».

Динамика изменения названий советских публицистических изданий 1920-х гг., сразу же откликнувшихся на определившуюся идеологическую тенденцию, весьма показательна: сравним – Н.Л. Мещеряков «На переломе: (Из настроений белогвардейской эмиграции)», 1922 г.; В.М. Белов «“Белое похмелье”: русская эмиграция на распутье», 1923; «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией» (сборник статей), 1923; И.М. Василевский «Что они пишут?: Мемуары бывших людей», 1925; А.В. Бобрищев-Пушкин «Патриоты без отечества», 1925; Е.А. Михайлов. «Белогвардейцы, поджигатели войны», 1932; М. Кольцов «В норе у зверя», 1932.

Как следует даже из этих названий, поначалу советские публицисты пытались представить себе эмигрантов как заблудившихся людей, находящихся перед выбором – какую им сторону выбрать, революционную или контрреволюционную («на переломе», «похмелье», «на распутье» – весьма знаковые характеристики такого восприятия эмиграции). И хотя уже в 1923 г. признается необходимость борьбы с контрреволюционерами в эмиграции, эта борьба пока ведется на «идеологическом фронте». В 1925 г. эмигранты еще признаются не только «людьми» (хотя «бывшими»), но и «патриотами».

Характерны в этом отношении высказывания М. Горького, только-только приехавшего в СССР «на побывку» из Италии в 1928 г. и писавшего:

> Прожив с лишком полвека на сей земле, я много видел *гнусностей* и о многих читал. Но я не помню ничего подобного той *мерзкой травле, тому бешеному хрюканью, тому потоку лжи и клеветы*, который хлынул из среды «культурных» эмигрантов. <...> *Гнуснейшее лицемерие* – кричать только о жестокости красных, умалчивая о тех фактах садической расправы с красными, о которых так хвастливо рассказывают белые в своих мемуарах. <...> Ваша игра проиграна. Это была жестокая и кровавая игра. Повторяю: вы напрасно говорите о гуманизме. Ваша *злость – собака слепого* – сама обличает *позорное уродство вашей нетерпимости*[35] (курсив наш. – *А. З., Л. Ш.*).

[35] *Горький М.* О белоэмигрантской литературе // Gorkiy-lit.ru. URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-36.htm (дата обращения 18 марта 2024).

Как известно, М. Горький весьма чутко и рьяно (скорее всего, искренно) реагировал на ведущие настроения той власти, что дала ему возможность вернуться на Родину и обеспечила роскошное существование. *Гнусности, мерзкая травля, бешеное хрюканье, поток лжи и клеветы, гнуснейшее лицемерие, садическая расправа с красными, злость – собака слепого, позорное уродство вашей нетерпимости* – вот тот оценочный контекст, который отражает (или задает пафос) восприятия эмиграции и эмигрантов публицистами метрополии.

Немногочисленность советских публикаций 1922–1932 гг., посвященных эмиграции, сама по себе симптоматична. Очевидно, что советская печать избрала самый верный ход в дезавуировании самого явления эмиграции из России: меньше писать о нем, тем самым стирая из массового сознания как факт. По мере поступательного отказа от всяческих проявлений инакомыслия (во многом оправданного внешними угрозами и активной враждебной позицией политических деятелей русского зарубежья) усиливается явно отрицательный модус в восприятии эмиграции и эмигрантов.

В год «великого перелома» советское правительство принимает решение бороться с теми специалистами, кто перебежал в другие страны и решил там остаться. 21 ноября 1929 г. Политбюро принимает «Закон и перебежчиках», которых признавали изменниками Родины, их приговаривали к расстрелу в течение 24 часов, и даже те, кто отказался вернуться в СССР до принятия закона, приравнивались к этой группе. В народе этот закон получил просторечное именование «закона о невозвращенцах». Принятие данного закона, продиктованного усложнившейся международной обстановкой, стало точкой невозврата в отношениях с эмиграцией и к эмигрантам.

За 10-летие в лингвокультуре метрополии происходит стремительная негативизация этого образа. Изначально все выехавшие именуются «белоэмигрантами» и «белогвардейцами» – к 1932–1933 гг. – они уже «звери» и «поджигатели войны».

Литература и публицистика новорожденного Советского государства должна была и отражать эти тенденции, и формировать в однозначном направлении сознание советского читателя. Потому лирическая рефлексия – на фоне мощного всплеска поэтических талантов в 20-е гг. в Советской России – явления эмиграции не коснулась вообще. Лишь немногие авторы обращаются к образам эмиграции и эмигрантов в эпическом и драматическом роде литературы, и эти образы переживают своеобразную эволюцию по нисходящей (от «компромиссного» этапа рецепции образов эмиграции и эмигрантов в «романе в

ISSN 2686-7648

письмах» «Zoo, или “Новая Элоиза”» В.Б. Шкловского (1922) – к политическому детективу-памфлету А.Н. Толстого «Эмигранты» (1932). Пьеса М.А. Булгакова «Бег» (1926–1928), где будет сделана попытка дать многомерный образ восприятия эмиграции, показать одновременно душевную трагедию эмиграции и ее фарсовые жизненные перипетии, передать амбивалентное состояние эмигрантов между «святым» и «падшим», – не будет допущена к постановке и окажется забытой на долгие годы.

В 1938 г. словарь Ушакова фиксирует понятие «невозвращенец»:

> «Невозвращенец, нца, *м.* (нов.). Лицо, не вернувшееся на родину из-за границы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР»[36]. Синонимом «невозвращенца» становится слово «отщепенец» – «человек, отколовшийся от какого-н. общественного коллектива, отвергнутый обществом; отступник»[37].

В итоге советская власть объявит всех эмигрантов (и невозвращенцев) врагами советского народа.

В 1940 г. словарная статья «эмиграция» в Толковом словаре Ушакова будет выстроена следующим образом:

1. Вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по тем или иным причинам (политическим, экономическим и т. п.).

2. Длительное или постоянное пребывание за пределами отечества в результате такого переселения. Жить в эмиграции. «*С громадной опасностью Ленину удалось в декабре 1907 года снова перебраться за границу, в эмиграцию*» (курсив наш. – *А. З., Л. Ш.*).

3. Собирательное «эмигранты». Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. «*Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную*»[38] (курсив наш. – *А. З., Л. Ш.*).

---

[36] Невозвращенец // Толковый словарь русского языка: Т. 2 (1938) / Под ред. Д.Н. Ушакова. URL: https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/14/us248610.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения 18 марта 2024).

[37] Отщепенец // Толковый словарь русского языка. Т. 2 (1938) / Под ред. Д.Н. Ушакова. URL: https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/14/us248610.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения 18 марта 2024).

[38] Эмиграция // Толковый словарь русского языка.Т. 4: С – Ящурный / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных слов, 1940. 1502 стб. URL: https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (дата обращения 18 марта 2024).

К середине XX в. с изменением социально-политических реалий и усилением эмиграции из России политическое содержание понятия актуализируется, постепенно обретая все усиливающийся негативный смысл. Это становится особенно очевидным в результате «второй волны» эмиграции, куда влились потоки не столько вынужденно оказавшихся за рубежом в результате насильственного переселения в Германию и другие страны советского мирного населения, сколько бывших власовцев и других сочувствующих гитлеровцам и сотрудничавших с ними отщепенцев.

В «Советской исторической энциклопедии», опубликованной в 1976 г., понятие «эмиграция» отделено от статьи «эмиграция революционная», т. е. имеет однозначно нарицательное значение:

> Эмиграция после Октябрьской революции 1917 – образовалась в 1917–21 гг., ее составили капиталисты и помещики, белые генералы и офицеры, реакционное казачество, царские чиновники, деятели бурж<уазных> политических партий, некоторая часть интеллигенции[39].

Вплоть до начала 1990-х гг. данные оценочные характеристики прочно были увязаны с изменой не только политической (измена государству), но этнической и этической (отступник от родных корней, предатель Родины):

> ...термин «эмигрант» до сих пор в нашем сознании связан с чем-то отрицательным: это слово в нашем политическом словаре давно и прочно равнозначно словам «изменник», «предатель», «отступник» [Яцюк 1991, с. 53].

Подобное восприятие явления эмиграции и эмигрантов – явление, присущее именно русскому этническому сознанию XX в. на определенном историческом этапе, продлившемся более 70 лет, в отличие, к примеру, от китайского, где представление об эмиграции и эмигрантах из Китая исторически имело и имеет нейтральный смысл. При этом представления о русских эмигрантах в Китай в 1920–1940-е гг. до сих пор носят негативный характер. Краеугольным камнем отличия в образах эмигрантов и самовосприятия себя в качестве эмигрантов стано-

[39] *Шкаренков Л.К.* Эмиграция // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 16. С. 492.

ISSN 2686-7648

вится, на наш взгляд, отсутствие политического, синкретизирующегося с этническим, компонента в понимании самого процесса эмиграции из Китая китайцами [Лю Ши 2020]. Китайский мигрант (в широком смысле – эмигрант) всегда знает, что вернется на родину, на родную землю, к родным могилам. Его перемещение в пространстве, как правило, зачастую носит прагматический, абсолютно не имеющий ничего общего с конфуцианской моралью и представлением и *сяо* (сыновний долг, сыновняя почтительность).

Русская история в этом смысле и истории миграционных процессов из России в другие страны дают нам абсолютно противоположный пример отношения к эмиграции. Перестроечные и последующие за ними процессы определенным образом скорректировали и систематизировали русские представления об эмиграции – отрицательные коннотации практически нивелировались в отношении беженства «первой волны», были сделаны попытки дифференциации эмигрантов «второй волны» (по крайней мере, в ее писательской части)[40], наконец, «третья» и «четвертая» волны вообще перестали быть на слуху в негативном контексте.

События последних лет всколыхнули все дремлющие в русском этническом сознании и лингвокультуре смыслы, вызвав в обществе с новой силой споры о сущностном различии либо сущностном схождении понятий «эмигрант» и «релокант». Однако развитие данной темы представляет предмет дальнейшего отдельного исследования.

Заключение

Образ восприятия эмиграции в определенной лингвокультуре и тесно связанный с ним образ самовосприятия эмиграции – представления, актуальные для исследования в имагологическом ключе с точки зрения исторической, языковедческой, этнопсихологической, литературоведческой. Этническая специфика рецепции «своего/чужого», «отчизны/чужбины», «праведного/неправедного» находит в образах восприятия эмиграции свое яркое отражение.

Мы можем резюмировать, что понятие «эмигрант» в русском этническом сознании возникает намного позднее, чем

[40] *Агеносов В.В.* Восставшие из небытия: Антология писателей ДиПи и второй эмиграции. М.: АИОР-XXI, 2014. 728 с.

само явление эмиграции. В семантическом ядре концепта «эмигрант» в русской лингвокультуре пространственный компонент изначально был тесно связан с политическим; долгое время слово имело нейтральное значение, обозначая, как правило, иностранцев-эмигрантов из других стран в Россию. При этом этнический и этнопсихологический компоненты, связанные с представлениями о родине, отечестве (*чужбина/новое отечество*), присутствовали в концептуальном ядре всегда [Забияко, Фэн Ишань 2023].

Исторически пространственный смысл понятия имел второстепенное значение, в нем изначально преобладали политические коннотации, синкретизированные с этническими (этнопсихологическими, этнорелигиозными) и этическими установками. В основе этих сложновыстроенных и исторически меняющихся значений слова «эмигрант» лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины», «праведном/неправедном». Полярными значениями характеризовались эмиграция и эмигранты «в Россию» (из чужих отечеств) и «из России» (из своего отечества).

Данный фрейм в толковании понятий «эмиграция» и «эмигрант», где политический смысл неотделим от этнического еще с эпохи Ивана Грозного, всемерно актуализировался в период массовой эмиграции из России после Октябрьской революции. Он определил формирование образа восприятия эмиграции в сознании метрополии и самовосприятия эмигрантов в рассеянии, художественную специфику этих категорий в русской литературе XVI – второй половины XX в. После Октябрьской революции в лингвокультуре метрополии пространственное значение понятия «эмиграция» лишь усиливает негативный политический смысл, а значение политической идентичности актуализирует этнические и национальные коннотации – вплоть до начала 1990-х гг.

Благодарности

Данное исследование выполнено за счет средств гранта Амурского государственного университета «Мир этнических культур в востоковедении дальневосточного фронтира (по материалам архивов)».

Acknowledgments

The study was supported by the grant of the Amur State University “The world of ethnic cultures in oriental studies of the Far Eastern frontier (on the archive materials)”.

ISSN 2686-7648

Литература

Ахиезер 1993 – *Ахиезер А.С.* Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 70–78.

Брайчевский 1961 – *Брайчевский М.Ю.* К истории расселения славян на византийских землях // Византийский временник. 1961. № 44. С. 120–137.

Забияко, Фэн Ишань 2023 – *Забияко А.А., Фэн Ишань.* Образ Родины как константа русской этнической картины мира (историко-литературный контекст) // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2 (16). С. 66–82.

Зеленин 2007 – *Зеленин А.* Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 380 с.

Ионцев и др. 2001 – *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России / Сост. и гл. ред. А.А. Бондарев. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.

Лю Ши 2020 – *Лю Ши.* Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 671–681.

Митрохин 2008 – *Митрохин В.А.* Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 80-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1235–1242.

Пирумова 2017 – *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А. Бакунина / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. 336 с.

Пронин 2002 – *Пронин А.А.* Российская диаспора и права человека // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. 2002. № 62. URL: http://anthropology.ru/ru/text/pronin-aa/rossiyskaya-diaspora-i-prava-cheloveka (дата обращения 18 марта 2024).

Сёмочкина 2008 – *Сёмочкина Е.И.* История российской эмиграции. XX век. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2008. 80 с.

Тарле 1994 – *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940 / Под общ. ред. академика Е.П. Челышева и профессора Д.М. Шаховского: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наследие, 1994. С. 16–24.

Яцюк 1991 – *Яцюк Т.А.* «Терминотворчество» тоталитарного правосудия // Русская речь. 1991. № 3. С. 53–57.

References

Akhiezer, A.S. (1993), “Emigration from Russia. Cultural and historical aspect”, *Svobodnaya mysl’*, no. 7, pp. 70–78.

Braichevskii, M.Yu. (1961), “On the history of the Slavs’ settlement in Byzantine lands”, *Vizantiiskii vremennik*, no. 44, pp. 120–137.

Iontsev, V.A., Lebedeva, N.M., Nazarov, M.V. and Okorokov, A.V. (2001), *“Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia], Popechitel’stvo o nuzhdakh rossiiskikh repatriantov, Moscow, Russia.

Liu Shi (2020), "Cultural connotations of the image of perception of emigrants in Chinese ethnic consciousness of the 20–40s of the 20th century based on the material of Chinese literature and publicism", *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 25, no. 4, pp. 671–681.

Mitrokhin, V.A. (2008), "Soviet historiography of Russian emigration of the first wave (1920s – mid-80s)", *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 10, no. 4, pp. 1235–1242.

Pirumova, N.M. (2017), *Sotsial'naya doktrina M.A. Bakunina* [The Social Doctrine by M.A. Bakunin], Lenand, Moscow, Russia.

Pronin, A.A. (2002), "Russian diaspora and human rights", *Strany SNG, Russkie i russkoyazychnye v novom zarubezh'e* [CIS countries. Russians and Russian-speakers in the new diaspora], no. 62, available at: http://anthropology.ru/ru/text/pronin-aa/rossiyskaya-diaspora-i-prava-cheloveka (Accessed 18 March 2024).

Semochkina, E.I. (2008), *Istoriya rossiiskoi emigratsii. 20 vek* [History of Russian emigration. The 20th century], Izdatel'stvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Chelyabinsk, Russia.

Tarle, G.Ya. (1994), "History of the Russian Diaspora. Terms; principles of periodization", in Chelyshev, E.P. and Shakhovskoy, D.M. (eds), *Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii: 1917–1940* [Cultural Heritage of the Russian Emigration. 1917–1940], in 2 books, book 1, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 16–24.

Yatsyuk, T.A. (1991), "The 'term-creation' of totalitarian justice", *Russkaya rech'*, no. 3, pp. 53–57.

Zabiyako, A.A. and Feng Yishan (2023), "The image of motherland as a constant of the Russian ethnic worldview (historical and literary context)", *World of Russian-Speaking Countries*, no. 2 (16), pp. 66–82.

Zelenin, A. (2007), *Yazyk russkoi emigrantskoi pressy (1919–1939)* [Language of the Russian emigrant press (1919–1939)], Zlatoust, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Анна А. Забияко, доктор филологических наук, профессор, Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия; 675027, Россия, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21; a.a.sciencia@yandex.ru

Лю Ши, Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия; 675027, Россия, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21; 228349909@qq.com

Information about the authors

Anna A. Zabiyako, Dr. of Sci. (Philology), professor, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia; bld. 21, Ignatyevskoye Highway, Blagoveshchensk, Russia, 675027; a.a.sciencia@yandex.ru

Liu Shi, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia; bld. 21, Ignatyevskoye Highway, Blagoveshchensk, Russia, 675027; 228349909@qq.com

ISSN 2686-7648

УДК 325.2(470)
DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-82-109

Великая Отечественная война в литовском советском витражном искусстве (на примере работ Казиса Моркунаса)

Елена А. Косован

Российский государственный гуманитарный университет
Россия, Москва, kosovan.ea@rggu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема мемориализации Великой Отечественной войны в литовском советском витражном искусстве. Автор констатирует, что в Советском Союзе витражное искусство начинает активно развиваться только в поствоенный период, причем его значимыми центрами становятся страны Прибалтики – Латвия и Литва. Несмотря на то что в Литве отсутствовали глубокие традиции витражного искусства, благодаря Стасису Ушинскасу и его ученикам Альгимантасу Стошкусу и Казису Моркунасу после Великой Отечественной войны в Литовской ССР возникла национальная витражная школа, одна из самых известных в советском государстве. Представители этой школы участвовали в решении важной идеологической и художественной задачи – увековечении памяти о войне на витражном материале. Этапные произведения были созданы Казисом Моркунасом для двух архитектурно-скульптурных ансамблей – в Пирчюписе (витраж «Пирчюпис») и Крижкальнисе (витражи «Борьба» и «Встреча героев» / «Герои возвращаются»). Экспериментируя как с технологией и материалом витража, так и с цветом, линией, композицией, К. Моркунас получил в результате высокодраматичные, художественно выразительные произведения, гармонирующие с архитектурно-скульптурными ансамблями, частью которых они являлись. Автор делает вывод, что К. Моркунас создал практически идеальные, вневременные примеры мемориальных произведений, отражающие две стороны военного нарратива – триумфальную и жертвенную, траурную и праздничную. Материал исследования был апробирован на Международной научно-практической онлайн-конференции «Великая Победа – единство во имя будущего» в Российском государственном гуманитарном университете (17 апреля 2024) и на Всероссийской научной конференции «Искусство в переломные моменты истории» в Институте всеобщей истории Российской академии наук (19 декабря 2024).

© Косован Е.А., 2025

Ключевые слова: витраж, мемориал, литовская школа, парк скульптуры, историческая политика, коммеморация, коллективная память

Для цитирования: Косован Е.А. Великая Отечественная война в литовском советском витражном искусстве (на примере работ Казиса Моркунаса) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 1. С. 82–109. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-82-109

The Great Patriotic War in Lithuanian Soviet stained-glass art (on the example of stained-glass artworks by Kazys Morkūnas)

Elena A. Kosovan

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, kosovan.ea@rggu.ru

Abstract. The article deals with the issue of memorialization of the Great Patriotic War in Lithuanian Soviet stained glass art. The author states that in the Soviet Union stained glass art began to develop actively only in the post-war period, with the Baltic countries – Latvia and Lithuania – becoming its significant centers. Despite the fact that Lithuania lacked deep traditions of stained glass art, thanks to Stasys Ušinskas and his students Algimantas Stoškus and Kazys Morkūnas, after the Great Patriotic War a national stained glass school emerged in the Lithuanian Soviet Socialist Respublic, one of the most famous in the Soviet state. Representatives of the school participated in solving an important ideological and artistic task – to immortalize the memory of the war on stained glass material. Stained glass works were created by Kazis Morkūnas for two architectural and sculptural ensembles – in Pirčiupis (stained glass window "Pirčiupis") and Križkalnis (stained glass windows "Struggle" and "Meeting of Heroes" / "Heroes Return"). Experimenting with stained glass technology and material, as well as with color, line and composition, K. Morkūnas obtained as a result highly dramatic, artistically expressive works that harmonize with the architectural and sculptural ensembles of which they were a part. The author concludes that K. Morkūnas created almost ideal, timeless examples of memorial works reflecting the two sides of the military narrative – triumphal and sacrificial, mournful and festive. The research material was tested at the International Scientific and Practical Online Conference "The Great Victory – Unity for the Future" at the Russian State University for the Humanities (April 17, 2024) and at the All-Russian Scientific Conference "Art at the Turning Points of History" at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (December 19, 2024).

Keywords: stained glass window, memorial, Lithuanian school, sculpture park, historical policy, commemoration, collective memory

For citation: Kosovan, E.A. (2025), "The Great Patriotic War in Lithuanian Soviet stained glass art (on the example of stained-glass artworks by Kazys Morkūnas)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 1, pp. 82-109, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-82-109

ISSN 2686-7648

Ну кто почтит безымянный город,
когда иных уж нет, а те ищут алмазы
или торгуют порохом в дальних краях?

Чеслав Милош

С каждым годом множатся исследования, посвященные коллективной памяти. Поскольку «память является и условием идентичности, и инструментом создания ее, она формирует идентичность на индивидуальном и на коллективном уровне» [Еремеева 2008], велик запрос на изучение взаимосвязи памяти и самобытности разных социальных групп, в том числе и таких, как нация, и механизмов того, что можно назвать мнемонической солидарностью.

Особый интерес представляет, как я полагаю, работа искусства с прошлым и с памятью. Безусловно, «искусство может выступать как разновидность исследовательской практики, инструмент сторителлинга или способ проживания травмы»[1] и в этом качестве является источником свидетельств как о личной творческой биографии, личных творческих стратегиях конкретного мастера/мастеров, так и, безусловно, об индивидуальной памяти мастера и ее соотношении с памятью коллективной и культурой воспоминания. Кроме того, история осмысления прошлого средствами искусства представляет собой уникальный материал, способный раскрыть и влияние на искусство политических стратегий мемориализации, реализацию с помощью искусства тех или иных задач политики памяти. Особенно это верно в отношении СССР, где государство по отношению к искусству выступало в роли главного заказчика, мецената и потребителя.

Инструментализация некоторых видов искусства изучена достаточно хорошо. Например, это касается искусства монументального. Однако есть такие области монументалистики, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей памяти.

Таков витраж – особый вид монументального искусства, тесно связанный с архитектурой [Галицкий 2009]. Художе-

[1] Дискуссия «Мнемоническая солидарность? Современное искусство, коллективная память и партиципаторные практики» // Музей современного искусства «Гараж». URL: https://garagemca.org/event/discussion-mnemonic-solidarity-contemporary-art-collective-memory-and-participatory-practices (дата обращения 11 октября 2024).

ственные и технологические особенности витража неоднократно становились предметом исследований как в российской, так и в зарубежной историографии. Однако практически нет работ, в которых рассматривалась бы роль витражного искусства как инструмента сохранения коллективной памяти и контрпамяти, как объекта и одновременно как средства государственной монументальной политики. В частности, этот аспект монументальной политики Советского Союза и деятельности советских художников-витражистов представляет собой почти одно сплошное белое пятно. Неисследованной, наконец, остается и такая специфическая проблема, как сохранение советского витражного наследия в контексте процессов декоммунизации.

Разумеется, полностью закрыть все эти белые пятна в одной публикации невозможно. Я к этому и не стремлюсь. В своей работе я попытаюсь только наметить возможный путь исследования обозначенных проблем на примере трех посвященных Великой Отечественной войне витражных работ народного художника СССР Казиса Йоно Моркунаса (1924/1925–2014) – панно «Пирчюпис», «Борьба» и «Возвращение героев». У этих работ, являющихся, несомненно, выдающимися образцами литовской школы витража и демонстрирующих уровень ее развития в 1960–1970-е гг., разная судьба, на примере которой можно проследить некоторые особенности и политики памяти постсоветской Литвы (особенно в контексте так называемой декоммунизации), и политики сохранения культурного наследия. Посвященные основополагающим в рамках любого мемориального канона фигурам – Жертве и Победителю, они являются также иллюстрацией советской мемориализации Великой Отечественной войны на национальном уровне.

Если в странах Европы витражное искусство имеет длительную историю, то в Россию оно пришло только в 1820-е гг. и осваивалось «практически “с чистого листа”» [Княжицкая 2011], хотя гораздо раньше было известно цветное остекление, существовала художественно и технологически близкая к витражному ремеслу традиция росписи слюдяных оконниц, засвидетельствован и импорт витражей непосредственно из Западной Европы (например, из Италии) [Волобаева 1999; Княжицкая 2011]. Однако условия для развития собственного витражного искусства сложились в Российской империи лишь в XIX в., а его расцвет пришелся на начало XX столетия.

Для советской власти витраж первоначально оказался идеологически чуждым искусством, тесно связанным с религией и храмовой архитектурой. Кроме того, витраж плохо вписывался

ISSN 2686-7648

в господствовавшую в 1920-е – начале 1930-х гг. эстетику конструктивизма, казался излишеством [Раманаускайте 1980a]. И хотя некоторые советские художники все-таки обращались к витражу, это были отдельные эксперименты, которые невозможно назвать тенденцией. «Тонкий, хрупкий, изящный материал – стекло, считали многие, мало отвечало воплощению героических подвигов, совершенных советским народом» [Раманаускайте 1980a, с. 2]. Неудивительно, что на протяжении практически всего межвоенного периода витражное искусство пребывало в упадке, как и художественное стеклоделие в целом [Княжицкая, Воробьев 2023], а по мнению Е.А. Минухина, вообще прекратило существование [Минухин 1959].

Принятие витража в «семью советских искусств» произошло в 1950-е гг. Строительство крупных общественных зданий и необходимость в их эффектной отделке, поиск новых способов художественной мемориализации событий Великой Отечественной войны – все это обусловило второе рождение витража как монументального искусства крупных форм [Княжицкая 2013; Красник 2003]. Второе рождение – в данном случае не фигура речи: в довоенные десятилетия были утрачены и производственная база, и профессиональные кадры. Как подчеркивает Татьяна Княжицкая, «витражи в СССР сознательно создавались как новое, экспериментальное искусство, практически с “чистого листа”, без опоры на традиции предшествующего времени» [Княжицкая 2013]. В более благоприятном положении оказались недавно вошедшие в состав СССР прибалтийские республики, особенно Латвия, где «сохранялись давние традиции, идущие от костелов и замков средневековья» [Раманаускайте 1980b].

Литва не могла похвастаться глубокими национальными традициями витражного искусства. Да, церкви и замки на литовской территории украшали «живописными стеклами» еще в эпоху Средневековья, но это были в основном ввозные витражи, изучение которых серьезно осложнено плохой сохранностью[2]. По свидетельству Л.П. Раманаускайте, «большая часть старых витражей, находившихся в литовских костелах, замках,

[2] *Mirinavičius Ž.* Vitražas // Visuotinės lietuvių enciklopedijos. URL: https://www.vle.lt/straipsnis/vitrazas/ (дата обращения 1 июня 2024); *Jačėnaitė J.* Seniausiuose Lietuvos vitražuose – ir reta ikonografija, ir žymaus dailininko potėpiai // Bernardinai.lt. 2019 m. sausio 17 d. URL: https://www.bernardinai.lt/2019-01-17-seniausiuose-lietuvos-vitrazuose-ir-reta-ikonografija-ir-zymaus-dailininko-potepiai/ (дата обращения 1 июня 2024).

монастырях, были уничтожены войнами и пожарами. На смену утраченным средневековым витражам пришли созданные в более поздние времена, не представляющие уже столь высокой художественной ценности. До наших дней дошли лишь подлинники конца XVIII, второй половины XIX и начала XX веков, изготовленные парижскими, мюнхенскими, венскими мастерскими, считавшимися наиболее современными в смысле технологического оборудования... Вплоть до конца XIX столетия Литва не располагала собственными мастерскими для изготовления оконных витражей» [Раманаускайте 1980а, с. 14–15]. В начале XX в. в Ковно (Каунасе) появилась витражная мастерская «Мария», сотрудничавшая с художником Тадасом Даугирдасом и изготавливавшая витражи по заказам «костелов Литвы и Белоруссии, а также гражданских сооружений и частных лиц» [Раманаускайте 1980а, с. 16]. Мастерская работала до Первой мировой войны.

Национальная витражная школа в Литве зародилась только в 1930-е гг., ее появление связано с личностью Стасиса Ушинскаса (1905–1974)[3] – уникального художника, обладателя многогранного таланта, чье творчество, в том числе витражное, до сих пор в полной мере не изучено, особенно в российской исторической и искусствоведческой науке, и не оценено по достоинству. Ушинскас учился во Франции, в том числе у витражиста Анри-Марселя Маня (1877–1944), и передал свое мастерство целому ряду литовских мастеров, среди которых выделяются Казис Моркунас и Альгимантас Стошкус (1925–1998). Именно они прославят литовскую витражную школу не только в СССР, но и за его пределами.

Казис Йоно Моркунас родился 4 марта 1924 г. в местечке Жежмаряй (лит. Žiežmariai) Тракайского уезда Литовской Республики в семье крестьянина. В 1938 г. он окончил Жежмарскую начальную школу. С 1938 по 1944 г. учился в гимназии городка Кайшядорис, потом год работал на дорожном строительстве, а в 1945–1947 гг. обучался в Каунасском финансовом техникуме.

В 1946 г. Моркунас поступил в Каунасский государственный художественный институт прикладного и декоративного искусства на факультет живописи, однако позже перевелся в Вильнюс и в 1952 г. с отличием окончил Вильнюсский государ-

[3] Modernus Lietuvių Vitražas // Vienybė. 1981 m. kovo [March] 28 d. URL: https://www.spauda2.org/vienybe/archive/1981/1981-03-28-VIENYBE.pdf (дата обращения 12 июня 2024).

ISSN 2686-7648

ственный художественный институт, получив специальность художника-витражиста.

В 1952 г., после окончания института, Казис Моркунас как способный художник был оставлен в институте на должности ассистента, а в 1953 г. назначен старшим преподавателем. В 1965 г. ему была присуждена ученая степень доцента, а в 1975 г. он стал профессором. За год до этого, 2 марта 1974 г., «за заслуги в развитии литовского советского изобразительного искусства, педагогическую и активную общественную деятельность» он получил звание заслуженного деятеля искусств Литовской ССР, а спустя 10 лет, в 1985 г. стал народным художником СССР[4].

Работы Казиса Моркунаса экспонировались с 1953 г. В том числе они украшали советские павильоны на всемирных выставках Экспо-67 в Монреале и Экспо-70 в Осаке[5]. К 1970-м гг. он приобрел славу «одного из основных витражистов не только в республике, но и далеко за ее пределами»[6]. В его работах, которые экспонировались с 1953 г., можно было проследить «все важнейшие этапы развития современного литовского витража»[7] – от классических форм и технологий к зеркальному витражу, витражу из цветного колотого стекла и бетона, так называемому «конусному витражу»[8]. И когда в середине 1970-х гг. К. Моркунас с удовлетворением замечал, что одним из важнейших достижений литовских витражистов, «по-видимому, можно считать то, что теперь уже не приходится говорить о необходимости витража, напротив, сама жизнь требует множества оригинальных высокоидейных произведений...»[9], – можно было констатировать, что в этом достижении содержится немалая доля его труда.

Советский период в творчестве Моркунаса почти совпадает с золотым веком литовской монументальной живописи и витража, который приходится на 1960-е – 1980-е гг. Его наступление

---

[4] Свидетельство о присвоении тов. Моркунасу Казису Ионовичу Указом Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 2 марта 1974 г. почетного звания заслуженного деятеля искусств Литовской ССР // ГА РФ. Ф. Р-9505. Оп. 80. Д. 1781. Л. 7.

[5] Характеристика тов. Моркунаса К.И. // Там же. Л. 11.

[6] Характеристика и.о. профессора Государственного художественного института Литовской ССР Моркунаса Казиса, Ионо // Там же. Л. 16об.; Союз художников Литовской ССР // Там же. Л. 17.

[7] Союз художников Литовской ССР // Там же. Л. 17.

[8] *Моркунас К.* Заметки витражиста. Из творческого опыта // Журнал «Творчество». 1975. № 1 // ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 80. Д. 1781. Л. 4об.

[9] Там же.

было обусловлено развитием технологий и не в последнюю очередь – огромным спросом государства на работы литовских витражистов [Magelinskaitės 2013, p. 12]. Такой поворот в судьбе витража, произошедший на рубеже 1940–1950-х гг., был связан, с одной стороны, с поиском советской монументальной пропагандой новых средств художественного воздействия на массы, в том числе и для выражения новой, постепенно набирающей значимость в исторической политике темы – борьбы и победы, трагедии и триумфа в Великой Отечественной войне. Внимание к этой теме особенно выросло после смерти И. Сталина и развенчания культа личности, когда властные элиты столкнулись с дефицитом легитимности. В то же время в новых эффективных художественных ресурсах, утверждающих основы советской идеологии, власть стала нуждаться и на фоне противостояния, разворачивающегося в рамках холодной войны. С другой стороны, значимой причиной изменения статуса витражного искусства была «перестройка архитектурно-строительной практики» [Раманаускайте 1980а, с. 26].

Стоит отметить, что в конце 1950-х гг. «в СССР (и Литовской ССР) начался новый этап мемориализации Великой Отечественной войны, характеризующийся... строительством мемориалов и мемориальных ансамблей» [Vitkus 2021, p. 53]. В соответствии с Перспективным планом строительства памятников на 1960–1965 гг. только в советской Литве должно было быть сооружено 33 памятника [Vitkus 2021, p. 53]. Разумеется, это не значит, что их не создавали раньше – первые памятники, увековечивающие политическую память о Великой Отечественной войне, появились в Литве в первые послевоенные годы; однако до конца 1950-х гг. этот процесс не был столь массовым, а главное – не имел столь монументальных форм и столь отчетливо считывающихся черт огосударствления [Махотина 2020, с. 53].

Перед скульпторами, архитекторами, художниками, трудившимися над проектами мемориалов, стояла задача сделать их выразительными, создать новые, запоминающиеся монументальные образы, и в этом им мог помочь витраж, способный преображать пространство, одухотворяя его, оказывать сильнейшее воздействие на композицию и тектонику всего сооружения, а также на эмоциональное восприятие мемориала[10].

[10] *Юсупов И.Р.* Физические свойства витража в интерьере // Свердловская областная универсальная научная библиотека имени В.Г. Белинского. URL: https://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz22_pril/36/template_article-ar=k41-60-k52.htm (дата обращения 28 октября 2024).

ISSN 2686-7648

Один из первых литовских витражей, имеющих отношение к мемориализации Великой Отечественной войны, был, по всей видимости, создан еще для оформления павильона Литовской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве в 1954 г. (архитекторы А. Кумпис, Ю. Лукошайтис, К. Шешельгис, художники А. Стошкус, Р. Крукайте и В. Янкаускас). Я имею в виду витражные портреты генерала, дважды Героя Советского Союза Ивана Черняховского, который руководил освобождением Литвы во время Великой Отечественной войны, и партизанки, Героя Советского Союза Марии (Марите) Мельникайте [Минухин 1959]. Выполненные в лучших традициях средневекового витража, они хорошо гармонировали с классицистическим стилем павильона и отличались

> ...симметричным, реалистически трактованным объемно-пространственным построением композиции, светотеневой моделировкой формы, достигающей границ гризайля [Раманаускайте 1980а, с. 26].

Однако уже в конце 1950-х гг. начинается так называемый экспериментальный период в истории витражного искусства, связанный с внедрением и освоением новых материалов и технологий, которые должны были сделать витраж более долговечным и более богатым с точки зрения восприятия, открыть новые грани в его взаимоотношениях с освещением, новые конструктивно-пластические возможности. Результаты экспериментов, проводившихся в мастерских литовских художников, были продемонстрированы в 1961 г. на первой выставке литовского витража в Московском архитектурном институте [Статун 1961], на которой среди прочих классических и экспериментальных работ экспонировалось панно Казиса Моркунаса «Пирчюпис».

Витраж «Пирчюпис» был посвящен литовской деревне, которую немцы сожгли вместе с жителями 3 июня 1944 г. Вскоре после захоронения останков жертв пирчюписской казни над их могилами были установлены временные памятные знаки, а в 1947 г. – монументальные кресты, обнесенные деревянной оградой. На крестах была сделана надпись: «Покойтесь с миром, матери и сестры / Покойтесь с миром, отцы и братья» [Махотина 2020, с. 72].

Во второй половине 1950-х гг. Пирчюпис попал в фокус советской государственной политики памяти, и локальные памятники были дополнены официальным – в 1957 г. рядом с крестами установили надгробие с выгравированной на нем пя-

К. Моркунас. «Пирчюпис», 1961

тиконечной звездой и мемориальной табличкой, надпись на которой гласила: «Здесь захоронены останки советских людей, убитых немецкими оккупантами и буржуазными националистами, заживо сожженных в деревне Пирчупяй в 1944 году 3 июня». В том же 1957 г. 21 декабря был объявлен конкурс на создание памятника в Пирчюписе, победителем в котором стал Гедиминас Йокубонис, создавший скульптуру «Мать» / «Мать Пирчюписа». 23 июля 1960 г. состоялось открытие Пирчюписского мемориального комплекса, включавшего скульптуру типа «мать скорбящая» (практически *stabat mater dolorosa*[11]), украшенную рельефом гранитную стену с именами погибших (ее автором был Витаутас Габрюнас) и мемориальный музей[12] [Vitkus 2022].

Как справедливо отмечает З. Виткус, государственная мемориализация трагедии Пирчюписа приходится на период «мемориального бума», когда в СССР и в странах Восточной и

[11] "Stabat mater dolorosa" (*лат.*) – «Стояла мать скорбящая», первые слова средневековой секвенции (песнопения), описывающей в том числе страдания Богородицы во время распятия Христа.

[12] Zigmas Vitkus. Pirčiupių istorija: išnaudota sovietmečiu, primiršta šiandien // LRT: Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija. 2023.06.02. URL: https://www.lrt.lt/naujienos/nuomones/3/1996632/zigmas-vitkus-pirciupiu-istorija-isnaudota-sovietmeciu-primirsta-siandien (дата обращения 29 октября 2024).

ISSN 2686-7648

Центральной Европы появился целый ряд мемориалов, увековечивающих память именно о жертвах фашизма [Vitkus 2022]. Кроме того, важно отметить, что в Пирчюписе был сооружен первый мемориал, посвященный сожженной деревне, и первое место памяти, где центральным символом стала скорбящая мать. Как подчеркивает Е. Махотина, «таким образом, был открыт новый путь иконографии мемориалов для гражданских жертв войны в Советском Союзе» [Махотина 2020, с. 73].

Один из витражей Казиса Моркунаса, посвященный Пирчюписской трагедии, был установлен на лестнице местного музея. Второй с 1965 по 1991 г. экспонировался в Каунасской галерее витража и мозаики.

На монументальном (высота 3 м 90 см, ширина 2 м 20 см) витражном полотне художник разместил ступенчато три крупные фигуры – пожилого крестьянина, женщины с ребенком и юной девушки. Рядом с ними птица с обожженными крыльями, василек, колос на фоне обгоревшего дерева, а вокруг них – белоалые и фиолетовые языки пламени.

Формы даны упрощенно, условно, можно даже сказать, что они несколько примитивизированы. Вертикальный формат задает движение взгляда зрителя снизу вверх и вглубь. Композиция развивается по диагонали снизу вверх и справа налево – это так называемая «диагональ борьбы», которая передает трагедийность, невероятную напряженность сюжета и одновременно некую его оптимистичность. Мы видим погибающих в пламени, но несломленных людей. Старик на переднем плане сжал мощные кулаки, он весь – ненависть к врагу, весь сила духа. Женщина, прижимающая к себе ребенка, вскинула руку в жесте последнего прощания и словно кричит: «Отомсти!» «Посмотри, что сделали со мной», – призывает бессильно склонившаяся девушка.

Фигуры женщины и пожилого крестьянина, очерченные резкими ломаными линиями и наполненные яркими цветовыми пятнами, – это самые громкие и экспрессивные ноты композиции. Они дополняются мощными ударами белого цвета, особенно яркого на фоне лазури, пурпура, золота и зелени [Червонная, Богданас 1972, с. 243]. Эту драматику усиливают и черные линии витражных швов, и объемная трактовка фигур – К. Моркунас использует колотое стекло, которое значительно выступает над подверхностью скрепляющего цемента, и игра света, который проходит через неровную поверхность стекла, дает неожиданное сияние разных оттенков [Раманаускайте 1980а, с. 33]. То есть весьма удачно обыгрывается сама техноло-

гия витража. Фигура девушки в верхней части, наоборот, гасит эту запредельную экспрессию своими плавными очертаниями и холодными голубыми тонами. Без гасящей силы воспринимать витраж было бы физически больно.

«Пирчюпис» демонстрирует эволюцию художника от классического витража к витражу из толстого цветного колотого стекла и бетона, в котором главным действующим элементом, помимо фактуры стекла, становится цвет. Как отмечает сам К. Моркунас, если в его ранних панно основную роль играли рисунок и светотеневое моделирование, то со временем на первый план вышла экспрессия цвета: «Цвет – друг, цвет – враг. Он помогает или вовсе перечеркивает замысел»[13]. В случае «Пирчюписа» цвет, несомненно, друг:

> Колорит, построенный на контрасте активных по цвету фигур, красного пламени и насыщенного фиолетового фона, усиливает драматический накал композиции [Раманаускайте 1980а, с. 33].

Однако одновременно с нарастанием значения цвета и фактуры, богатства стекла, в подобных витражах уменьшаются выразительные возможности рисунка, силуэта, из-за чего возникают сложности с чтением сюжета[14]. Иллюстрация, представленная выше, демонстрирует эту особенность.

Витраж «Пирчюпис» можно назвать эталонным для советского мемориального нарратива о Великой Отечественной войне изображением жертв войны, жертв фашизма. В этом смысле он прекрасно иллюстрирует основную тенденцию 1960-х гг. – «второй волны памяти о войне» в Литве: создавая памятники гражданским жертвам, делать «акцент на национальной жертве литовцев и мотив скорби» [Махотина 2020, с. 54], не уходя при этом далеко от триумфализирующей темы.

Здесь, пожалуй, следует сделать пояснение. В течение поствоенного периода память о войне, советская модель репрезентации войны формировалась по типу триумфального канона и все больше героизировалась. Невинная жертва в рамках этого канона, как правило, переосмысливалась в категориях активного участия в борьбе, героизма, антифашистского пафоса. В соответствии с этим каноном литовцы выступали и как жерт-

[13] *Моркунас К.* Заметки витражиста. Из творческого опыта // Журнал «Творчество». 1975 г. № 1 (см.: ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 80. Д. 1781. Л. 3а об.)

[14] Там же.

ISSN 2686-7648

вы, и как герои, «убежденные борцы сопротивления», подвергшиеся оккупации, но не покорившиеся [Махотина 2020, с. 84]. И перед мастерами-монументалистами стояла нелегкая задача воплотить этот парадокс трагедийного оптимизма, соединить сосуществующие в официальном мемориальном нарративе образы Пирчюписа как мирной деревни, сожженной гитлеровцами, и деревни партизанской[15].

С этой задачей К. Моркунас справился великолепно и перевыполнил ее[16]. Он двигается от яркой мажорной ноты воплощенного героизма (старик-крестьянин) к абсолютному минору (девушка), от яростной борьбы со смертью к ее признанию. И здесь происходит прорыв через советскую идеологию, через канон в какие-то гораздо более высокие сферы гуманизма, преодоление некоторой клишированности композиции («введение таких элементов, как плач ребенка, последние минуты перед смертью матери, слова старика – дают возможность еще раз прочувствовать всю трагедию происходящего, всю горечь народной беды»[17], но этот прием со временем начинает восприниматься как избитый). С другой стороны, изображенные на витраже фигуры должны были перекликаться с сюжетом рельефа на мемориальной плите: там также были изображены отчаявшиеся женщины с детьми и мужчина, с ненавистью глядящий на палачей. Фигуры девушки и женщины с ребенком рифмовались и с архитектурно-скульптурной доминантой Пирчюписского мемориального комплекса – скульптурой Г. Йокубониса. Фактически это разные ипостаси образа матери – всепобежда-

---

[15] Первым шагом к решению этой задачи стало размещение имен погибших и дат их жизни на мемориальной стене. Это была необычная практика, так как «и в Советском Союзе, и в Западной Европе имена назывались лишь на военных кладбищах, но не на мемориалах гражданским жертвам» [Махотина 2020, с. 74]. Таким образом, пирчюписцев фактически уравнивали с солдатами, павшими в бою.

[16] Примечательна в этом смысле история создания памятника «Мать Пирчюписа» Гедиминасом Йкубонисом: первоначальную версию скульптуры партия забраковала, поскольку та была слишком страдающей, опасно приближалась к библейским образам. От скульптора потребовали добавить «Матери Пирчюписа» «воинственности», наделить ее «яростным голосом против поработителей и убийц». И только после того, как выражение лица скульптуры и жест ее руки, сжимающей платок, стали более жесткими, памятник был одобрен [Махотина 2020].

[17] *Черемных Н., Веллер А.* Аннотация к радиоочерку «Мать Пирчюписа» // ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 4. Д. 128. Л. 14.

ющей жизненной силы[18]. Наконец, перекличка осуществлялась и за счет включения в витраж фольклорных мотивов, что объединяло его и со скульптурой «Матери Пирчюписа», и с крестами над могилами погибших сельчан.

Наконец, необходимо отметить и эмоциональную работу витража в контексте музейного пространства, где были представлены портреты погибших пирчюписцев и обнаруженные на месте казни их личные вещи – «расчески, ножницы, молитвенник, полусоженный паспорт, обгоревшая пеленка младенца и расплавленное стекло» [Махотина 2020, с. 75] (так называемые *terrible byproducts*). Витраж с помощью доступных ему художественных средств усиливал продуцируемое ими чувство «присутствия смерти», повышая «ауру мемориальной силы» [Махотина 2020, с. 80].

Следующие работы Моркунаса, посвященные Великой Отечественной войне, были созданы в 1972 г. для Крижкальнисского мемориального ансамбля в честь воинов-освободителей, известного как мемориал Советской Армии-освободительницы.

Мемориал создавался долго. Конкурс был объявлен еще в 1959 г., и тогда в нем победил проект скульптора Бронюса Вишняускаса и архитектора Витаутаса Габрюнаса, согласно которому центральным элементом в композиции нового мемориала должна была стать бронзовая фигура Матери-Литвы на высоком гранитном постаменте. Также планировалось соорудить гранитную стену с бронзовым барельефом, изображающим идущих в атаку солдат. Таким образом, изначально витражи были проектом не предусмотрены [Vitkus 2021, p. 53–54].

Несмотря на то что проект рассматривался как срочный, его реализация оказалась отложена более чем на 8 лет, скорее всего – из-за отсутствия необходимых средств [Vitkus 2021, p. 53–54]. Только 28 февраля 1968 г. в Крижкальнисе появился памятный знак, надпись на котором гласила: «Здесь будет воздвигнут памятник в честь Советской Армии – освободительницы Литвы от фашистского ига». Началось строительство, и к осени 1972 г. мемориал был готов. 16 сентября 1972 г. состоялось его торжественное открытие.

На подъезде к мемориалу были установлены две гранитные плиты с надписями на литовском и русском языках «Литовский народ – Советской Армии-освободительнице» и портретными барельефами, изображающими советского пехотинца,

[18] ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 4. Д. 128. Л. 22.

ISSN 2686-7648

моряка, разведчика и партизана. Далее посетитель мемориала мог попасть в мемориальное помещение, где хранились бронзовые книги с именами всех воинов, погибших при освобождении Литвы. Кроме того, на стенах помещения были помещены надпись «Советская Литва вечно благодарна солдатам» и списки частей Красной Армии, воевавших на территории республики [Vitkus 2021, p. 57–59]. Ну а над мемориальным помещением находился центральный элемент в композиции мемориала – скульптурный образ Матери, ставший впоследствии «культурной иконой Литовской ССР» [Vitkus 2021, p. 49].

Казис Моркунас подключился к проекту Крижкальнисского мемориала не сразу и в итоге остался не очень доволен результатом. В 1975 г. он напишет в своей статье «Заметки витражиста»:

> Мне приходилось работать с хорошими архитекторами, такими, как А. Кибронцас, И. Макарюнас, В. Габрюнас; главной для нас всегда была проблема синтеза. К сожалению, иногда ее применение было лишь относительно удачным. К примеру, витражи в мемориале Крижкальниса как будто создают внутри помещения единое целое, но размещены они в задней части постамента памятника, доступ к ним найти непросто (не каждый посетитель их находит), и это заставляет сомневаться в их необходимости[19].

Собственно, созданное Моркунасом для Крижкальнисского мемориала – панно «Борьба» и «Встреча героев» или «Герои возвращаются» – не совсем корректно именовать витражами, во всяком случае в классическом смысле. Это скорее витражные стены из конусного стекла и бетона. Работая над ними, К. Моркунас с помощью конусообразных стеклоблоков решал весьма насущные для витража проблемы выразительности и светопроницаемости:

> При такой технике композиция витража монтируется из прямоугольных блоков одинаковой величины. Толщина каждого отдельного блока постепенно волнообразым чередованием выступов и впадин переходит в совершенно тонкие прозрачные полосы, через которые свободно проходит дневной свет. В тех участках витража, где блок толще, – цвет гуще, с постепенным чередованием толстых и тонких полос толщина блока уменьшается, светопроницаемость увеличивается, интенсивность цвета приглушается [Раманаускайте 1980а, с. 76].

---

[19] *Моркунас К.* Заметки витражиста... Л. 3а об.

К. Моркунас. «Борьба», 1972

В результате композиция приобретает специфическую волнообразную фактуру, которая обладает большой декоративной выразительностью и пластичностью, но при этом «требует соответствующей композиционной структуры, построенной на ритмическом повторе изобразительных элементов» [Раманаускайте 1980а, с. 76]. Подстраиваясь под эти особенности, Моркунас создал горизонтально вытянутые полотна, сама форма которых задает движение не вверх и вглубь, как это было в «Пирчюписе», а вдоль плоскости стены, вовлекая зрителя и в динамику боя («Борьба»), и в шествие победителей («Встреча героев»).

«Борьба» разворачивается фризообразно на голубо-сине-фиолетовом фоне, разрываемом багряно-желтыми всполохами. Так взрывы и кровь разрушают спокойный день с синим небом и густым неподвижным воздухом, которые вдруг начинают рассыпаться и превращаются в осколки. Эффект практически компьютерной графики: частый прихотливый ритм рельефных стеклоблоков демонстрирует это разрушение с пугающей наглядностью.

Поверх всполохов как бы всплывают крупные, выполненные из плоских монохромно-белых стеклоблоков фигуры бойцов – один устремляется в атаку, другой роет окоп, третий готов бросить связку гранат... Как при замедленной киносъемке, перед нами разворачивается панорама войны – грандиозного действа, наполненного ужасом, болью, яростью, подвижничеством. Если в случае «Пирчюписа» мы говорили о достаточно условной, обобщенной, даже в чем-то примитивизированной

ISSN 2686-7648

К. Моркунас. «Встреча героев», 1972 (*фрагмент*)

трактовке образов, то здесь К. Моркунас идет еще дальше: фигуры солдат в «Борьбе» в общем-то сведены к символам. Но «в виде этих символических фигур, идущих в бой, гибнущих, сражающихся, роющих окопы, рвущихся в атаку бойцов, художественно переосмысляется весь эпос героических подвигов Советской Армии» [Юренайте 1982].

Витраж «Встреча героев» стилистически очень похож на «Борьбу», хотя здесь заложена совершенно другая идея. Здесь та же палитра, та же комбинация рельефно-скульптурных голубых, синих, багряных, желтых, прозрачных и контрастных плоских монохромно-светлых стеклоблоков (фигуры героев). Однако воздух недвижим – его лишь слегка колеблют всполохи салюта, и, раздвигая его, словно воду, медленно шествуют победители, медленно разворачиваются фигуры встречающих их. Ритм линий плавный, динамика почти не выражена, движения героев напоминают канонический шаг архаических статуй – это не просто шествие, а путь в вечность, и скорее всего рядом с живыми идут те, чья жизнь оборвалась и началось бессмертие.

Примечательно, что если в случае «Борьбы» практически нет каких-то второстепенных символических элементов, то во «Встрече героев» они появляются вновь, как и в «Пирчюписе»: мы видим увитую цветами винтовку (прощай, оружие!), и колосья (символ жизни). Это любимый прием Моркунаса – невзна-

чай добавить богатые ассоциативными смыслами детали, которые расширяют нарратив витража.

На Крижкальнисском мемориале очень заметно, что витраж выполняет не только декоративную, но и конструктивно-пластическую функцию, превращаясь в тектонический элемент здания (стену). Не менее наглядно видны и взаимоотношения витража с освещением и интерьером: дневной свет, преломляясь в конусных витражных стеклах, заполняет интерьер, отражается на черной поверхности пола из шлифованного гранита и как будто двоится, включая зрителя в свое пространство.

Если «Пирчюпис» существует в рамках жертвенного нарратива, то Крижкальнисские витражи обслуживают гораздо лучше разработанную в советском мемориальном искусстве героическую часть военного канона, имидж Советской армии «как спасительницы литовского народа и культуры от уничтожения немецкими захватчиками» [Махотина 2020, с. 59] и в смысле иконографии очень предсказуемы. Здесь реализована тема триумфального шествия, которую советские мастера неоднократно воплощали в разном материале [Малкова 2008] и которая имеет глубокие досоветские корни, уходящие в античность.

Судьба военных витражей Казиса Моркунаса сложилась по-разному, хотя изначально, в начале постсоветского периода они оказались, казалось бы, в равных условиях. Процесс ослабления центральной, союзной власти сопровождался снижением обычной коммеморативной активности, связанной с мемориалами на окраинах СССР. В конце 1980-х гг. посещаемость Пирчюписского и Крижкальнисского мемориалов упала [Vitkus 2021; Vitkus 2022], мемориал в Крижкальнисе лишился милицейской охраны, из музея в Пирчюписе была удалена часть экспозиции, посвященная партизанам, были сняты мемориальные таблички, которые казались слишком «по-советски» официозными. В прессе началась дискуссия относительно мемориального нарратива, лежащего в основе Крижкальнисского комплекса, был подставлен под сомнение и образ Пирчюписа как «партизанской деревни».

В 1990 г., после того как произведения советского искусства стали удалять из списка предметов культурного наследия Министерства культуры Литвы, начался массовый, часто стихийный демонтаж советских памятников (хотя главная ударная сила литовской суверенизации – движение «Саюдис» – никогда не скрывала своей цели «убрать все советские памятники» [Махотина 2020, с. 126]). 23 августа 1990 г. Крижкальнисский памятник облили краской, а 5 октября его тайно заминировали

ISSN 2686-7648

и попытались взорвать. В результате этой попытки были сорваны болты, крепящие Мать-Литву к постаменту, и скульптура наклонилась. Поскольку возникла угроза ее падения, спустя две недели райсовет большинством голосов принял решение о демонтаже, и в тот же день скульптуру убрали, хотя Инспекция по охране памятников культуры Литовской Республики предлагала восстановить крепежи [Vitkus 2021].

После демонтажа скульптуру отвезли во двор местного коммунального комбината, где она пролежала 9 лет. Что касается витражей, они были демонтированы 18–20 февраля 1992 г. и переданы Расейняйскому краеведческому музею. После этого территория мемориала превратилась, по меткому выражению Ж. Виткуса, в «одну из территорий “небытия”, характерных для постсоветской Европы» [Vitkus 2021, p. 73]. И только в 2020 г. она была возвращена в «мемориальный оборот»: здесь появилась новая архитектурно-скульптурная композиция, посвященная памяти о «литовских партизанах, защищавших Литву от советских оккупантов» [Vitkus 2021, p. 79]. Впрочем, трансформация Крижкальнисского мемориала в новой политической конъюктуре должно стать темой отдельного исследования.

В 1998 г. власти Литвы приняли решение создать экспозицию советских памятников, и спустя год, в феврале 1999 г., Мать-Литва обрела новое пристанище в частном парке советской скульптуры Грутас близ Друскининкая. Туда же были перевезены и витражи Казиса Моркунаса, которые разместили в на скорую руку построенном павильоне посреди леса.

Что касается Пирчюписа, были попытки подобрать ему новое место в национальном мемориальном каноне, представив местных жителей, например, как жертв не столько немцев, сколько советских партизан, которые то ли сами покарали деревенских жителей, когда те отказали им в сотрудничестве, то ли не пришли на помощь «партизанской деревне», когда немцы творили свое черное дело. Однако эти попытки оказались безрезультатными. В начале 1990-х гг. мемориал пришел в полное запустение. В 1998 г. Пирчюписский музей был закрыт, а в начале 2000-х гг. его здание выставили на продажу. Какое-то время существовала Пирчюписская библиотека, но в начале 2010-х гг. закрылась и она. Таким образом, от советского мемориала сохранилась только скульптура «Мать Пирчюписа».

Витражная коммеморация Пирчюписской трагедии теперь осуществляется в Каунасе: витраж «Пирчюпис» был установ-

лен в местном мемориальном комплексе «Девятый форт», то есть в одном из фортов Каунасской крепости. В межвоенный период форт использовался для принудительного труда заключенных, в том числе политических, в 1940–1941 гг. здесь располагалась тюрьма НКВД, в годы оккупации он стал местом массового уничтожения людей – в первую очередь и в основном евреев, а в 1958 г. был превращен в музей. В постсоветский период «Девятый форт» сохранил свои музейные функции, но «в музейное пространство бывшего мемориала жертв Второй мировой войны был интегрирован нарратив о преступлениях сталинизма» [Махотина 2020, с. 77, 139]. При этом здесь были размещены экспонаты и из других музеев, в том числе и из Пирчюписского – личные вещи жертв трагедии и гильзы от патронов [Махотина 2020].

Таким образом, витраж сохранил свою первоначальную среду обитания, в отличие от Пирчюписского мемориала в целом, отлично вписавшись в транслируемый Девятым фортом образ литовцев уже не как героических советских людях, жизнью заплативших за связь с партизанами, а как «жертв двух тоталитаризмов», двойной оккупации. Таким образом, как мы видим, созданные советским искусством образы «жертвы-героя» оказываются востребованы в рамках политики памяти современной Литвы. Более того, витраж сохранил связь с музейной архитектурой и даже с экспозицией, что нельзя сказать о Крижкальнисских витражах, которые также были музеефицированы, но совершенно иным способом.

Вопросы о судьбе витражей из Крижкальниса касаются в основном двух проблем: во-первых, размещения витражных панно вне привычного архитектурного контекста и их сохранности в новых условиях; во-вторых, их переосмысления и перекодировки в новой роли – роли экспонатов парка-музея (на самом деле скорее антиэкспонатов антимузея), который задуман в первую очередь как развлекательный проект, воспроизводящий советский период при помощи либо иронии и сарказма, либо устрашения [Махотина 2020].

В первую очередь, стоит порадоваться тому, что эти витражи не были уничтожены, как порадовался в свое время Б. Вишняускас сохранению Матери-Литвы хотя бы в виде экспоната в парке Грутас. Что касается разъединения мемориала и витражей и помещения последних фактически в природную среду, следует учесть, что литовские витражи зачастую изначально не имели определенного места в архитектурных

ISSN 2686-7648

ансамблях Литвы и создавались для экспонирования, например, в специальной Галерее витража и скульптуры [Червонная, Богданас 1972, с. 237]. Кроме того, витражные стены, созданные К. Моркунасом для Крижкальнисского мемориала, в гораздо большей степени независимы от архитектуры, нежели классический витраж. По своему характеру они приближаются к мемориальным стенам/стелам, которые могут существовать и автономно. Тем более что на постсоветском пространстве уже есть примеры расположения витражей на стелах – это, например, витражи с детскими рисунками на «Площади Солнца», которая является частью мемориала «Памятник детям – жертвам Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» в деревне Красный Берег Жлобинского района Республики Беларусь. Наконец, стоит вспомнить и о том, что витражи могут использоваться как часть декора малых архитектурных форм – например, садовых беседок, где они тесно связаны, с одной стороны, с архитектурой, а с другой стороны, с природой. И этот симбиоз обогащает как архитектурную форму, так и витраж, который оказывается пронизан воздухом, светом, солнцем, вступает в сложную игру с ланшафтом. Правда, назвать малой архитектурной формой «павильон», в котором разместили Крижкальнисские витражи, можно с большой долей условности, скорее это просто сарай. Но все же следует признать, что судьба панно не столь трагична, как может показаться на первый взгляд.

Вопрос о переосмыслении и перекодировке более сложен. Основная цель парка Грутас, где сейчас находятся Крижкальнисские витражи, заключается в разоблачении негативного содержания советской идеологии и маргинализации идеологически неугодных памятников путем профанирования, то есть превращения этих памятников в объект «потребления и коммерциализации в рамках индустрии потребления» [Мегем и др. 2022; Фелькер 2018]. Грутас представляет собой некий политический Диснейленд [Махотина 2020, с. 128], где снятым с пьедесталов борцам и героям отводится несколько ролей. Они становятся, во-первых, символом «обезвреженного прошлого», которое десакрализировано, разоружено и помещено в сниженный, развлекательный контекст, во-вторых – «знаком-свидетельством исторической травмы», в-третьих – маркером новой идентичности, в котором «нация представляется как “пассивная травмированная жертва оккупационного режима”» [Карпенко 2022, с. 169]. Как считает Е.К. Карпенко,

> ...подобный способ репрезентации социалистического наследия порождает эффект отчуждения прошлого и разделения между «нами» (посетителями) и «ними» («палачами» и «жертвами» политического режима прошлого). В подобных экспозициях теряется связь между прошлым и настоящим и формируется представление о прошлом как о другом времени, где существовали отличные от современных «правила» и «принципы», и поэтому то, что было возможно тогда, невозможно сейчас [Карпенко 2022, с. 169].

«Преодоление и критическое осмысление» [Карпенко 2017, с. 240] триумфальных страниц советского исторического нарратива становится формой работы с той культурной травмой, которая в современной Литве воспринимается как основное следствие присоединения к Советскому Союзу и пребывания в его составе.

Итак, история советского витражного искусства разворачивается во второй половине XX в. В 1950–1980-е гг. витражи

> ...становятся важной частью архитектурного кода городов Советского Союза. Они могли располагаться практически везде: в домах культуры, школах, ВУЗах, на заводах и в метрополитене. Куда бы ни пошел советский человек, он всегда мог увидеть витражи, которые чаще всего напоминали ему о великом – о целях и ценностях коммунизма. В стеклах витражей советского времени застыли стремления советских людей к труду, познанию, процветанию[20].

Уже в 1950-е гг. проявляется внимание к витражу как к яркому и эффективному способу мемориализации Великой Отечественной войны. В целом витражное искусство не стало широко используемым каналом увековечения памяти о военных событиях, сказывались, вероятно, особенности советской мемориальной архитектуры, стремление к ее упрощению. Однако в поствоенный период увековечивающие память о войне витражи все-таки проникают в художественное пространство мемориалов (например, Зал Памяти мемориала «Чижовский плацдарм»), а также музеев и культурных центров (например, Дом офицеров в Иркутске), метрополитена (станция «Победа» в Самаре). В немалой степени это заслуга литовских витражистов, которые «произвели настоящую революцию в истории совет-

[20] *Блудова С.* Витражи в советской архитектуре // Deziiign. URL: https://deziiign.com/project/ffe0f895de614ecd86ad2661f9274987?ysclid=m3zpegp7ie620111306 (дата обращения 7 октября 2024).

ISSN 2686-7648

ского витража, открыв новые возможности и перспективы развития этого искусства» [Червонная, Богданас 1972, с. 237].

История литовского витража сложна, развивалась она со значительными перерывами, со взлетами и падениями [Kogelytė-Simanaitienė 2013]. Тем не менее в советское время именно в Литве была создана одна из наиболее выдающихся витражных школ, в становление и развитие которой внес серьезный вклад Казис Моркунас. Витражное наследие К. Моркунаса обширно, однако особого внимания заслуживают работы, выполненные для двух мемориалов Великой Отечественной войны – Пирчюписского и Крижкальнисского. Витраж Моркунаса «Пирчюпис» считается этапным произведением [Червонная, Богданас 1972], то же хочется сказать и о витражах Крижкальнисского мемориала «Борьба» и «Встреча героев».

Прежде всего, следует отметить, что эти работы представляют собой технологические новации: К. Моркунас уходит от классического витража сначала к витражу из толстого цветного колотого стекла и бетона («Пирчюпис»), затем к витражу из конусного стекла и бетона («Борьба» и «Встреча героев»), которые обладают особой, высокой выразительностью за счет рельефной поверхности и особо выразительной игры света и цвета. Четкие линии, колористическая экспрессия, упрощенные, но выразительные формы, выраженная ритмичность и высокая драматичность – все это характерные черты витражного творчества К. Моркунаса, которое остается актуальным, несмотря на изменение политического, социального, художественного контекста.

Рассмотренные в рамках данной работы панно Моркунаса иллюстрируют две стороны нарратива о Великой Отечественной войне – жертвенный и триумфальный. Витраж «Пирчюпис» увековечивает память о мирных жителях – жертвах войны. Витражи Крижкальнисского мемориала прославляют подвиг Советской Армии, освободившей Литву от гитлеровцев. При этом К. Моркунас искусно вводит в жертвенный нарратив «Пирчюписа» триумфальные ноты (жертвы погибают, но не сдаются, их смерть равна подвигу, на их стороне правда, они будут отомщены), тогда как в, казалось бы, чисто парадной «Встрече героев» проскальзывают ноты минорные (рядом с возвращающимися героями незримо – а возможно, и зримо – шествуют тени тех, кто уже никогда не ступит на родную землю). Панно Моркунаса обладают не только художественной выразительностью, но и большой философской глубиной.

Изменение курса политики памяти в современной Литве привело к упразднению мемориалов, частью которых были ра-

боты К. Моркунаса. К счастью, сами витражные панно сохранились. Работа «Пирчюпис», будучи переосмысленной, достаточно легко вписалась в литовский постсоветский мемориальный нарратив, в котором литовцы часто выступают как жертвы двух уравненных между собой режимов – нацистского и советского. Гораздо более сложным оказалось положение Крижкальнисских витражей, прославляющих подвиг советского солдата, освободившего Литву. Если использовать терминологию коллег из Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, витражи «подверглись интеграции в национальный мемориальный фонд через устранение признаков советской принадлежности памятников» [Мегем и др. 2022], при помощи стратегии профанирования, которая опростила их символическую нагрузку и придала им совершенно новые функции – развлечения и напоминания о культурной и политической травме в русле указанных Екатериной Махотиной основных задач парка Грутас, осмеяния и устрашения.

Цикл жизни памятников витражного искусства порой оказывается очень коротким [Щербакова 2021]. Витражам Казиса Моркунаса в этом смысле повезло: они сохранились физически, неизменными остались их художественные достоинства, трансформировалась только предлагаемая зрителю мемориальная программа, придав этим памятникам полисемантичность. И нам ничто не мешает «читать» работы Моркунаса с помощью той оптики, которую подразумевал автор, создавая их.

Литература

Волобаева 1999 – *Волобаева Т.В.* Витраж в русской культуре: Санкт-Петербург и его памятники: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб.: Российский институт истории искусств, 1999. 238 с. // Витражи в России. Сайт. URL: https://vitroart.ru/articles/disser/18/70/ (дата обращения 12 мая 2024).

Галицкий 2009 – *Галицкий И.* История витража // Деко. 2009. № 6. С. 12–17. Витражи в России. URL: https://vitroart.ru/articles/articles/520/ (дата обращения 12 мая 2024).

Еремеева 2008 – *Еремеева С.*А. Монументальная память // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 131–150. URL: https://strana-oz.ru/2008/4/monumentalnaya-pamyat (дата обращения 12 мая 2024).

Карпенко 2017 – *Карпенко Е.К.* «Натурализация» монумента: практика освоения советского наследия в парке Груто (Литва) // Логос. 2017. Т. 27. № 6 (121). С. 237–256.

ISSN 2686-7648

Карпенко 2022 – *Карпенко Е.К.* Экспозиция как сценография: Монументальный спектакль и культурная память в парке скульптур «Музеон» // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 164–178.

Княжицкая 2011 – *Княжицкая Т.В.* «Окна в прошлое». Древнерусские оконницы – забытое наследие ушедшей культуры // Мир музея. 2011. № 7. С. 50–54. Витражи в России. URL: https://vitroart.ru/articles/articles/672/ (дата обращения 12 мая 2024).

Княжицкая 2013 – *Княжицкая Т.В.* Три поколения витражей в здании Русского Географического Общества // Художественное стекло и витраж. 2013. Вып. 7 . Витражи в России. URL: https://vitroart.ru/articles/articles/882/?ysclid=li91jgpi5710859166 (дата обращения 12 мая 2024).

Княжицкая, Воробьев 2023 – *Княжицкая Т., Воробьев Д.* Витражи павильона Латвийская ССР на ВДНХ в Москве // Московское наследие. 2023. № 1 (85). С. 56–71.

Красник 2003 – *Красник А.Ф.* Витраж Ленинграда–Петербурга как художественное явление второй половины XX века: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербургская гос. художественно-промышленная академия, 2003.

Малкова 2008 – *Малкова О.П.* Феномен послевоенного искусства // Аналитика культурологии. 2008. № 1 (10). С. 161–163.

Махотина 2020 – *Махотина Е.И.* Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 256 с.

Мегем и др. 2022 – *Мегем М.Е., Филев М.В., Давиденко А.А.* Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 4 (33). С. 26–26.

Минухин 1959 – *Минухин Е.А.* Витражи. Рига: Латвийское гос. изд-во, 1959. 182 с.

Раманаускайте 1980a – *Раманаускайте Л.П.* Современный литовский витраж: Дис. ... канд. искусствоведения. Л.: Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1980. 172 с.

Раманаускайте 1980b – *Раманаускайте Л.П.* Уроки истории и современный витраж // Современный советский витраж: I Всесоюзный семинар по проблемам советского витражного искусства (14–25 октября 1978). М.: б/и, 1980. С. 40–54. Витражи в России. URL: https://vitroart.ru/articles/articles/669/ (дата обращения 12 мая 2024).

Статун 1961 – *Статун В.* Молодость витража // Декоративное искусство СССР. 1961. № 11. С. 2–5.

Фелькер 2018 – *Фелькер А.В.* Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 28–44.

Червонная, Богданас 1972 – *Червонная С., Богданас К.* Искусство Литвы. Л.: Искусство, 1972. 348 с.

Щербакова 2021 – *Щербакова А.С.* Проблема сохранения памятников витражного искусства в исторических зданиях Санкт-Петербурга // Инновации молодежной науки: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 20–24 апреля 2020. СПб.:

Санкт-Петербургский гос. университет промышленных технологий и дизайна, 2020. С. 118–119.

Юренайте 1982 – *Юренайте Р.* Казис Моркунас // Советское монументальное искусство. 1982. № 4. С. 101–109 // Витражи в России. URL: https://vitroart.ru/articles/articles/1027/ (дата обращения 12 мая 2024).

Kogelytė-Simanaitienė 2013 – *Kogelytė-Simanaitienė R.* Glass images, spiritual experiences and belief disclosures in Eimutis Markūnas' stained glass windows // Meno istorija ir kritika [История искусства и критика]. 2013. № 9. P. 52–66.

Magelinskaitės 2013 – *Magelinskaitės V.* Modernaus Lietuvių vitražo ir architektūros sąveika kompozicinių sprendimų aspektu: Baigiamojo darbo teorinė dalis magistro laipsniui įgyti [Взаимодействие современного литовского витража и архитектуры в аспекте композиционных решений: теоретическая часть выпускной квалификационной работы на соискание степени магистра]. Vilnius: Vilniaus Dailės Akademija, 2013. 57 s.

Vitkus 2021 – *Vitkus Z.* Nuo sovietinės "laisvės statulos" iki Lietuvos partizanų memorialo: Kryžkalnio reikšmės 1972–2020 m. [От советской «Статуи Свободы» до мемориала литовским партизанам: значение Крижкальниса в 1972–2020 гг.] // Istorija / History. 2021. T. 122. № 2. P. 48–90.

Vitkus 2022 – *Vitkus Z.* "Degintas, bet nesudegęs": Pirčiupių reikšmės ir jų kaita sovietinėje ir nepriklausomoje Lietuvoje [«Сожженный, но неопалимый». Значение Пирчюписа для советской и независимой Литвы] // Istorija / History. 2022. T. 127. № 3. P. 27–64.

References

Eremeeva, S.A. (2008), "Monumental memory", *Otechestvennye Zapiski*, no. 4 (43), pp. 131–150, available at: https://strana-oz.ru/2008/4/monumentalnaya-pamyat (Accessed 12 May 2024).

Chervonnaya, S. and Bogdanas, K. (1972), *Iskusstvo Litvy* [Lithuanian Art], Iskusstvo, Leningrad, USSR.

Fel'ker, A.V. (2018), "Heritage studies and the politics of memory – in search for common approaches", *Political science*, no. 3, pp. 28–44.

Galitskii, I. (2009), "History of stained glass", *Deko*, no. 6, pp. 12–17, available at: https://vitroart.ru/articles/articles/520/ (Accessed 12 May 2024).

Karpenko, E.K. (2017), "Naturalization of the monument: appropriating soviet heritage at Grutas statue park, Lithuania", *Logos*, vol. 27, no. 6 (121), pp. 237–256.

Karpenko, E.K. (2022), "Exposition as scenography: monumental performance and cultural memory in the Muzeon sculpture park", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (174), pp. 164–178.

Knyazhitskaya, T.V. (2011), " 'Windows to the past'. Old Russian windowpanes – the forgotten heritage of a bygone culture", *The world of museum*, no. 7, pp. 50–54, available at: https://vitroart.ru/articles/articles/672/ (Accessed 12 May 2024).

Knyazhitskaya, T.V. (2013), "Three generations of stained glass windows in the building of the Russian Geographical Society", *Khudozhestvennoe steklo i vitrazh*, iss. 7, available at: https://vitroart.ru/articles/articles/882/?ysclid=li91jgpi5710859166 (Accesed 12 May 2024).

ISSN 2686-7648

Knyazhitskaya, T. and Vorob'ev, D. (2023), "Stained glass artworks of the Latvian SSR pavilion at VDNKh in Moscow", *Moskovskoe nasledie*, no. 1 (85), pp. 56–71.

Kogelytė-Simanaitienė, R. (2013), "Glass images, spiritual experiences and belief disclosures in Eimutis Markūnas' stained glass windows", *Meno istorija ir kritika* [Art History and Critic], no. 9, pp. 52–66.

Krasnik, A.F. (2003), *Stained glass of Leningrad – St. Petersburg as an artistic phenomenon of the second half of the 20th century*, Ph.D. Thesis, Sankt-Peterburgskaya gos. khudozhestvenno-promyshlennaya akademiya, Saint Petersburg, Russia.

Magelinskaitės, V. (2013), *Modernaus Lietuvių vitražo ir architektūros sąveika kompozicinių sprendimų aspektu: Baigiamojo darbo teorinė dalis magistro laipsniui įgyti* [Interaction of modern Lithuanian stained glass and architecture in the aspect of compositional solutions: theoretical part of the final qualification. Thesis for Master's degree], Vilniaus Dailės Akademija, Vilnius, Lithuania.

Makhotina, E.I. (2020), *Prelomleniya pamyati: Vtoraya mirovaya voina v memorial'noi kul'ture sovetskoi i postsovetskoi Litvy* [The refraction of memory. World War II in memorial culture of Soviet and post-Soviet Lithuania], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.

Malkova, O.P. (2008), "Phenomenon of post-war art", *Analitika kulturologii*, no. 1 (10), pp. 161–163.

Megem, M.E., Filev, M.V. and Davidenko, A.A. (2022), "Demolish, recode, integrate and marginalise: key strategies for the Baltic states in relation to Soviet monuments", *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science, society, defence,* vol. 10, no. 4 (33), pp. 26–26.

Minukhin, E.A. (1959), *Vitrazhi* [Stained glass], Latviiskoe gos. izd-vo, Riga, Latvia.

Ramanauskaite, L.P. (1980a), *Modern Lithuanian stained glass*, Ph.D. Thesis, In-t zhivopisi, skul'ptury i arkhitektury im. I.E. Repina, Leningrad, USSR.

Ramanauskaite, L.P. (1980b), "History lessons and modern stained glass", in *Sovremennyi sovetskii vitrazh, 1 Vsesoyuznyi seminar po problemam sovetskogo vitrazhnogo iskusstva (14–25 oktyabrya 1978)* [Modern Soviet Stained Glass, 1st All-Union Seminar on Issues of Soviet Stained Glass Art (October 14–25, 1978)], Moscow, Russia, available at: https://vitroart.ru/articles/articles/669/ (Accessed 12 May 2024).

Statun, V. (1961), "The youth of stained glass", *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, no. 11, pp. 2–5.

Shcherbakova, A.S. (2021), "The issue of preserving stained glass art monuments in historic buildings of St. Petersburg", in *Innovatsii molodezhnoi nauki: Tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, Sankt-Peterburg, 20–24 aprelya 2020* [Innovations of Youth Science. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Young Scientists, St. Petersburg, April 20–24, 2020], Sankt-Peterburgskii gos. un-t promyshlennykh tekhnologii i dizaina, Saint Peterburg, Russia.

Vitkus, Z. (2021), "Nuo sovietinės 'laisvės statulos' iki Lietuvos partizanų memorialo: Kryžkalnio reikšmės 1972–2020 m." [From the Soviet "Statue of Liberty" to a memorial to Lithuanian partisans: the significance of Križkalnis 1972–2020], *Istorija / History*, vol. 122, no. 2, pp. 48–90.

Vitkus, Z. (2022), “ ‘Degintas, bet nesudegęs’: Pirčiupių reikšmės ir jų kaita sovietinėje ir nepriklausomoje Lietuvoje” [“Burned but Unburned”. The significance of Pirčiupis for Soviet and independent Lithuania], *Istorija / History,* vol. 127, no. 3, pp. 27–64.

Volobaeva, T.V. (1999), *Stained glass in Russian culture. St. Petersburg and its monuments*, Abstract of Ph.D. Thesis, Rossiiskii institut istorii iskusstv, Stained glass in Russia. Saint Petersburg, Russia, available at: https://vitroart.ru/articles/disser/18/70/ (Accessed 12 May, 2024).

Yurenaite, R. (1982), “Kazys Morkunas”, *Soviet monumental art*, no. 4, pp. 101–109. Stained glass in Russia, available at: https://vitroart.ru/articles/articles/1027/ (Accessed 12 May 2024).

Информация об авторе

Елена А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; kosovan.ea@rggu.ru

Information about the author

Elena A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kosovan.ea@rggu.ru

ISSN 2686-7648

УДК 327
DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-110-134

Постсоветское пространство в дискурсах суверенитета России и Европейского союза

Евгений Ю. Трещенков
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, evgeny.tre@gmail.com

Аннотация. Понятие «суверенитет» стало одним из ключевых в дискурсе России и Европейского союза. К нему они прибегают, обосновывая свои позиции в отношении друг друга в рамках конфликта по линии Россия–Запад. Особое место в этом конфликте занимают государства постсоветского пространства. В предлагаемом исследовании выявлены особенности присутствия государств региона в дискурсах суверенитета и в связанных с ними политических практиках России и ЕС. Для России постсоветское пространство – это территория непосредственной реализации ее государственности и идентичности. Построение вертикали власти внутри страны повлекло за собой формирование иерархии суверенитетов в «ближнем зарубежье». Европейский союз тоже структурировал регион, исходя из своих задач. Трансформируя его в соответствии со своими нормами и практиками, он стремится, среди прочего, обеспечить свою собственную безопасность. И Россия, и ЕС встраивают государства постсоветского пространства в свои проекции власти и суверенитета, и эти проекции серьезным образом отличаются друг от друга. При этом в обоих случаях государства региона занимают соподчиненное место. Это касается различных измерений суверенитета: от международно-правового до внутреннего*.

Ключевые слова: Европейский союз, Россия, постсоветское пространство, суверенитет

Для цитирования: Трещенков Е.Ю. Постсоветское пространство в дискурсах суверенитета России и Европейского союза // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 1. С. 110–134. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-110-134

© Трещенков Е.Ю., 2025

* Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Post-Soviet region in sovereignty discourses of Russia and European Union

Evgenii Yu. Treshchenkov

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia, evgeny.tre@gmail.com

Abstract. The notion of "sovereignty" has become one of the key concepts in the discourses of Russia and the European Union. They resort to it, substantiating their positions in relation to each other within the Russia – West conflict. The states of the post-Soviet space hold a special place in the conflict. The proposed study reveals the features of the presence of the states of the region in the discourses of sovereignty and related political practices of Russia and of the EU. For Russia, the post-Soviet space is the territory of the direct realization of its statehood and identity. The construction of a vertical of power within the country led to the formation of a hierarchy of sovereignties in the "near abroad". The European Union has also structured the region based on its tasks. By transforming it in accordance with his own norms and practices, he seeks to ensure **its** own security. Both Russia and the EU are placing the states of the post-Soviet space into their projections of power, and those projections differ seriously from each other. In both cases, however, the states of the region are in a subdominant position. It refers to the different dimensions of sovereignty, from international and legal to internal ones.

Keywords: European Union, Russia, Post-Soviet region, sovereignty

For citation: Treshchenkov, E.Yu. (2025), "Post-Soviet region in sovereignty discourses of Russia and European Union", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 1, pp. 110-134. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-110-134

Введение

Современный мир сталкивается с кризисом системы управления. Новые центры экономического и политического влияния оспаривают складывавшуюся десятилетиями международную иерархию. В свою очередь, внутри стран Запада, чье доминирование в мировой политике и экономике, казалось бы, установилось после окончания холодной войны, также все более остро проявляются внутренние противоречия. Против политического «мейнстрима» выступают различные альтернативные движения [Sergeyev et al. 2017]. При этом понятие «суверенитет» повсеместно используется участниками соответствующих дискуссий как на международной арене, так и во

ISSN 2686-7648

внутриполитических дебатах. К понятию суверенитета Россия и Европейский союз прибегают, обосновывая свои позиции в отношении друг друга в рамках конфликта по линии Россия–Запад. В этом конфликте государства постсоветской Евразии занимают особое место. Для России они представляют собой так называемое «ближнее зарубежье», тесно связанное с ней общим прошлым и настоящим. Часть государств региона в процессе своей модернизации склоняется к участию в процессах европейской интеграции. Это сдвигает границы Европы, центром которой себя видит Брюссель, на восток, приводя к столкновению интересов двух политических сообществ – России и ЕС. Конфликт также накладывает дополнительные ограничения на реализацию суверенитета самими государствами постсоветского пространства.

Целью предлагаемого исследования является выявление особенностей присутствия постсоветского пространства в дискурсах суверенитета и в связанных с этим политических практиках России и Европейского союза. Такой сравнительный анализ позволит лучше понять особенности и последствия проецирования дискурса власти на регион соседства России и ЕС.

Концепция и методика исследования

Возникновение того или иного академического подхода к интерпретации феномена суверенитета в значительной степени обусловлено эволюцией самой политической власти. По мере демократизации политической сферы к монистской концепции суверенитета, утверждающей абсолютный и неделимый характер суверенитета, прибавился плюралистический подход. В соответствии с ним суверенитет не является исключительной прерогативой государства, хотя последнее и занимает привилегированное положение среди других общественных институтов [Laski 1919]. Еще раньше встал вопрос об организации верховной власти, выступающей сувереном. Ж. Боден, например, выделял государство монарха и народное государство[1]. В дальнейшем, в политической практике многих стран мира утвердилась концепция «народного суверенитета». На современном этапе отдельный вызов государствоцентричному пониманию суверенитета представляют процессы глобализации и интегра-

[1] *Боден Ж.* Метод легкого чтения историй: В 3 т. Т. 3. Об устройстве государств. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 30–36.

ции. Такая многослойность понятия заставляет разрабатывать многомерные подходы к его анализу. К последним можно отнести классификации измерений суверенитета, предлагаемые С. Краснером [Krasner 2009] и Ф. Линчем [Lynch 2016].

На основе имеющихся представлений о сущности и измерениях суверенитета можно выделить несколько аспектов, релевантных теме предлагаемого исследования.

Во-первых, это вопрос о внешнем измерении государственного суверенитета: международно-правовом (юридическое признание государств друг другом) и вестфальском (исключение внешнего влияния на власть на территории государства) [Krasner 2009]. Важно понять, признают ли Россия и Евросоюз государства постсоветского пространства равными субъектами или же происходит их встраивание в определенную властную иерархию, допускают ли ситуацию вмешательства в их внутренние дела и чем это обосновывают дискурсивно.

Во-вторых, не менее значимым является вопрос о сложившихся в России и ЕС представлениях о «внутреннем суверенитете». С. Краснер относит к нему организацию власти на данной территории и ее способность осуществлять контроль внутри своих границ [Krasner 2009]. Ф. Линч отдельно выделяет внутреннее измерение суверенитета (эксклюзивная юрисдикция государства над своими гражданами), конституционное (фактическое и формальное расположение суверенитета внутри политического сообщества) и народное измерение (взаимоотношения между суверенитетом и обществом) [Lynch 2016].

С внутренним измерением связана проблема соотношения системы права и политической воли суверена. Согласно К. Шмитту, суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит к нему, ибо компетентен решать, может ли быть приостановлено действие «конституции» [Шмитт 2000]. Как отмечает Р. Запорожченко, в закрытых политических системах суверенитет автономен, следовательно, система функционирует в постоянном состоянии чрезвычайной ситуации. Здесь право не столько кодифицирует социальный порядок, сколько является инструментом прямого подчинения [Zaporozhchenko 2021]. Правовое государство, напротив, стремится ограничить суверена в его компетенции решать, может ли быть приостановлено действие нормального правопорядка [Шмитт 2000]. Еще Ж. Боден выделял государства, основанные на справедливости, и государства, основанные на силе. Справедливость гарантируется законами, ограничивающими произвол сильных. В основанных на силе государствах

ISSN 2686-7648

суверен является обладателем имущества и людей и правит ими как отец семейства[2]. Нельзя не отметить созвучность этих мыслей современным концепциям организации власти-собственности в государствах постсоветского пространства [Gel'man 2016]. А. Заостровцев даже относит Россию и ЕС к разным типам цивилизаций, которые он условно обозначает как «силовая» и «правовая». В этой ситуации западная часть постсоветского пространства представляет собой пограничье, на котором разворачивается противостояние цивилизаций [Заостровцев 2020].

Если определять изучаемый в рамках предлагаемого исследования дискурс как политический, то есть направленный на обоснование и воспроизводство власти [Dijk 1997], то суверенитет является одной из ключевых его категорий. Его использование служит задачам легитимации власти, определения границ политического сообщества, отношений с другими акторами и стоящих перед ним задач.

Автор данного исследования руководствуется принципами критического дискурс-анализа. Согласно этому подходу, дискурс не тождественен социальной реальности, но через него социальные взаимодействия приобретают значение. Дискурс, будучи социальной практикой, одновременно и воспроизводит, и изменяет знания, идентичности, социальные взаимоотношения, включая отношения власти. При этом и сам дискурс формируется другими социальными структурами и практиками. Критический дискурс-анализ направлен на то, чтобы пролить свет на дискурсивное измерение социальных процессов [Филлипс, Йоргенсен 2004]. Он фокусируется не на индивидуальных текстах, а на общем процессе взаимодействия дискурса с политическими структурами и практиками [Hamilton et al. 2015]. В случае с дискурсом суверенитета России и ЕС речь идет об определении взаимосвязей между дискурсом и политикой в отношении, например, постсоветского пространства. Также важным представляется проанализировать общий контекст, в котором в России и ЕС формируются представления о власти, суверенитете и праве. Поскольку именно через эту призму власть специфическим образом проецируется ими вовне – на регион общего соседства и друг на друга.

В качестве текстов для анализа в исследовании используются концептуальные документы ЕС и России, выступления и

[3] *Боден Ж.* Метод легкого чтения историй. С. 58.

заявления официальных лиц. Кроме того, поскольку дискурс не статичен, важно взглянуть на динамику представлений России и ЕС о власти и суверенитете, включая место постсоветского пространства в соответствующем дискурсе. Для этого были проанализированы стенограммы заседаний Государственной Думы и Европейского парламента (с начала 1990-х гг. и до начала 2022 г.[4]). Они позволяют учесть наличие дискурсивных практик, альтернативных официальному дискурсу. Европарламент является площадкой для обсуждения актуальной политики Евросоюза разными политическими силами – от европтимистов до евроскептиков. Государственная Дума также представляет собой своеобразный барометр политических настроений.

Результаты исследования представлены двумя большими блоками (Россия и ЕС). В первой части каждого блока дается характеристика дискурса о суверенитете и его контекста; во второй части – характеристика подхода к постсоветскому пространству и его места в дискурсе суверенитета и власти.

Россия: дискурс о суверенитете и его контекст

По количеству упоминаний суверенитета Концепция внешней политики России 2023 г. далеко обгоняет любую из своих предшественниц: 33 упоминания[5] против пяти в 1993 г.[6], 5 – в 2000 г.[7],

[4] В выборку попали 273 упоминания суверенитета в ходе первых двух сессий каждого из восьми созывов Государственной Думы и 143 упоминания суверенитета в дебатах трех созывов Европарламента (1994–1999, 2014–2019 и 2019–2024 гг.). Отдельные результаты анализа соответствующих данных будут приведены в тексте статьи.

[5] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения 14 июля 2024).

[6] Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // Дипломатический вестник. 1993. № 1–2. Спецвыпуск. С. 3–23.

[7] Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля. URL: https://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения 14 июля 2024).

ISSN 2686-7648

Рис. 1. Упоминания «суверенитета» в посланиях Президента РФ[11]

9 – в 2008 г.[8], 13 – в 2013 г.[9] и 9 – в 2016 г.[10] Очевидно, что для современного российского официального политического дискурса, особенно того его сегмента, который обращен вовне, понятие суверенитета представляется важным. В посланиях президента, направленных в большей степени на внутреннюю аудиторию, упоминаемость понятия «суверенитет» в целом ниже, но возрастает в те годы, когда происходят события, воспринимаемые верховной властью в качестве угрозы государственности (рис. 1). Это не уникальная ситуация. Аналогично, политические кризисы в Беларуси 2020 г. и в Казахстане 2022 г. вызвали резкий рост упоминаний суверенитета в посланиях руководителей этих государств (рис. 2 и 3 соответственно).

---

[8] Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. 15 июля 2008. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения 14 июля 2024).

[9] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/ (дата обращения 14 июля 2024).

[10] Концепция внешней политики Российской Федерации, 30 ноября 2016 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения 14 июля 2024).

[11] Рассчитано автором по материалам сайта Консультант-Плюс.

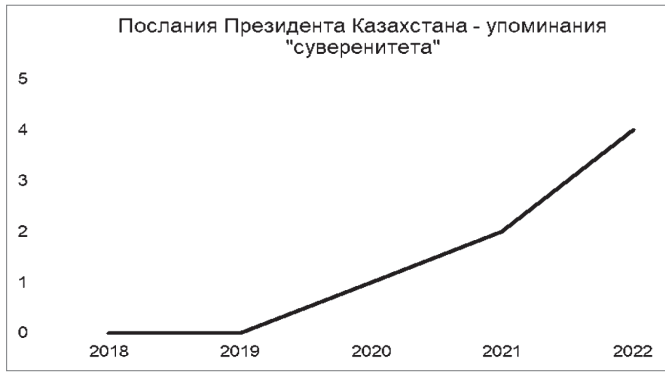

Рис. 2. Упоминания «суверенитета» в посланиях Президента Казахстана[12]

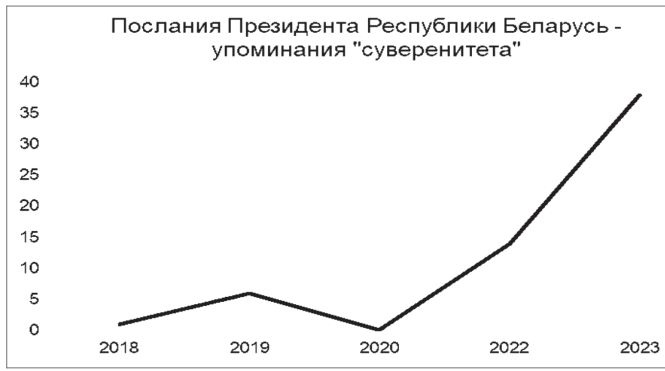

Рис. 3. Упоминания «суверенитета» в посланиях Президента Республики Беларусь[13]

В тексте действующей Концепции Россия позиционируется как «один из суверенных центров мирового развития», чья самостоятельная внешняя политика рассматривается странами Запада как угроза их «гегемонии». Соединенные Штаты и их «сателлиты», согласно тексту, предпринимают разного рода меры, направленные на ограничение внутреннего и внешнего суверенитета России[14].

[12] Рассчитано автором по материалам сайта Президента Казахстана.

[13] Рассчитано автором по материалам сайта Президента Республики Беларусь.

[14] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.)...

ISSN 2686-7648

Концепция продолжает постепенно складывавшееся в российском политическом дискурсе с середины 2000-х гг. представление о международной иерархии. Запад, возглавляемый Соединенными Штатами, пытается сохранить свое место единственного суверена в однополярном мире[15]. В этом «золотой миллиард» опирается на неоколониальную политику, в основе которой лежит глобалистская неолиберальная идеология[16]. Однако на современном этапе происходит становление многополярного мира с несколькими суверенными центрами притяжения. Среди таковых выделяются США, Китай, Россия. Они обладают, по выражению сенатора А. Климова, «суверенитетом глобального свойства, практически абсолютным»[17]. Большинство же стран мира, включая государства Европы, не могут похвастаться полноценным суверенитетом. Суверенитет европейских политий ограничен «наднациональными элитами», управляемыми из Вашингтона. Если одни государства могут существовать с ограниченным суверенитетом, то «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство»[18].

В российском политическом дискурсе «государство» нередко понимается как синоним понятиям «Россия» или «Отечество», а ценность человеческой жизни определяется через служение ему. В качестве государственников позиционируют себя представители всех ветвей власти – от законодателей (например, лидер КПРФ Г. Зюганов[19]) до представителей судебной власти (например, председатель Конституционного суда В. Зорькин[20]). В Государственной Думе первых созывов после-

---

[15] *Putin V.* Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy // President of Russia. February 10, 2007. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения 14 июля 2024).

[16] Новая эпоха мировой истории и иван-чай вместо Coca-Cola: Что говорил Путин на форуме АСИ // ИТАР ТАСС. 20 июля 2022. URL: https://tass.ru/politika/15266153?utm (дата обращения 14 июля 2024).

[17] *Климов А.А.* Демократия v.s. суверенитет? // Совет Федерации. 27 декабря 2021 г. URL: http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/132474/ (дата обращения 14 июля 2024).

[18] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения 14 июля 2024).

[19] *Зюганов Г.А.* Держава. М.: Информпечать, 1994. 136 с.

[20] *Зорькин В.* Дееспособность власти проверяется в общенациональной беде // Российская газета. 2021. 17 мая. URL: https://rg.ru/2021/05/17/valerij-zorkin-deesposobnost-vlasti-proveriaetsia-v-obshchenacionalnoj-bede.html (дата обращения 14 июля 2024).

довательными сторонниками «сильного государства» выступали депутаты от ЛДПР и КПРФ. Они же говорили о вмешательстве Запада в суверенитет России. В выступлениях представителей Единой России соответствующие тезисы на системной основе появились лишь в 2012 г. Однако ранее все эти политические силы указывали на практику вмешательства Запада в суверенные дела других государств (от Югославии до Ирака).

Как отмечает В. Никонов, «в России государство воспринимается как становой хребет цивилизации, гарант целостности существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической» [Никонов 2015, с. 12]. Государство в лице представляющей его верховной власти является главным субъектом исторического развития и выразителем коллективной воли [Рябов 2022].

С централизацией власти в руках одного субъекта ассоциируется наведение порядка в государстве. Не случайно в российском дискурсе сложилось устойчивое понятие «вертикаль власти», отсутствующее в дискурсах и США, и государств ЕС. Власть в российской политической культуре стремится к моносубъектности. Она принадлежит верховному правителю, а разделение властей функционально. По мнению Д. Коцюбинского, именно благодаря этой политической моносубъектности Россия сохраняет себя и как государство, и как цивилизация [Коцюбинский 2019].

В российском политическом дискурсе ключевой чертой власти становится сила, а олицетворяющая ее маскулинность культивируется и противопоставляется Европе [Рябов, Рябова 2013]. Настоящая власть – та, которая проявляет самоволие и силу как внутри страны, так и на международной арене. В таком контексте право является не самостоятельной ценностью, а инструментом. Если оно вступает в противоречие с текущими интересами суверена, оно перестает действовать [Коцюбинский 2019]. В том числе на этом основании А. Заостровцев причисляет Россию к «силовой цивилизации», а Евросоюз – к «правовой» [Заостровцев 2020].

Следует заметить, что «цивилизационная» риторика постепенно утвердилась в официальном российском дискурсе. Западная цивилизация и Россия, характеризуемая как «самобытное государство-цивилизация», предстают в качестве противников[21]. Пограничье двух «цивилизаций» становится

[21] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.).

ISSN 2686-7648

пространством конкуренции идей и ценностей. Для России и Евросоюза таким пограничьем выступает западная часть постсоветского пространства (в терминах ЕС – регион Восточного партнерства).

Постсоветское пространство в дискурсе суверенитета и политике России

У России, являющейся правопреемницей Советского Союза, сложные отношения с темой суверенитета бывших союзных республик. С одной стороны, руководство РСФСР сыграло одну из ключевых ролей в дезинтеграции Советского Союза. С другой стороны, население России так и не смогло принять распад СССР. Согласно данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в 1992 г. 69% россиян сожалели о распаде СССР, и к 2021 г. эта доля изменилась несущественно (62%)[22]. Тремя годами ранее, отвечая на вопрос о том, какое историческое событие он хотел бы предотвратить, В. Путин назвал «развал Советского Союза»[23]. В современном российском дискурсе Западу вменяется в вину политика неоколониализма по отношению к другим странам, однако в том же иногда обвиняют саму Россию ее партнеры по СНГ[24]. Отношение к постсоветским государствам как к «младшим» братьям было характерно не только для ностальгирующих по распаду СССР, но и для либеральной части правящей элиты[25].

Россия с момента обретения независимости продолжала считать себя центром постсоветского пространства, которое, в свою очередь, декларировалось как территория сосредоточе-

---

[22] 30-летие Беловежских соглашений. Отношение россиян к распаду СССР. Представления о его причинах // Фонд «Общественное мнение». 2021. 21 декабря. URL: https://fom.ru/Proshloe/14665 (дата обращения 14 июля 2024).

[23] Медиафорум региональных и местных СМИ // Президент России. 2 марта 2018. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56969 (дата обращения 14 июля 2024).

[24] Рахмон попросил Путина не относиться к Центральной Азии так, как это было в СССР // Газета.uz. 2022. 14 октября. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/10/14/tajikistan-russia/ (дата обращения 14 июля 2024).

[25] *Чубайс А.* Основная задача РФ – построение либеральной империи // РБК. 2003. 25 сентября. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/09/2003/5703b59a9a7947783a5a4b6c (дата обращения 14 июля 2024); *Зленко А.* Дипломатия и политика. Украина в процессе динамичных геополитических перемен. Харьков: Фолио, 2004. С. 380–443.

ния ее «жизненных интересов» и внешний контур обеспечения безопасности и развития[26]. В представлении российского руководства выстроилась иерархия отношений, в которой «ближнее зарубежье» порой выступает в качестве инструмента для налаживания эффективных отношений с «дальним зарубежьем» (прежде всего США)[27].

В выстраивании такой региональной иерархии в начале 1990-х гг. сначала были заинтересованы и Соединенные Штаты, обеспокоенные судьбой советского ядерного оружия. Важным фактором было и представление о том, что «прозападный» курс Москвы будет распространяться в силу ее влияния в регионе на остальные бывшие советские республики.

У значительной части российской политической элиты представление о постсоветских республиках как независимых субъектах международных отношений остается довольно размытым. В официальном дипломатическом сегменте политического дискурса, обращенном вовне, обычно декларируется уважение их независимости и суверенитета[28], однако в общении с внутрироссийской аудиторией и между собой представители политической элиты несколько менее дипломатичны. В Государственной Думе под вопрос суверенитет государств «ближнего зарубежья» неоднократно ставили представители националистических и левых партий (от ЛДПР до КПРФ). О необходимости уважать суверенитет новых независимых государств в ходе дебатов им отвечали представители президентской администрации и правительства; реже – представители либеральных и проправительственных партий (от «Яблока» до Демократического выбора России). С течением времени состав Госдумы изменился, а мнения о том, что соседи России «к сожалению, оказались сейчас суверенными»[29] перестали восприниматься как нечто избыточно радикальное.

---

[26] Стратегический курс России с государствами–участниками Содружества Независимых Государств // Министерство иностранных дел РФ. 14 сентября 1995. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1695744/ (дата обращения 14 июля 2024).

[27] Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г.

[28] Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой. Москва, 24 мая 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/brifingi/1872168/#41 (дата обращения 14 июля 2024).

[29] Стенограмма заседания 23 января 2004 г. № 3 (717) // Государственная Дума. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/1380/ (дата обращения 14 июля 2024).

ISSN 2686-7648

Причина сожалений о независимости бывших союзных республик кроется в том, что для России распад СССР был распадом ее предыдущей государственной формы. Как отмечал В. Путин, «мы пережили, по сути, развал государства... А что такое Советский Союз? Это Россия и есть, только называлась по-другому»[30].

Не случайно трансформация политики в отношении постсоветского пространства начала 2000-х гг. в России происходила почти одновременно с так называемым укреплением «вертикали власти» внутри страны. Централизация и укрепление внутреннего суверенитета страны потребовали дальнейшего упорядочивания политики в отношении «ближнего зарубежья».

Политическая и экономическая интеграция рассматривалась Москвой как способ в новых условиях сохранить российское влияние в «ближнем зарубежье», усилив тем самым переговорные позиции со странами Запада[31]. Однако отказ самой России встраиваться в проекцию власти ЕС в качестве «младшего партнера» привел к тому, что и в США, и в ЕС попытки реальной интеграции государств постсоветского пространства под эгидой Москвы были восприняты, как минимум, настороженно.

Конкуренция Запада и России за будущее государств постсоветского пространства стала еще одним важным фактором оценки «суверенности» соответствующих государств в российском политическом дискурсе. Первоначально спокойное отношение к европейской интеграции ряда постсоветских республик сменилось в 2012–2013 гг. попытками противодействовать этому процессу (например, усилия по недопущению подписания соглашений об ассоциации с ЕС). Подобно тому как суверенитет стран Организации Варшавского договора был ограничен представлениями Советского Союза о пределах допустимого в их внутренней и внешней политике, похожая иерархия суверенитетов сложилась и в отношениях России с государствами постсоветского пространства [Gretskiy 2019]. При этом в большинстве случаев речь идет о системном характере такого «ограничения» суверенитета, вызванном тем, что

---

[30] Полный текст интервью Путина российским телеканалам // РИА «Новости». 2021. 17 октября. URL: https://ria.ru/20111017/462204254.html (дата обращения 14 июля 2024).

[31] Лавров: РФ не исключает участие Украины в ЗСТ и с СНГ, и с Евросоюзом // РИА «Новости». 2013. 20 декабря. URL: https://ria.ru/20131220/985470198.html (дата обращения 14 июля 2024).

С. Краснер называет асимметрией силы [Krasner 2009, p. 206–207]. Зависимость того или иного государства от России в сфере экономики или безопасности приводит к тому, что его руководству оказываются труднодоступными для принятия такие решения, которые противоречили бы интересам России.

В российском политическом дискурсе именно евроатлантическая и европейская интеграция государств региона стала приравниваться к потере странами постсоветского пространства государственного суверенитета[32]. В условиях конфликта с Западом такого рода «потеря суверенитета» воспринимается как угроза безопасности для самой России. Столкнувшись с подобной чрезвычайной ситуацией, Россия может, по мнению председателя Конституционного суда В. Зорькина, пойти на крайние меры, в том числе в той или иной степени противоречащие действующим международно-правовым договоренностям, поскольку для таких угроз «правовые рамки действий совсем не такие, как для мирного времени»[33]. Например, позиция Запада по Южной Осетии и Абхазии привела к признанию их независимости и дальнейшему включению в российскую проекцию власти [Bogdanov 2020].

Европейский союз: дискурс о суверенитете и его контекст

Тема суверенитета всегда была частью дискуссий о пределах европейской интеграции. Европейский союз не эволюционировал в федерацию государств, но реализуемое в его рамках многоуровневое управление с точки зрения традиционного суверенитета поставило под вопрос центральную роль госу-

[32] Глазьев: с подписанием Соглашения об ассоциации с ЕС Украина перестает быть полноценным партнером // Интерфакс. 2013. 3 сентября. URL: https://www.interfax.ru/business/326693 (дата обращения 14 июля 2024); Выступление депутата Газзаева В.Г. Стенограмма заседания Государственной Думы РФ // Государственная Дума. 27 января. 2017. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/ (дата обращения 14 июля 2024); Выступление депутата Пушкова А.К. Стенограмма заседания Государственной Думы РФ // Государственная дума. 2012. 18 сентября. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/3696/ (дата обращения 14 июля 2024).

[33] *Зорькин В.* На Украине произошла катастрофа права // Российская газета. 2014. 19 июня. URL: https://rg.ru/2014/06/19/zorkin-poln.html (дата обращения 14 июля 2024).

ISSN 2686-7648

дарства [Lynch 2016]. Понятие «суверенитета» чаще использовалось противниками углубления интеграции в артикуляции их претензий к наднациональным институтам ЕС. Так, анализ дискурса Европарламента по поводу суверенитета показал, что разного рода евроскептики (от группы Европейских консерваторов и реформистов до группы «Европа за свободу и демократию») обращались к этому понятию значительно чаще, чем другие фракции[34]. Институты ЕС придерживаются позиции, что «совместное использование суверенитета» (sharing sovereignty) в рамках Союза делает государства сильнее[35]. В многоуровневой системе управления происходит не исчезновение суверенитета, а его трансформация в виде распределения власти между разными ее уровнями. При этом акторы разных уровней взаимодействуют друг с другом не строго иерархически, а сетевым образом. В зависимости от сферы политики полномочия этих акторов внутри системы управления ЕС и их конфигурации изменяются [Keohane, Hoffmann 1991].

Трансформация суверенитета в ЕС происходила параллельно с эволюцией способов распределения власти внутри государств-членов. В отличие от российской традиции, власть в европейских государствах не моносубъектна. В основу европейского представления о реализации власти легли принципы децентрализации, субсидиарности, регулярной сменяемости, верховенства права. При этом реализация концепции «правового государства» в ЕС сталкивается со своими проблемами. Речь идет о периодическом вступлении принципа верховенства права ЕС в противоречие с различными измерениями суверенитета стран-участниц (от внутреннего суверенитета до вестфальского). Наиболее показательны тут примеры конфликтов наднациональных властей ЕС с Польшей и Венгрией.

Еще одним обстоятельством, оказывающим влияние на дискурс суверенитета и власти Евросоюза, является его наце-

---

[34] В рамках дебатов в Европарламенте трех созывов (1994–1999, 2014–2019 и 2019–2024) на крупнейшую фракцию Европейской народной партии пришлось 13,2% всех упоминаний суверенитета. В то время как на относительно малочисленных евроскептиков – в совокупности 32,4%.

[35] President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2018 // European Commission. 2018. September 12, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (дата обращения 14 июля 2024).

ленность на продвижение своей политической модели и своих ценностей вовне – как в глобальном масштабе, так и в отношениях с отдельными государствами[36].

Новое звучание суверенитет в официальном дискурсе Евросоюза приобрел в 2018–2022 гг. в связи с рядом наложившихся друг на друга событий: от конфликта по линии Россия–Запад и его влияния на постсоветское пространство до пересмотра Д. Трампом содержания Трансатлантического партнерства. Очевидно, что подобно тому, как Евросоюз пытается встраивать соседей на востоке в свои проекции власти, так же и он сам является объектом влияния США. В российском общественно-политическом дискурсе наблюдается тенденция абсолютизировать соответствующее влияние, не обращая внимания на регулярные споры между ЕС и США по вопросам торговли, прав человека и безопасности [Schade 2023]. Именно озабоченность относительно слишком сильной трансатлантической зависимости стала одной из причин появления в дискурсе ЕС о суверенитете концепций «стратегической автономии» и «стратегического суверенитета». Обеспечение последнего заключается в выработке коллективных ответов на существующие вызовы и зависимости. Поднимается вопрос об эффективности организации политического сообщества, а также о реформировании старых стратегических партнерств Союза и об установлении новых [Fiott 2021].

Современный европейский кризис безопасности способствует усилиям наднациональных органов ЕС утвердить понятие «европейского суверенитета». Он рассматривается не как противопоставление национальному, а как средство «укрепления нашего контроля над ситуацией»[37] путем упрочения внутренней слаженности Союза и его способности самостоятельно действовать на международной арене. Не государства-члены по отдельности, а Евросоюз целиком претендует на то, чтобы закрепить за собой место «великой державы» [Романова 2021, с. 42]. В дискурсе наднациональных институтов ЕС суверенитет все чаще упоминается в связке с геополитикой, терминологии которой Союз ранее сторонился. Теперь сами представите-

[36] См.: Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2016. 7 June. 366 p.

[37] Evaluation of the Lisbon Treaty (topical debate). Strasbourg, 24 October 2018 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-8-2018-10-24-ITM-017_EN.html (дата обращения 14 июля 2024).

ISSN 2686-7648

ли ЕС объясняют необходимость реализации его глобальной акторности «геополитической ситуацией»[38]. Постсоветское пространство занимает в этом видении ЕС особое место.

Постсоветское пространство в дискурсе суверенитета и политике ЕС

В 1990-е гг. интерес Евросоюза к постсоветскому пространству был россиецентричным и фрагментированным. Брюссель установил дипломатические отношения с соответствующими республиками, однако основной приоритет был отдан Москве. Остальные государства (пожалуй, кроме Украины) интересовали ЕС не системно, а в связи с теми или иными отдельно взятыми проблемами. При этом в документах ЕС того периода уже встречались негативные оценки зависимости государств региона от России. В числе факторов, угрожающих независимому политическому курсу и трансформации, назывались зависимость от поставок энергоносителей и от торговли, русскоязычное меньшинство, нерешенные территориальные споры с Россией[39].

На актуализацию темы постсоветского пространства в политике ЕС и его дискурсе повлиял ряд событий. Центральная Азия вошла в поле зрения ЕС в связи с вызовами безопасности (Афганистан, наркотрафик и международный терроризм), Восточная Европа и Южный Кавказ – в связи с самым масштабным за всю его историю расширением ЕС (2004 г.), а также с «цветными революциями» в Грузии 2003 г. и Украине 2004 г. Не последнюю роль сыграли здесь и активизация политики России в регионе, и ее нежелание встраиваться в европейскую властную иерархию в рамках концепции Большой Европы (Wider Europe).

С присоединением к ЕС государств Центральной и Восточной Европы в инициативах Союза в отношении постсоветского

---

[38] State of the Union 2018: Annual State of the EU address by President Juncker at the European Parliament // European Comission. URL: https://wayback.archive-it.org/12090/20231103112634/https:/commission.europa.eu/strategy-and-policy/strategic-planning/state-union-addresses/state-union-speeches/state-union-2018_en/ (дата обращения 14 июля 2024).

[39] Communication from the Commission to the Council Action Plan for Ukraine. COM (96) 593 final. Brussels, 20 November 1996 // European Commission. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1996:0593:FIN:EN:PDF (дата обращения 14 июля 2024).

пространства стали проявляться геополитические черты. Такой подход постепенно возобладал в Восточном партнерстве, запущенном в 2009 г. [Cadier 2019]. При этом в дискурсе институтов ЕС геополитический характер Восточного партнерства долгое время отрицался.

ЕС регулярно заявляет об уважении суверенитета государств постсоветского пространства, включая свободу выбора ими моделей развития и внешнеполитических ориентаций. При этом на практике Брюссель ревностно следил за попытками РФ выстроить иерархию в ее так называемом «ближнем зарубежье» и вносил свой вклад в развертывание геополитической и геоэкономической конкуренции: от противодействия принятию Меморандума Козака (2003 г.) до моментальной реакции на подписание Молдовой и Украиной соглашения о формировании ЗСТ СНГ (2012 г.) в виде неожиданных подвижек в аналогичных переговорах с этими государствами [Трещенков 2013].

Асимметрия силы предоставляет Евросоюзу немало возможностей для воздействия на суверенитет этих государств. В использовании соответствующего инструментария он руководствуется задачами обеспечения своей безопасности. Как минимум с момента запуска Европейской политики соседства (2004 г.) восточные соседи ЕС рассматриваются в качестве внешнего контура обеспечения безопасности Союза путем их включения в общую систему, но без права участия в принятии решений (формула «все, кроме институтов»[40]). Ключевой в процессе включения является политическая и экономическая трансформация в соответствии с европейской повесткой реформ. Последнее требование остается неизменным в рамках каждой новой концепции отношений ЕС с соседями. Даже сталкиваясь с тем, что слишком интенсивная трансформация регионов соседства провоцирует кризисы, Евросоюз не отказывается от продвижения реформ. Так было, например, с задачей обеспечения стрессоустойчивости регионов соседства [Gudalov, Treshchenkov 2020]. Более того, проведение реформ понимается как обязательство партнеров, а не предмет для переговоров [Трещенков 2013].

На современном этапе укрепление суверенитета государств региона связывается с проведением ими таких реформ, которые

[40] *Prodi R.* A Wider Europe – A Proximity Policy as the key to stability // European Commission. 2002. 6 December. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_02_619 (дата обращения 14 июля 2024)

ISSN 2686-7648

сократят их зависимость в различных сферах (от энергетики до торговли) от России[41]. Примечательно, что обратное увеличение зависимости от ЕС не рассматривается как угрожающее суверенитету государств постсоветского пространства.

Наибольшее влияние на различные измерения суверенитета соседей Евросоюз оказывает в рамках процесса их европейской интеграции. Здесь речь идет о безоговорочном принятии государством на себя всех норм и правил Евросоюза, полном включении в европейскую многоуровневую систему управления и разделяемого суверенитета.

Для государств, которые, по мнению ЕС, нарушают те правила и ценности, на которых основывается европейская модель, существуют политическая обусловленность, оговорка о правах человека в двусторонних соглашениях и санкции (в терминологии ЕС – ограничительные меры). С. Краснер характеризует санкции как один из ярких примеров вмешательства в суверенитет объекта в результате асимметрии сил [Krasner 2009, p. 206–207]. При этом, как показывает пример той же Республики Беларусь, санкции в условиях наличия у их объекта альтернатив взаимодействию с ЕС приводят, скорее, к сокращению возможностей для вмешательства Союза в суверенитет страны в будущем [Bosse 2021]. По этой причине санкции используются Евросоюзом, скорее, как инструмент укрепления своей собственной идентичности, как демонстрация проявления суверенности самого Союза.

В политике в отношении государств постсоветского пространства ЕС руководствуется своей моделью организации внутреннего суверенитета. Сюда относится, например, основывающееся на концепции «народного суверенитета» закрепление за народом права на восстание против произвола верховной власти[42]. Россия, напротив, никогда не предъявляла к государствам постсоветского пространства требований относительно конфигурации их политических систем. Единственное, что воспринималось негативно – это попытки «толпы» сместить

---

[41] Association Agreements / Deep and Comprehensive Free Trade Agreements with Georgia, Moldova and Ukraine. Strasbourg // European Parliament. 2016. 20 January. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-8-2016-01-20-ITM-014_EN.html (дата обращения 14 июля 2024).

[42] *Borrell J.* 9 August 2022: We stand with Belarus // European External Action Service. 2022. August 9. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/9-august-2022-we-stand-belarus_en (дата обращения 14 июля 2024).

законно избранные правительства. В отличие от подходов ЕС, народ воспринимался в таких случаях как манипулируемый теми или иными политическими силами, в том числе из-за рубежа, но не как носитель суверенитета и субъект[43]. Симптоматично, что регулярные отсылки к тому, что источником суверенитета является народ, после 2004 г. в дискурсе Госдумы почти исчезли.

Также для ЕС характерно взаимодействие с разнообразными негосударственными акторами государств-партнеров без одобрения такого взаимодействия государственным аппаратом. Поддержка проевропейских организаций гражданского общества и молодежи рассматривается как инструмент воздействия на правящие элиты, стимулирующий их к проведению реформ и сближению с ЕС[44].

Абсолютизация принципа верховенства права приводит к тому, что для европейской модели характерен так называемый «легализм» или вера в то, что существует «правильное» законодательство, являющееся главным шагом в успешной политической и экономической трансформации. Такой подход реализуется и в отношении государств постсоветского пространства, желающих сближаться с ЕС. При этом, как отмечают представители соответствующих государств, упор на легализм и универсализм исключает из процесса местные социальные практики, серьезно подрывая эффективность реализации реформ [Muhhina 2019].

В дискурсе Европарламента количество упоминаний понятия «суверенитет» возросло после 2014 г. Если ранее суверенитет упоминался в контексте отношений внутри европейской интеграционной модели, то теперь значительная доля упоминаний приходилась на постсоветское пространство. После политического кризиса в Беларуси 2020 г. и событий 2022 г. на Украине фракции Европарламента солидаризировались в восприятии России как угрозы суверенитетам ЕС и государств постсоветского пространства. До этого евроскептики зача-

[43] Фрагмент интервью Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова телеканалу «Россия». Москва, 19 августа 2020 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/print/?id=1439997&lang=ru (дата обращения 14 июля 2024).

[44] Non-Paper “What the European Union could bring to Belarus”. November 2006 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/d-by20071025_16/d-by20071025_16en.pdf (дата обращения 14 июля 2024).

ISSN 2686-7648

стую высказывали мнение о том, что Евросоюзу не стоит вмешиваться в дела государств региона, даже если ему не нравится тот внутриполитический курс, который они избрали. Также высказывалось мнение, что отказ от сближения с Россией в пользу европейской интеграции – это не синоним обретения свободы, а, скорее, просто выбор между двумя центрами внешнего управления[45].

Реализуя политику в отношении государств постсоветского пространства, ЕС руководствовался своей собственной моделью организации политической власти и суверенитета. При этом обеспечение суверенитета государств постсоветского пространства, как минимум, с середины 1990-х гг. воспринималось через призму сокращения их зависимости от России параллельно с увеличением связанности с ЕС.

Заключение

Интенсификация обращения к понятию суверенитета в политическом дискурсе России и ЕС последних лет связана с тем, что в обоих случаях системы власти сталкиваются с угрозами для своей легитимности и устойчивости. В современном дискурсе эти угрозы позиционируются как имеющие внешний характер: не в последнюю очередь Россия и ЕС связывают их с политикой друг друга. В российском дискурсе все государства делятся на суверенные и не обладающие полноценным суверенитетом. В число последних входят и страны–участницы ЕС, и государства постсоветского пространства, идущие по пути европейской или евроатлантической интеграции. В ЕС суверенитет государств постсоветского пространства связывается с проведением реформ по европейскому образцу и сокращением зависимостей от России. Такой подход усиливался с каждой новой неудачей в попытках ЕС встроить саму Россию в свою проекцию власти вовне.

Постсоветский регион никогда не переставал рассматриваться Россией как «ближнее зарубежье», представляющее пространство реализации ее государственности, идентичности и суверенитета. Эта взаимосвязь препятствует выстраиванию принципиально новых моделей взаимоотношений с новыми не-

[45] Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations. Strasbourg, 16 September 2014 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-8-2014-09-16-ITM-004_EN.html (дата обращения 14 июля 2024).

зависимыми государствами региона. Для ЕС особый интерес представляет западная часть региона (так называемое Восточное партнерство), наиболее готовая, по его мнению, воспринимать перенос сюда европейских норм и ценностей. Такое расширение для ЕС не только является вопросом безопасности, но и позволяет ему продолжать утверждаться в привлекательности и эффективности своей интеграционной модели.

Несмотря на поверхностный слой дискурса, где дипломатически декларируется уважение суверенитета государств постсоветского пространства, более глубоко и Россией, и ЕС они рассматриваются в качестве соподчиненных партнеров. И ЕС, и Россия встраивают их (в особенности, государства, находящиеся в общем пограничье) в свои проекции власти и суверенитета вовне. Эти проекции не ограничиваются вестфальским или международно-правовым суверенитетом. Европейский союз, например, ожидает от государств постсоветского пространства организации их внутреннего суверенитета в соответствии с европейской моделью. Она отличается от той, которая характерна для российских представлений о власти и суверенитете. При этом если ЕС нацелен на трансформацию региона соседства в соответствии со своими нормами и ценностями, то Россия, скорее, оказывает сопротивление такой трансформации.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, https://rscf.ru/project/22-28-00682/

Acknowledgements

The study was carried out in the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00682, https://rscf.ru/project/22-28-00682/

Литература

Заостровцев 2020 – *Заостровцев А.* Полемика о модернизации: общая дорога или разные пути? СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 310 с.

Коцюбинский 2019 – *Коцюбинский Д.А.* Цивилизация ресентимента. Институционально-исторический анализ русской политической культуры // Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2019. С. 109–151.

ISSN 2686-7648

Никонов 2015 – *Никонов В.А.* Российская матрица // Современная Европа. 2015. № 2 (62). С. 9–19.

Романова 2021 – *Романова Т.А.* Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // Современная Европа. 2021. № 5 (105). С. 32–44.

Рябов 2022 – *Рябов А.В.* Алгоритмы российской истории // Новое прошлое. 2022. № 2. С. 218–225.

Рябова, Рябов 2013 – *Рябова Т.Б., Рябов О.В.* «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 30–39.

Трещенков 2013 – *Трещенков Е.Ю.* От восточных соседей к восточным партнерам. Республика Беларусь, Республика Молдова и Украина в фокусе политики Европейского Союза (2002–2012). СПб.: Свое издательство, 2013. 402 с.

Филлипс, Йоргенсен 2004 – *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.

Шмитт 2000 – *Шмитт К.* Политическая теология. М.: Кучково поле, 2000. 336 с.

Bogdanov 2020 – *Bogdanov A.* Contested "logic of anarchy" in the Post-Soviet space: the "Near Abroad" faces Russia's power // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 68. Iss. 6. P. 487–497.

Bosse 2021 – *Bosse G.* Authoritarian consolidation in Belarus: What role for the EU? // European view. 2021. Vol. 20. № 2. P. 201–210.

Cadier 2019 – *Cadier D.* The Geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership // Geopolitics. 2019. Vol. 24. № 1. P. 71–99.

Dijk 1997 – *Dijk T.A., van.* What is political discourse analysis? // Belgian journal of linguistics. 1997. Vol. 11. Iss. 1. P. 11–52.

Fiott 2021 – *Fiott D.* European sovereignty. Strategy and interdependence // Chaillot paper. 2021. No. 169. P. 1–49.

Gel'man 2016 – *Gel'man V.* The vicious circle of post-Soviet neopatrimonialism in Russia // Post-Soviet affairs. 2016. Vol. 32. № 5. P. 455–473.

Gretskiy 2019 – *Gretskiy I.* Lukyanov doctrine: conceptual origins of Russia's hybrid foreign policy – the case of Ukraine // Saint Louis University law journal. 2019. Vol. 64. № 1 // Saint Louis University. URL: https://scholarship.law.slu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1757&context=lj (дата обращения 14 сентября 2024).

Gudalov, Treshchenkov 2020 – *Gudalov N.N., Treshchenkov E.Y.* The resilience of the EU neighbours to the south and to the east: A comparative analysis // Croatian international relations review. 2020. Vol. 26. № 86. P. 6–41.

Hamilton et al. 2015 – *Hamilton H.E., Tannen D., Schiffrin D.* The handbook of discourse analysis. Oxford: Blackwell Publishers, 2015. 976 p.

Keohane, Hoffmann 1991 – *Keohane R.O., Hoffmann S.* The new European Community: decisionmaking and institutional change. Boulder: Westview Press, 1991. 275 p.

Krasner 2009 – *Krasner S.D.* Power, the state, and sovereignty: essays on international relations. Abingdon: Routledge, 2009. 328 p.

Laski 1919 – *Laski H.J.* The pluralistic state // The philosophical review. 1919. Vol. 28. № 6. P. 562–575.

Lynch 2016 – *Lynch Ph.* Sovereignty and the European Union: eroded, enhanced, fragmented // Brace L., Hoffman J. Reclaiming sovereignty (history and politics in the 20th century). London: Bloomsbury Academic, 2016. P. 42–61.

Muhhina 2019 – *Muhhina K.* Governance stories in the South Caucasus: narrative policy analysis of the EU's public administration reform assistance to the Eastern neighbourhood // Journal of European integration. 2019. Vol. 42. № 6. P. 817–835.

Schade 2023 – *Schade D.* A strained partnership?: A typology of tensions in the EU – US transatlantic relationship / Roos M., Schade D. The EU under strain?: Current crises shaping European Union politics. Berlin: De Gruyter, 2023. P. 191–210.

Sergeyev et al. 2017 – *Sergeyev V.M., Kazantzev A.A., Petrov K.E.* The policy of "mainstream" and its alternatives in the modern western world: on the way from the world economic crisis to "impossible politics?" // Polis. Political studies. 2017. № 3. P. 8–29.

Zaporozhchenko 2021 – *Zaporozhchenko R.* Sovereigntism as a vocation and profession: Imperial roots, current state, possible prospects // Ideology and politics journal. 2021. № 1 (17). P. 44–71.

References

Bogdanov, A. (2020), "Contested 'logic of anarchy' in the Post-Soviet Space: the "Near Abroad" faces Russia's power", *Problems of post-communism*, vol. 68, iss. 6, pp. 487–497.

Bosse, G. (2021), "Authoritarian consolidation in Belarus: What role for the EU?", *European view*, vol. 20, no. 2, pp. 201–210.

Cadier, D. (2019), "The Geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership", *Geopolitics*, vol. 24, no. 1, pp. 71–99.

Dijk, T.A. van (1997), "What is Political Discourse Analysis?", *Belgian journal of linguistics*, vol. 11, iss. 1, pp. 11–52.

Fiott, D. (2021), "European sovereignty. Strategy and interdependence", *Chaillot paper*, no. 169, pp. 1–49.

Gel'man, V. (2016), "The vicious circle of post-Soviet neopatrimonialism in Russia", *Post-Soviet affairs*, vol. 32, no. 5, pp. 455–473.

Gretskiy, I. (2019), "Lukyanov doctrine: conceptual origins of Russia's hybrid foreign policy – the case of Ukraine", *Saint Louis University law journal*, vol. 64, no. 1, available at: https://scholarship.law.slu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1757&context=lj (Accessed 14 September 2024).

Gudalov, N.N. and Treshchenkov, E.Yu. (2020), "The resilience of the EU neighbours to the South and to the East: a comparative analysis", *Croatian international relations review*, vol. 26, no. 86, pp. 6–41.

Hamilton, H.E., Tannen, D. and Schiffrin, D. (eds.) (2015), *The handbook of discourse analysis*, Blackwell Publishers, Oxford, United Kingdom.

Keohane, R.O. and Hoffmann, S. (1991), *The new European Community: decision-making and institutional change,* Westview Press, Boulder, United States.

Kotsyubinskii, D.A. (2019), "Civilization of resentment. Institutional-historical analysis of Russian political culture", *Institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya: istoriya, problemy i perspektivy* [Institutional economic theory. History, issues and prospects], Mezhdunarodnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskikh issledovanii "Leont'evskii tsentr", Saint Petersburg, Russia, pp. 109–151.

Krasner, S.D. (2009), *Power, the state, and sovereignty: essays on international relations*, Routledge, Abingdon, United Kingdom.

Laski, H.J. (1919), "The Pluralistic state", *The Philosophical Review*, vol. 28, no. 6, pp. 562–575.

ISSN 2686-7648

Lynch, Ph. (2016), "Sovereignty and the European Union: eroded, enhanced, fragmented", Brace, L. and Hoffman, J.(eds.), *Reclaiming sovereignty (history and politics in the 20th century)*, Bloomsbury Academic, London, United Kingdom, pp. 42–61.

Muhhina, K. (2019), "Governance stories in the South Caucasus: narrative policy analysis of the EU's public administration reform assistance to the Eastern neighbourhood", *Journal of European integration*, vol. 42, no. 6, pp. 817–835.

Nikonov, V. (2015), "Russian matrix", *Contemporary Europe*, no. 2, pp. 9–19.

Phillips, L. and Jorgensen, M.V. (2004), *Diskurs analiz: teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method], Izdatel'stvo Gumanitarnogo tsentra, Kharkiv, Ukraine.

Romanova, T. (2021), "Discourse on the EU's sovereignty. Content and consequences", *Contemporary Europe*, no. 5 (105), pp. 32–44.

Ryabov, A.V. (2022), "Algorithms of Russian history", *The new past*, no. 2, pp. 218–225.

Ryabova, T.B. and Ryabov, O.V. (2013), " 'Gayropa': Gender dimension of the image of Europe in the practices of political mobilization", *Woman in Russian society*, no. 3 (68), pp. 30–39.

Schade, D. (2023), A strained partnership?: A typology of tensions in the EU – US transatlantic relationship, in Roos, M. and Schade, D. (eds.), *The EU under strain?: Current crises shaping European Union politics*, De Gruyter, Berlin, Germany, pp. 191–210.

Schmitt, C. (2000), *Politicheskaya teologiya* [Political theology], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.

Sergeyev, V.M., Kazantzev, A.A. and Petrov, K.E. (2017), "The policy of 'mainstream' and its alternatives in the modern Western world on the way from the world economic crisis to 'impossible politics?'", *Polis. Political studies*, no. 3, pp. 8–29.

Treshchenkov, E.Yu. (2013), *Ot vostochnykh sosedej k vostochnym partneram. Respublika Belarus', Respublika Moldova i Ukraina v fokuse politiki Evropeiskogo Soyuza (2002–2012)* [From Eastern neighbors to Eastern partners. Republic of Belarus, Republic of Moldova and Ukraine in EU's Neighborhood policy (2002–2012)], Svoe izdatel'stvo, Saint Petersburg, Russia.

Zaostrovtsev, A. (2020), *Polemika o modernizacii: obshchaya doroga ili raznye puti?* [Polemics on modernization. Common road or different ways?], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.

Zaporozhchenko, R. (2021), "Sovereigntism as a vocation and profession: imperial roots, current state, possible prospects", *Ideology and politics journal*, no. 1 (17), pp. 44–71.

Информация об авторе

Евгений Ю. Трещенков, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; evgeny.tre@gmail.com

Information about the author

Evgenii Yu. Treshchenkov, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; evgeny.tre@gmail.com

УДК 339.9(470+510)
DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-135-152

Россия и Китай: энергетическое сотрудничество на современном этапе

Самира А. Иманова

Азербайджанский университет языков, Баку, Азербайджан,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, imanovas@bk.ru
ORCID:0000-0002-3454-751X

Аннотация. Статья посвящена российско-китайским нефтегазовым и электроэнергетическим проектам конца XX – начала XXI в. Автор предпринимает анализ роли и места этих проектов в обеспечении региональной энергетической безопасности Российской Федерации и Китайской Народной Республики, оценивает перспективы энергетического взаимодействия между двумя странами, уделяя особое внимание проблемам финансирования совместных российско-китайских проектов. В качестве основных своих задач автор выделяет выявление и оценку исторических и экономических факторов, обуславливающих российско-китайское взаимодействие в энергетической сфере, описание российских и китайских взаимных интересов не только в нефтегазовой области, но и в области возобновляемой (особенно ветровой и водородной) энергетики, а также сравнение характера и направлений сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в данных областях. Продвигаясь к поставленным целям, автор анализирует договорно-правовую основу энергетического взаимодействия двух стран и показывает, что подписанные контракты и соглашения не просто служат стратегическим интересам России и Китая, но в условиях усиления западных санкций против Российской Федерации сотрудничество и реализация взаимных энергетических проектов приобретают особую значимость. По мнению автора, проведенное исследование показывает: рост китайского спроса на традиционную энергию, наличие у обеих стран высокого потенциала в области альтернативной энергетики и высокий уровень общетехнического сотрудничества между ними являются залогом устойчивого стратегического партнерства не только на современном этапе, но и в будущем.

Ключевые слова: Россия, Китай, энергетика, сотрудничество, инвестиции, контракт, договор, санкции, нефть, газ, уголь, зеленая энергетика

Для цитирования: Иманова С.А. Россия и Китай: энергетическое сотрудничество на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 1. С. 135–152. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-135-152

ISSN 2686-7648

© Иманова С.А., 2025

Russia and China. Energy cooperation at the present stage

Samira A. Imanova

Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
imanovas@bk.ru, ORCID:0000-0002-3454-751X

Abstract. The article considers joint economic projects of Russia and China in the oil and gas and electric power spheres in the late twentieth and early twenty-first centuries, analyzes the role of those projects in ensuring regional energy security of the two countries, explores the significance and prospects of energy interaction for them, with special attention paid to the most significant investment issues. The main objective of the study is to identify and assess the historical and economic factors that condition Russian-Chinese relations in the energy sphere, to describe Russian and Chinese mutual interests not only in oil and gas, but also in the field of renewable (especially wind and hydrogen) energetics, and to compare the nature and directions of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the above areas. Moving towards the set goal**s**, the author analyzes the contractual and legal basis of energy interaction between the two countries and shows that the signed contracts and agreements not only serve the strategic interests of Russia and China, but in the conditions of strengthening Western sanctions against the Russian Federation, cooperation and implementation of mutual energy projects are becoming especially important. In the author's opinion, the study shows: the growing Chinese demand for traditional energy, the high potential of both countries in the field of alternative energetics and the high level of general technical cooperation between them are the key to a sustainable strategic partnership not only at the present stage, but also in the future.

Keywords: Russia, China, energetics, cooperation, investments, contract, agreement, sanctions, oil, gas, coal, green energy

For citation: Imanova, S.A. (2025), "Russia and China**.** Energy cooperation at the present stage". *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series,* no. 1, pp. 135-152, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-1-135-152

Введение

Стратегическое партнерство РФ и КНР на современном этапе предполагает, наряду с другими сферами, установление долгосрочных экономических, промышленных, технологических отношений, которые отвечают национальным интересам обоих государств и являются одним из факторов, влияющих на формирование нового мирового порядка. Россия и Китай –

технологически развитые страны, пытающиеся создать новый центр глобального политического и экономического влияния в Евразии [Ларин 2023].

Важнейшей составляющей стратегического взаимодействия России и Китая является энергетическое сотрудничество. В настоящее время Китай выступает в роли самого крупного в мире потребителя энергии. Например, в 2017 г. КНР ввезла 420 млн т сырой нефти, обогнав по данному показателю других импортеров [Ань 2019, с. 11].

По итогам 2022 г. крупнейшим источником сырой нефти, вторым по величине поставщиком угля и третьим – СПГ для Китая стала Российская Федерация[1].

Между двумя странами реализуется ряд крупных энергетических проектов – китайско-российский нефтепровод, Восточный газопровод, проект по переработке природного газа, Амурская атомная электростанция и др.

Российско-китайскому сотрудничеству в области энергетики посвящен солидный корпус трудов в области истории международных отношений, международной экономики, экологии и других дисциплин. Основными задачами данного исследования являются систематизация накопленной информации о данном аспекте взаимодействия РФ и КНР, выявление геополитической подоплеки энергетического партнерства и определение степени влияния кооперации России и Китая в различных областях энергетики на безопасность двух стран.

Факторы российско-китайского энергетического сотрудничества

Энергетика является важнейшим сектором российско-китайских взаимоотношений на современном этапе. Обе страны одинаково серьезно относятся к развитию партнерства в данной области, однако важно отметить, что цели развития топливно-энергетической отрасли в России и Китае разные.

Основная цель Китая заключается в диверсификации энергоресурсов и стимулировании развития инфраструктуры в этой области, расширении внешней инвестиционной политики

[1] *Ланьшина Т.* Как зеленеет грязная китайская энергетика // Важные истории. 20 июня 2024. URL: https://istories.media/opinions/2024/06/20/kak-zeleneet-gryaznaya-kitaiskaya-energetika/ (дата обращения 20 августа 2024).

ISSN 2686-7648

для обеспечения льготных поставок. Китай стремится снизить энергетическую зависимость от государств Ближнего Востока, укрепить присутствие и улучшить позиции своих компаний в Центральной Азии[2].

Что же касается основных задач России, это в первую очередь сохранение своих позиций на мировом энергетическом рынке в условиях растущей конкуренции. Подобная задача имеет отчетливое геополитическое измерение [Жуковская 2023].

Развитие китайской экономики обуславливает рост спроса на дополнительные энергоресурсы. За последние 20 лет потребление энергии в Китае выросло более чем в три раза [Жуковская 2023]. Поскольку энергетические резервы, которыми располагала КНР, не могли удовлетворить ее потребности в энергии, для Китая возросло значение соседней России, обладающей большими энергетическими ресурсами и широким рынком сбыта.

Сотрудничество в области энергетики между Россией и Китаем началось в 1992 г. РФ искала новых партнеров в сфере энергоресурсов для преодоления тяжелого экономического кризиса, Китай же наращивал добычу энергоресурсов и нуждался в импорте нефти и газа. Эта ситуация стала поворотным моментом и отправной точкой в новейшей истории сотрудничества РФ и КНР.

Межправительственные соглашения 1992 г., наряду с определением основных принципов в области торгово-экономического сотрудничества, открыли широкие возможности для заключения соглашений в области энергетики между отдельными юридическими субъектами. Для развития отношений стратегического партнерства большое значение имело подписание 16 июля 2001 г. Договора о дружбе и добрососедстве между двумя странами и совместного заявления, отражающего новый этап всестороннего сотрудничества[3]. Эти документы основывались на принципе уважения территориальной целостности, суверени-

---

[2] *Емельянова С.* Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС // Российский совет по международным делам (РСМД). 16 июня 2020. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/semelianova/sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-str/ (дата обращения 23 января 2024).

[3] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16 июля 2001 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901792686 (дата обращения 28 февраля 2024).

тета друг друга и предусматривали реализацию стратегически важных проектов между двумя странами в области экономики, энергетики и высоких технологий, участие России в развитии западных регионов Китая, сотрудничество в области ядерной, электроэнергетической и энергетической инженерии[4].

Однако наиболее заметный рост экономической значимости Китая для России был обусловлен российским «поворотом на восток» после украинского конфликта, начавшегося в 2014 г. Торговая война между США и Китаем и неодобрение действий Китая в Гонконге западными державами и демарши США в «тайваньском вопросе» стали дополнительным стимулом для партнерства КНР и РФ [Рудакова, Бабенко 2020; Янь 2017].

В мае 2014 г. появилось Совместное заявление о «стратегическом партнерстве между КНР и Российской Федерацией», которое в совокупности с другими документами, подписанными тогда же, фиксировало намерение сторон укреплять российско-китайское энергетическое партнерство, в том числе увеличивая поставки природного газа, стимулируя сотрудничество в области экспорта угля, поощряя развитие энергодобывающих предприятий России, занимающихся разработкой отечественных месторождений, наращивая экспорт электроэнергии в Китай[5].

Кроме того, 21 марта 2023 г. была подписана российско-китайская декларация, которая предусматривала развитие сотрудничества не только в традиционных отраслях энергетики, но также и в атомной сфере и в области использования возобновляемых энергоисточников[6].

---

[4] Московское совместное заявление глав государств России и Китая. 16 июля 2001 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18 июля 2021. URL: https://mid.ru/fr/foreign_policy/rso/1605631/?lang=ru (дата обращения 28 февраля 2024).

[5] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/1642 (дата обращения 28 февраля 2024).

[6] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 г. // Российская газета. 21 марта 2023. URL: https://rg.ru/2023/03/21/sovmestnoe-zaiavlenie-rf-i-knr-ob-uglublenii-otnoshenij-vseobemliushchego-partnerstva-i-strategicheskogo-vzaimodejstviia-vstupaiushchih-v-novuiu-epohu.html (дата обращения 28 февраля 2024).

ISSN 2686-7648

Развитие российско-китайского сотрудничества в 1990–2010-е гг. показало, что РФ и КНР являются друг для друга практически идеальными партнерами в энергетической сфере, несмотря на ряд несовпадений в стратегических планах двух стран. Большое значение в данном случае имеют не столько и не только экономические факторы, важность которых, впрочем, не стоит преуменьшать, но и факторы геополитического характера, которые способствовали тесному сближению двух стран на фоне глобального политического кризиса – кризиса постбиполярной системы.

Сотрудничество в нефтегазовой и электроэнергетической сферах

Во второй половине 1990-х гг. зависимость Китая от импорта нефти возросла. В 1997 г. Китай и Россия подписали меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в экономической, научно-технической сфере. В меморандуме была достигнута договоренность о прокладке Восточного трубопровода из Иркутской области в Китай и другие страны и Западного газопровода из Западной Сибири в Китай, а также о передаче избыточной электроэнергии из Иркутска в Китай. Укрепление законодательной основы энергетического сотрудничества между двумя государствами и ее расширение в контексте стратегического партнерства происходит после событий 11 сентября 2001 г., повлекших значительные изменения на мировых энергетических рынках. Важным событием в данном контексте стал официальный визит Президента России Владимира Путина в Китай в марте 2006 г. В Совместной декларации, подписанной в ходе встречи, подчеркивалось, что отношения в энергетической сфере вышли на качественно новый, стратегический уровень, и констатировалось, что уже удалось успешно организовать поставки природного газа в Китай. Отметим, что впервые вопрос об экспорте российского газа в КНР был зафиксирован в соглашении, подписанном в октябре 2004 г. между «Газпромом» и Китайской национальной нефтяной компанией (КННК).

В марте 2006 г. между двумя странами был подписан протокол, предусматривающий поставки природного газа из России в Китай. Документ предусматривал развитие сотрудничества в области поставок природного газа объемом 68 млрд кубометров в год из России в Китай, поставок газа из Единой системы газоснабжения России и строительства систем транспортиров-

ки и распределения газа в Китае, а также геологоразведки, добычи, транспортировки и реализации газа, создания и эксплуатации подземных газовых хранилищ.

В 2003 г. начались работы по проекту строительства нефтепровода между Россией и Китаем. Первоначально планировалось вести строительство по маршруту Ангарск–Дацин, но позже были обсуждены вопросы реализации проекта «Восточная Сибирь–Тихий океан» [Фан Тинтин 2012].

В декабре 2004 г. правительство России приняло постановление о проектировании и строительстве трубопроводной системы Восточная Сибирь–Тихий океан (ВСТО) по маршруту Тайшет (Иркутская область)–Сковородино (Амурская область)–бухта Козьмино (Приморский край) общей мощностью до 80 млн т нефти в год. Протяженность этого маршрута превышала 4,7 тыс. км. Целью проекта было освоение новых нефтяных месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, экспорт российской нефти в восточном направлении и реализация энергетической стратегии до 2020 г. Строительство планировалось осуществить в два этапа. Первый этап предусматривал строительство нефтепровода мощностью 30 млн т в год по маршруту Тайшет–Усть-Кут–Талаканское месторождение–Ленск–Олекминск–Алдан–Тында–Сковородино, проходящего по территории Иркутской, Амурской областей и Республики Саха, и строительство 850 нефтеперекачивающих станций с общим объемом резервуарного парка 7 тыс. кубометров и специализированного морского порта в бухте Козьмина [Подоба и др. 2009].

Реализации проекта ВСТО существенно препятствовали экологические факторы. Организации Гринпис и Всемирный фонд дикой природы пытались воспрепятствовать прокладке нефтепровода в непосредственной близости от озера Байкал. Тем не менее 28 декабря 2009 г. премьер-министр РФ В.В. Путин лично открыл первый этап проекта, запустив загрузку нефти на танкер, направляющийся в Гонконг [Осколкова 2010].

В 2011 г. нефть экспортировалась в Китай по нефтепроводу Сковородино–Мохэ–филиалу ВСТО. Годовой объем экспортируемой нефти составлял около 25–30 млн т. Российские нефтяные компании «Транснефть» и «Роснефть» получили эксклюзивные права на поставку нефти в Китай сроком на 20 лет. В 2016 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между «Роснефтью» и Китайской национальной химической корпорацией (ChemChina). Глава «Роснефти» И.И. Сечин заявлял, что инвестиционный потенциал достигнутых соглашений может

ISSN 2686-7648

составить 30 млрд долл. Однако проект так и не был осуществлен из-за значительных капитальных затрат[7].

В течение 2010–2019 гг. был реализован ряд крупных проектов энергетического сотрудничества, в том числе расширение китайско-российского нефтепровода, проект восточного газопровода Китай–Россия и проект «Ямал СПГ» [Голобоков 2018].

В 2010-е гг. Россия и Китай открывали все новые возможности сотрудничества в области газопоставок. В 2014 г. между «Газпромом» и КННК было заключено соглашение о продаже российского газа по газопроводу «Сила Сибири» сроком на 30 лет. Согласно соглашению, Китай должен был экспортировать 38 млрд кубометров газа в год на регулярной основе. В декабре 2019 г. газопровод был введен в эксплуатацию[8].

Газопровод «Сила Сибири» (маршрут «Восток») предполагал транспортировку российского газа с Ковыктинского месторождения в Иркутской области и Чаяндинского месторождения в Якутии на Дальний Восток и в Китай. Пояс протяженностью 3000 км пролег по территории Иркутской области, Республики Саха и Амурской области Российской Федерации[9].

Проект был важен с точки зрения обеспечения энергетической безопасности КНР и разнообразия рынков сбыта российского природного газа. Проект «Сила Сибири» стал одним из ключевых источников газа для Дальнего Востока, он имеет прямое отношение к экономическому развитию и росту всего региона. Проект значим также с точки зрения прокладки нового магистрального маршрута экспорта российского газа в Азиатско-Тихоокеанский регион.

В 2015 г. Россия и Китай подписали соглашение о транспортировке газа по газопроводу «Сила Сибири-2» от западносибирских месторождений в КНР. Значение этого проекта трудно переоценить: он стартовал в условиях сокращения поставок российского газа в Европу и был призван минимизировать связанные с этим сокращением риски и издержки [Рудакова, Бабенко 2020].

Согласно условиям специального меморандума о взаимопонимании, подписанного в 2017 г., касающегося подземного хранения газа и газовой электрогенерации, компании «Газпром»

---

[7] *Емельянова С.* Указ. соч.

[8] Там же.

[9] Газопровод «Сила Сибири» // ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/projects/ power-of-siberia/ (дата обращения 24 января 2024).

и КННК осуществили совместный анализ и оценку геологических, технологических и экономических аспектов создания объектов для хранения природного газа. В 2017 г. в Амурской области стартовало строительство Амурского газоперерабатывающего завода, в котором участвовала китайская компания Gezhouba Corporation. Проект реализовывался с применением технологических решений, разработанных совместным специализированным предприятием, расположенным на территории трех китайских провинций [Янь 2017].

В июле 2018 г. был реализован первый проект китайско-российского сотрудничества в области поставок СПГ [Ань 2019]. В соответствии с соглашением о сотрудничестве между двумя странами о транспортировке природного газа с 2018 г. российский газ начали экспортировать в КНР по восточной линии газопровода Китай–Россия, объем транспортировки газа составил 38 млрд кубометров в год, общая стоимость контракта была определена в 400 млрд долларов за 30 лет.

В 2021 г. по этим трубопроводам Китай осуществлял поставки природного газа в основном из Центральной Азии, России и Мьянмы, а также сжиженного природного газа – СПГ из Австралии, Катара и Малайзии. Импортные цены на природный газ в РФ оказались более выгодными по сравнению с мировыми рыночными ценами. Это помогло Китаю сократить расходы на газ и диверсифицировать свои источники энергии. Кроме того, географическая близость России к Китаю по сравнению с поставщиками Ближнего Востока и Африки стала дополнительным фактором выгоды для китайской стороны, транспортировка нефти и газа оказалась более простой, энергетические сделки – более безопасными, снизились геополитические риски и т. д. [Чэнь Сюецин 2023].

В 2023 г. потребление природного газа в Китае выросло на 7,6% и превысило 394 млрд кубометров. В декабре 2023 г. потребление природного газа увеличилось на 9,5% по сравнению с 2022 г. до почти 38 млрд кубометров[10].

В совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 2023 г. стороны выразили согласие интенсивно работать над проектом

[10] China's natural gas consumption increased by 7.6% in 2023 // Enerdata. Данные о мировой энергетике и климате – ежегодник 2023. URL: https://energystats.enerdata.net/renewables/renewable-in-electricity-production-share.html (дата обращения 6 марта 2024).

ISSN 2686-7648

строительства нового газопровода из России в Китай по территории Монголии[11].

Одним из основных направлений энергетического сотрудничества России и Китая было производство электроэнергии. Наличие значительного потенциала для производства электроэнергии регионов Сибири и Дальнего Востока России создавало возможности для ее поставок в Китай.

Проект в сфере энергетики, реализуемый компанией «Восточная энергетическая компания», служит ярким примером сотрудничества России и Китая в этой области. В 2015 г. было подписано межправительственное соглашение о сооружении двух энергоблоков Тяньваньской атомной электростанции, которые должны быть построены государственной корпорацией «Росатом». В 2018 г. объем экспорта электроэнергии в Китай составил 3,955 млрд киловатт-часов.

Существуют широкие возможности для сотрудничества между двумя странами в сфере электроэнергетики. Акционерное общество «Интер РАО» является единственным в Российской Федерации оператором экспорта и импорта электроэнергии. Поставки электроэнергии в Китайскую Народную Республику осуществляются за счет мощностей электростанций, расположенных на территории Дальневосточного федерального округа. Значительный вклад в развитие двустороннего сотрудничества в энергетической сфере вносит деятельность Российско-Китайской межправительственной комиссии по энергетическому сотрудничеству, ранее носившей название «Энергодиалог Россия – Китай».

Важно подчеркнуть, что сотрудничество России и Китая в области энергетики носит относительно недолговременный характер. Поставки российской электроэнергии в приграничные районы Северо-Восточного Китая были запущены лишь в конце XX в. Нехватка электроэнергии в некоторых регионах Китая и наличие избыточных мощностей на Дальнем Востоке России стали причиной создания межгосударственных линий электропередачи. В 1992 и 1997 гг. были запущены две такие линии, которые способствовали укреплению связей между энергетическими системами двух стран. Однако поставки электроэнергии по линиям «Благовещенск–Хэйхэ» и «Сиваки–Шипажань» не превышали 200 млн киловатт-часов в год.

---

[11] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства...

В марте 2007 г. между Россией и Китаем была подписана совместная декларация о реализации масштабных проектов в области энергетики.

Возобновление поставок электроэнергии в Китай произошло в 2009 г. после заключения нового контракта. В последующие годы объемы поставок демонстрировали устойчивый рост и в итоге достигли 854 млн киловатт-часов в год. Это экспортное соглашение предусматривало поэтапное увеличение поставок энергоносителей в три этапа. Кроме того, проект включал в себя строительство объектов генерации и инфраструктуры для соединения сетей, в частности линии электропередачи напряжением 500 кВ от подстанции «Амурская» до государственной границы России с Китаем.

На данный момент поставки электроэнергии осуществляются в соответствии с контрактом 2012 г. по линиям электропередач «Амур–Хэйхэ» (напряжением 500 кВ), «Благовещенская–Хэйхэ» (110 кВ) и «Благовещенская–Айгун» (220 кВ). Данные поставки гарантируют экспорт электроэнергии из Российской Федерации в объеме до 25 млрд киловатт-часов на протяжении ста лет.

В 1990 г. объем потребления электроэнергии составлял 603,5 млрд киловатт-часов. К 2019 г. этот показатель увеличился до 7201,8 млрд киловатт-часов.

По предварительным данным, в 2021 г. потребление электроэнергии в Китае превзошло уровень 2020 г. на 5,2%. При этом рост потребления населением составил 7,5%, а промышленностью – 10,2% по сравнению с 2020 г. В Северо-Восточном регионе Китая прирост потребления электроэнергии достиг 0,8% [Денисенко 2022].

Энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем достигло стратегического уровня и служит взаимной выгоде. Во-первых, Россия способствует укреплению энергетической безопасности в регионе Северо-Восточной Азии. Во-вторых, это создало возможности для развития топливно-энергетического сектора обеих стран.

В заключение следует отметить, что Российская Федерация благодаря сотрудничеству с иностранными партнерами получает доступ к необходимым финансовым ресурсам для реализации крупных проектов, требующих значительных инвестиций.

Кроме того, совместная деятельность способствовала внедрению передовых технологий в области эксплуатации вновь открытых месторождений, повышению их эффективности[12].

[12] *Емельянова С.* Указ. соч.

ISSN 2686-7648

Несмотря на перспективные возможности в сфере энергетики, данный сектор сталкивается с определенными вызовами. Основной риск заключается в чрезмерном расширении присутствия китайских компаний в российских энергетических проектах, включая проекты в Арктическом регионе.

На современном этапе не существует единой долгосрочной программы развития отношений между двумя странами. Основными препятствиями для сотрудничества двух стран в газовой сфере стали внешняя конкуренция и колебания цен на природный газ. Ценовая политика на природный газ имеет высокое значение для энергетического сотрудничества между Россией и Китаем, заключения договоров об энергоснабжении.

Перспективы сотрудничества в области возобновляемой энергетики

В настоящее время Китай занимает одну из лидирующих позиций в области фотоэлектрической и ветровой энергетики, производства, продажи и потребления этих видов энергии. Быстрое развитие новых направлений энергетики в Китае повлияло на зависимость сектора возобновляемой энергетики от США и Европы. Китай возродил свой экспортный рынок возобновляемой энергии. В результате он добился серьезных достижений в этой области.

Несмотря на то что Россия является значимым производителем и экспортером традиционных энергоресурсов, важные шаги по созданию низкоуглеродного энергетического баланса усиливаются. Производство водорода на российском энергетическом рынке в основном является экспортно-ориентированным направлением [Чэнь Сюецин 2023].

План действий по развитию российской водородной энергетики до 2024 г. предусматривал формирование единой водородной энергетической цепочки в России. Он включает в себя закупку низкоуглеродного водорода, его смешивание в транспортной системе через сеть газопроводов, а также создание новой сети водородопроводов путем модернизации существующих газопроводов. Экспорт продукции планировалось осуществлять преимущественно в страны Европы[13].

[13] План мероприятий «Развитие водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года» // Правительство России. Официальный сайт. URL: //http://static.government.ru/media/files/7b9bstNfV640nCkkAzCRJ9N8k7uhW8mY.pdf (дата обращения 6 марта 2024).

Россия обладает значительными преимуществами в области водородной энергетики благодаря своим ресурсам, производственным возможностям и рынку. Во-первых, страна располагает большими запасами природного газа, активно развивает ядерную энергетику и имеет низкие затраты на производство водорода. Во-вторых, технологии и процессы в водородной промышленности во многом схожи с газовой отраслью. Россия стала одной из самых современных газопроводных сетей в мире: более 170 000 км газопроводов, почти 700 000 км газораспределительных трубопроводов и более 20 подземных хранилищ газа. Кроме того, Россия располагает географической близостью к ключевым мировым рынкам водорода – европейскому и азиатскому, а также развитой системой газотранспортных связей [Чэнь Сюецин 2023]. Однако Россия отстает от стран-партнеров по производству и потреблению возобновляемых источников энергии. Так, если в 2021 г. на США приходилось 18,7% мирового потребления возобновляемой энергии, на Германию – 5,7%, а на Китай – 28,4%, то для России этот показатель составил всего 0,2%. Более значительной была доля России в мировом потреблении атомной и гидроэнергетической энергии – 7,9 и 5% соответственно (показатели Китая – 14,6 и 30,4% соответственно). Существовали возможности для развития российско-китайского технологического сотрудничества в данных областях [Жуковская 2023].

Кризис, который произошел в Китае осенью 2021 г., вновь показал значимость взвешенного подхода к разработке и реализации энергетической политики, а также значимость международного сотрудничества в этой области. Стремление ускорить достижение углеродной нейтральности, проблемы в угольной отрасли, климатические условия и другие факторы в конечном итоге привели к серьезному дефициту энергии в КНР, стимулировали расширение использования возобновляемых источников энергии внутри страны[14] и активизации Китая в разработке международных правил и стандартов в области «зеленой» и «умной» энергетики. В рамках проекта «Один пояс, один путь» планировалось развитие партнерства именно в этой области [Романова 2023].

Доля возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе Китая будет расти и составит, по данным про-

[14] China Renewable Energy Outlook 2020 // Lawrence Berkeley National Laboratory's China Energy Group. URL: https://china.lbl.gov/china-energy-outlook-2020 (дата обращения 31 января 2024).

ISSN 2686-7648

граммы REmap2030 Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), в 2030 г. 16% (в 2010 г. она составляла только 7%), а при наличии целенаправленной финансовой поддержки –возможно, и 26% [Авраменко, Байгускарова 2018].

Россия обладает огромным потенциалом в развитии альтернативной энергетики. Тем не менее в течение длительного времени в стране отсутствовали государственные программы, направленные на поддержку этой отрасли. Лишь в 2013 г. была запущена государственная программа «Энергоэффективность и развитие энергетики» на период с 2013 по 2020 г. В соответствии с этой программой к 2024 г. в России планировалось создать около 1,5 гигаватт солнечной энергии, 3,6 гигаватт ветровой энергии и 900 мегаватт малых гидроэлектростанций. Инвесторы также должны были построить солнечные электростанции общей мощностью 904 мегаватта и другие объекты[15]. С 2013 г. в России началась реализация государственной программы до 2020 г., направленной на повышение энергоэффективности и энергетики. Программа предусматривала создание в России к 2024 г. около 1,5 гигаватт солнечной энергии, 3,6 гигаватт энергии ветра и 900 мегаватт малых гидроэлектростанций. Инвесторы также должны были построить за это время солнечные электростанции и другие объекты общей мощностью 904 мегаватта.

Китайские компании проявляли интерес и вкладывали большие средства в производство в России экологически чистой энергии, особенно в строительство солнечных и ветряных электростанций. С 2014 г. отношения между российскими и китайскими корпорациями, имеющими отношение к возобновляемой энергетике, становятся все более крепкими. Сейчас Китай является, например, крупнейшим производителем солнечных панелей. С целью строительства и эксплуатации солнечных парков в России с 2014 г. компания ООО “Solar Systems”, созданная компанией Амур Сириус (КНР), уже реализует ряд проектов в Самарской и Астраханской областях. Кроме того, Solar Systems сотрудничает с китайской компанией Shunfeng International Clean Energy Limited (SFCE). Между ними подписан Меморандум о взаимопонимании по развитию

[15] Государственная программа Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики». 15 апреля 2014. // Министерство энергетики Российской Федерации. URL: https://minenergo.gov.ru/activity/government-program (дата обращения 28 марта 2024).

партнерства по проектам, связанным с поставками солнечной энергии.

Согласно соглашению о стратегическом сотрудничестве в области энергетики, подписанному в мае 2014 г. между Rus Hydro и Power China, к 2020 г. объем инвестиций в эту сферу между двумя странами должен был составить 1,7 млрд долларов. К этому времени RusHydro планировала построить 139 солнечных электростанций, 35 ветряных электростанций и две ветряные электростанции. В то же время между российской компанией RAO Energy Systems of the East и Dongfang Electric International Corporation (КНР) было подписано соглашение о сотрудничестве по реализации совместных проектов на Дальнем Востоке. Отметим, что Power China, партнер RusHydro, уже создал два ветряных комплекса на Камчатке и два на Сахалине[16].

Можно привести и другие примеры. Так, в 2017 г. Россия и Китай начали сотрудничество в сфере ветроэнергетики, построив первый крупный ветропарк в России – Ульяновский. Кроме того, между крупными гидроэнергетическими компаниями Китая и России было подписано несколько соглашений по разработке гидроэнергоресурсов Дальнего Востока и Сибири. Производство фотоэлектрической энергии в России стартовало относительно поздно, но Китай постепенно включается в строительство фотоэлектрических станций мощностью 75 мегаватт, расположенных в Самарской области [Чэнь Сюецин 2023].

Следует отметить, что для производства промышленно значимого количества энергии солнца и ветра необходима достаточно большая территория. В таких мегаполисах, как Пекин или Шанхай, таких районов практически нет. Это делает обширные территории Дальневосточного региона России выгодными и привлекательными для реализации проектов альтернативной энергетики [Голобоков 2018].

Итог

В конце XX – начале XXI в. Россия и Китай сформировали широкую и богатую нормативно-правовую база, что сделало возможным сотрудничество в сфере энергетики, создание необходимой для этого инфраструктуры. Большой потенциал имеют российско-китайские совместные проекты в области альтернативной энергетики, производстве и потреблении воз-

[16] Государственная программа...

ISSN 2686-7648

обновляемых источников энергии. При этом, наряду с объективными экономическими факторами, на российско-китайское энергетическое сотрудничество оказывают значительное влияние геополитические факторы. Можно предположить, что сближение России и Китая на фоне кризиса постбиполярной системы будет способствовать расширению и углублению взаимодействия двух стран в области энергетики.

Литература

Авраменко, Байгускарова 2018 – *Авраменко А.А., Байгускарова А.Р.* Сотрудничество КНР и России в сфере использования возобновляемых источников энергии // Евразийский союз ученых. 2018. № 4–6 (49). С. 4–6.

Ань 2019 – *Ань Ч.Ч.* Новая ситуация и новые меры китайско-российского энергетического сотрудничества // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 1. С. 7–14.

Голобоков 2018 – *Голобоков А.С.* Российская энергетическая стратегия и новые формы энергетического сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 4 (43). С. 7–16.

Денисенко 2022 – *Денисенко В.А.* Россия и Китай: взаимодействие в сфере электроэнергетики // Известия Восточного института. 2022. № 1 (53). С. 132–143.

Жуковская 2023 – *Жуковская И.Ю.* Перспективные направления сотрудничества России и Китая в сфере энергетики // Экономические исследования и разработки. 2023. № 1. С. 64–73.

Ларин 2023 – *Ларин В.Л.* Большая Евразия в фокусе интересов и политики Китая в «новую эпоху» // Евразийский ежегодник 2023 (1). М.: РАН, 2023. С. 64–92.

Осколкова 2010 – *Осколкова Я.И.* Нефтепровод «Восточная Сибирь–Тихий океан» как ключевой элемент российско-китайского сотрудничества в нефтяном секторе // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 3 (63). С. 125а–128.

Подоба и др. 2009 – *Подоба З.С., Попова Л.В., Сутырин С.Ф.* Энергетические инициативы в рамках ШОС и сотрудничество России, Китая и Казахстана в нефтяной сфере // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 2 (24). С. 109–115.

Романова 2023 – *Романова Е.А.* Особенности развития возобновляемых источников энергии в странах–членах ШОС (на примере КНР) // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2023. № 3. С. 79–97.

Рудакова, Бабенко 2020 – *Рудакова А.А., Бабенко И.В.* Современное развитие сотрудничества России и Китая в сфере энергетики // Молодежь и

системная модернизация страны: Сб. науч. статей 5-й Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых: В 6 т. Курск, 19–20 мая 2020 г. Т. 3. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2020. С. 347–350.

Фан Тинтин 2012 – *Фан Тинтин.* Развитие российско-китайского энергетического сотрудничества // Россия и АТР. 2012. № 1 (75). С. 96–103.

Чэнь Сюецин 2023 – *Чэнь Сюецин* Перспективы и проблемы российско-китайского сотрудничества по переходу к низкоуглеродной энергетике в контексте документов стратегического планирования РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25. № 2. С. 142–153.

Янь Цзин 2017 – *Янь Цзин.* Российско-китайское энергетическое сотрудничество: современное состояние и перспективы // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 177–180.

References

An', Ch.Ch. (2019), "New modalities of Chinese-Russian energy cooperation", *Russian foreign economic journal*, no. 1, pp. 7–14.

Avramenko, A.A. and Baiguskarova, A.R. (2018), "Cooperation between China and Russia in the use of renewable energy sources", *Eurasian Union of Scientists*, no. 4–6 (49), pp. 4–6.

Chen Xueqing (2023), "Prospects and problems of Russian-Chinese cooperation on the transition to a low-carbon energy sector in the context of Russian strategic planning documents", *Journal of Volgograd State University, Economics*, vol. 25, no. 2, pp. 142–153.

Denisenko, V.A. (2022), "Russia and China: cooperation in the electric power sector", *Oriental Institute Journal,* no. 1 (53), pp. 132–143.

Fang Tintin (2012), "The Development of China-Russian energy cooperation", *Russia and the Pacific*, no. 1 (75), pp. 96–103.

Golobokov, A.S. (2018), "Russian Energy Strategy and new forms of energy cooperation between Russia and China on the Far East", *The territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University,* vol. 10, no. 4 (43), pp. 7–16.

Larin, V.L. (2023), "Greater Eurasia in the focus of China's interests and policy in the 'new era'", *Eurasian Yearbook 2023 (1)*, RAN, Moscow, Russia, pp. 64–92.

Oskolkova, Ya.I. (2010), "Pipeline Vostochnaya Sibir – Tihiy ocean" as a key element of Russian–Chinese cooperation in oil sector", *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, no. 3 (63), pp. 125–128.

Podoba, Z.S., Popova, L.V. and Sutyrin, S.F. (2009), "Energy initiatives within the SCO and cooperation between Russia, China and Kazakhstan in the oil sector", *Journal of the Ural state university of economics,* no. 2 (24), pp. 109–115.

Romanova, E.A. (2023), "Features of the development of renewable energy sources in the SCO member states (by the example of China)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 3, pp. 79–97.

Rudakova, A.A. and Babenko, I.V. (2020), "Modern development of cooperation between Russia and China in the field of energetics", *Molodezh' i sistemnaya modernizatsiya strany: Sbornik nauchnykh statei 5-i Mezhdunarodnoi nauchnoi*

ISSN 2686-7648

konferentsii studentov i molodykh uchenykh: v 6 t. Kursk, 19–20 maya 2020 g., t. 3 [Youth and system modernization of the country. Proceedings of the 5th International Scientific Conference of Students and Young Scientists, in 6 vols. Kursk, May 19-20, vol. 3], Yugo-Zapadnyi gos. un-t, Kursk, Russia, pp. 347–350.

Yan' Tszin (2017), "Russian-Chinese energy cooperation. Current state and prospects", *Sociopolitical Sciences*, no. 5, pp. 177–180.

Zhukovskaya, I.Yu. (2023), "Promising areas of cooperation between Russia and China in the energetics sector", *Economic Development Research Journal*, no. 1, pp. 64–73.

Информация об авторе

Самира А. Иманова, кандидат исторических наук, доцент, Азербайджанский университет языков, Баку, Азербайджан; AZ1014, Азербайджан, Баку, р-н Насими, ул. Рашида Бейбутова, д. 134;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; imanovas@bk.ru

Information about the author

Samira A. Imanova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan; bld. 134, Rashid Beibutov Street, Nasimi district, Baku, Azerbaijan, AZ1014;

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosov Avenue, Moscow, Russia, 119192; imanovas@bk.ru

Научный журнал

Вестник РГГУ

Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»

№ 1

2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Н.В. Москвина
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73401 от 03 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 10.04.2025
Выход в свет 15.04.2025
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 9,6.
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2137

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru